Оксана АБОЛИНА, Игорь МАРАНИН

ПОДМАСТЕРЬЕ

1

Ерёмин проснулся, как обычно – за минуту до звонка будильника. Он сладко потянулся, хрустя суставами, и проворно выскочил из постели. Десять минут – бодрящий прохладный душ, ещё столько же – чистка зубов и бритьё, полчаса – утренняя разминка и пробежка на тренажёре в лучах искусственного солнца навстречу освежающему морскому бризу из кондиционера. Завтрак… На завтрак – порция лапши с синтетическим беконом и витаминный коктейль, обогащённый кислородом. Всё, как всегда. Ничто не предвещало, что этот день коренным образом изменит жизнь служащего седьмого звена Сергея Ерёмина.

Седьмое звено – прослойка между низшим классом человечества и высшим. Большинство поднявшихся до седьмого уровня до конца жизни будут кланяться и пропускать вперёд служащих шестого звена. Лишь десять человек из ста перешагнут этот рубеж: шанс, хотя и реален, но невелик. И график продвижений расписан до конца жизни. И каждый в человеческом муравейнике знает, какое место ему предназначено. Однако есть смысл стараться: случается, вакансии в верхнем звене освобождаются вне очереди – непреднамеренная ошибка, допущенная работником, или, что чаще – внезапная гибель. Если это происходит, в небольшом отсеке муравейника начинаются служебные перестановки и тогда служащий седьмого звена вполне может приобрести статус шестого – и архаичная удача, пережиток времен хаоса – тут вовсе не помешает. Но, как правило, жизнь любого человека размеренна и предсказуема от появления в инкубаторе до вспышки в аннигилятории.

Если бы несколько поколений назад ген предчувствия не был заменен геном прагматизма, вполне возможно, Ерёмин почувствовал бы, что наступающий день станет самым необычным за все его предыдущие тридцать лет, как ни странно это звучит, ибо что может быть необычного в жизни служащего седьмого звена, кроме внеочередного продвижения?

Одевшись в униформу, Ерёмин подошёл к выходу: служебный аэромобиль уже причаливал к окну. Створки автоматически открылись, выпуская хозяина из квартиры. По стародавней привычке похлопав себя по карманам – не забыл ли чего? – Ерёмин ступил на чистый пластиковый пол машинного салона. Работники его отдела уже сидели каждый на своём месте: кто смотрел новости, нацепив на нос электронный информаторий, кто со скучающим видом разглядывал в окно толпу у остановки общественного транспорта. Главной привилегией седьмого звена была служебная развозка, и, глядя на серое, набухшее тучами небо, готовое в любую минуту разразиться дождём, это преимущество нельзя было не оценить – служебный транспорт всегда подавался к окну, в нём было чисто, уютно, и воздух кондиционировался, и каждый служащий был прикреплён к собственному сидячему месту, пусть не такому комфортному, как у шестого звена, но всё

же, всё же... Пара человек в аэромобиле приветственно махнули Ерёмину рукой, а вечно дремавший Попов даже не поднял голову, только буркнул «драсть» и привычно отодвинул свой толстый зад, пропуская Сергея к месту у окна.

Бегло окинув салон взглядом, Ерёмин заметил отсутствие Коновалова – это хорошо, это очень даже замечательно: начальник собирался отправиться в командировку на денёк-другой. Наверное, и вправду уехал. И, значит, в обеденный перерыв Ерёмин спокойно сможет поучаствовать в соревнованиях на гравицикле с препятствиями. Накануне Коновалов предупредил: если хоть раз ещё увидит Сергея обедающим при включённом виртуализаторе, то вовсе запретит им пользоваться в перерыве. Но ведь обед – всего полчаса, и столько надо всего успеть за это время: оформить заявку, проверить готовность гравицикла к соревнованию, изучить маршрут, а затем в течение пятнадцати минут нестись сумасшедшими зигзагами по склонам виртуальной трассы с автоматически появляющимися в самый неожиданный момент препятствиями. Великолепный экстремальный вид спорта, заставляющий Ерёмина держаться в тонусе и не снижать нагрузку ежедневных физических упражнений, а в тридцать лет делать их далеко не так просто, как в юности. Да уже и не всегда хочется…

Так вот, столько надо всего успеть за полчаса, и где выбрать время для перекуса? Ровно в 14 часов опускаются обеденные доски и на них поступают порции соевых брикетов и стаканчики с витаминным коктейлем, а в 14.15 уже начинается заезд. Что же, до вечера голодному сидеть? Оттого, что два десятка недотёп в разных уголках мира умудрились подавиться едой во время виртуализации, откинуть копыта и в итоге спалиться в аннигилятории – это не повод для Сергея отказывать себе в маленьком ежедневном удовольствии. В конце концов, живём только раз…

Да и вообще езда на гравицикле – замечательное занятие. Даже первое звено поддерживает спортивные соревнования. Пусть дух соперничества – пережиток времён хаоса, пусть, но как генетики ни бьются, кипение адреналина в крови по-прежнему необходимо организму. Избавь от него человека, и он превратится в бессмысленную биомассу. А биомасса – она и в двенадцатом звене ни к чему не сгодится, разве что в утилизацию. Так что, пока генетики эту проблему не решили – у Сергея есть ещё время, а что после будет – о том пока и думать не стоит.

На работе Ерёмин прежде всего заскочил к себе и включил вирт, полчасика прилежно позанимался делами, затем стал отвлекаться, несколько раз выглянул в пластиковое окошко бокса, и удостоверившись, что Коновалов так и не пришёл, нырнул в отсек восьмого звена к Женьке Синицыной.

Женька – странная девушка. И внешность у неё необычная – глаза раскосые, зелёные, хитрющие, а волосы светлые, почти белёсые. Если ей верить, такие волосы раньше были у многих в Москве. «Я блондинка», – частенько с гордостью заявляет Женька. Блондинка… Синицына много знает необычных, старинных слов. И древние истории, сказания, мифы из неё просто сыплются. Спроси её, чем увлекались люди эпохи хаоса, и она начнёт соловьём заливаться, во многие её россказни и поверить трудно, Ерёмин думает, что половину своих историй она сходу из головы выдумывает. Например, как древние люди пытались обжить Марс и там до сих пор, возможно, существует

человеческая колония. Об этом в курсе подготовки служащих не было ни слова и, по всей видимости, это просто фантазии Синицыной. Таинственным шёпотом сообщает она, как наблюдает по ночам в домашний телетор за Марсом и видит там странные прямые линии, напоминающие каналы. Скорее всего, это, конечно, неправда. Но с другой стороны, почему запрещены гонки на гравициклах по поверхности Марса? Ладно бы, настоящие гонки, а то ведь в вирте…

Или вот поди ж ты узнай, правда или нет, но Женька говорит, что в эпоху хаоса люди собирались в огромные толпы, иногда по миллиону человек, и убивали друг друга, просто так, без причины, даже не пытаясь понять, зачем. Такие массовые истребления назывались войнами, а люди, собравшиеся на войну – солдатами. Позже выяснилось, что виной тому – атавистические гены. Например, ген истребления. И, конечно же, проблему удалось устранить. Но если и вправду всё было так, как рассказывает Синицына, то людям эпохи хаоса не позавидуешь.

А ещё Женька частенько ведёт себя чудно. Например, сидит в перерыве и ничего не ест, а увлечённо рисует на стенном вирте странные трёхмерные многоцветные узоры, которые обманно движутся – не поймёшь в каком направлении. Сначала кажется, что они переливаются слева направо, но чуть сместишь угол зрения – уже движутся наискосок, слева вглубь, а ещё чуть-чуть сдвинешься – потекут справа налево. Так ведь не должно быть, в природе подобного не случается, а Женька рисует себе такие узоры, словно в этом нет ничего необычного.

Один раз Ерёмин застал Синицыну глубоко задумавшейся. Когда он зашёл к ней в бокс, Женька сидела перед обеденной доской, уткнувшись в неё взглядом. Ни соевого брикета, ни коктейля на доске не было, и Ерёмин долго пытался понять, что же Синицына там видит? Ведь нет ничего! Потом спросил её, и она ответила, что наблюдала за пролитой из стакана каплей коктейля. Женьке, видите ли, было интересно сидеть и следить за тем, как испаряется капля. Кто ещё на такое способен? Никто же и не додумается так бестолково проводить время.

А ещё Синицына запросто может в обед отстегнуть ворот униформы и ходить по всему отделу с голой шеей, и все будут таращиться на нее, и не потому, что к нежной девичьей ямке между острых ключиц прильнула золотая старинная эмблемка в виде крестика, нет, а потому что Синицына обалденно красивая. Не как все. Пластические генетики давно добились того, что у людей не бывает проблем с внешностью, но женский стандарт красоты, по которому лепят будущих девочек – это тёмные волосы, смуглая кожа, большие карие выпуклые глаза под узкой дугой бровей, ровный прямой нос, тонкие губы. У Женьки всё не так. Глаза раскосые, зелёные, над ними возвышаются два густых лохматых светлых холмика бровей, а носик маленький, вздёрнутый и губы толстые, совсем неправильные, только Ерёмину всё время хочется подойти к Синицыной и припасть к этим губам, прямо здесь, в отделе восьмого звена. Он, конечно, себе такого никогда не позволит, работа – не место для проявления личных чувств, да и субординация – Синицына ему не пара.

С другой стороны, почему не пара? Она, конечно, звеном ниже, но любому ясно, что скоро поднимется по служебной лестнице. Всего за шесть лет она забралась вверх на

целых четыре звена – с двенадцатого по восьмое. Коновалов говорит, у Женьки ум необычный. С такой головой ей прямая дорога в высшие звенья, кто знает, может, даже и в третье. В высшем управлении нужны люди, которые умеют мыслить свободно и нестандартно. Через несколько лет она и общаться с Ерёминым не захочет, но пока она рядом, почему бы не попробовать словить удачу?

Синицына была не в духе. «Отстань от меня. Я злая. И у меня критические дни! – провозгласила она столь громко и сварливо, что остальные восьмевики отдела подняли головы в своих боксах. – Даже близко не подходи. Это твой Коновалов свалил чёрти куда. А наша мегера грозится после обеда проверку устроить. Должна же я иногда, как люди, поработать… Вылечу отсюда мячиком, вы этого добиваетесь? И что это сегодня мужики с раннего утра кобелятся, извращенцы несчастные! – гораздо тише проворчала она. – Оно мне надо?»

Вот всегда она такая! Плевать ей, что при появлении Сергея она должна встать и поклониться. И что весь отдел восьмевиков наблюдает за её непочтительным поведением. Но ведь не скажешь ей ничего. Один раз Ерёмин попытался поставить Синицыну на место, и лучше бы этого не делал – Женька стала холодной, отстранённой, перестала с ним разговаривать, он потом ночи напролёт не спал – думал, как вновь завоевать её доверие. Хорошо, случай подвернулся. Мегера отчитывала Синицыну, а Ерёмин проходил мимо и заступился. После этого Женька оттаяла.

Но сейчас её вновь как подменили. «Ну что поделать, такой человек непредсказуемый, – утешил себя Ерёмин. – Синицыну надо или принимать такой, как есть, или вовсе не общаться с ней». Пристыженный, он вернулся к себе и подумал, что день не удался. А жаль… Может, хоть с гонкой повезёт…

До перерыва Сергей уже не позволял себе ни на что отвлекаться. Но как только спустились обеденные доски, мгновенно выдул коктейль, схватил соевый брикет и, нацепив на нос персональный виртуализатор, поудобнее пристроился в кресле.

Во время заезда он сразу вырвался вперёд. Такое случалось редко, и Ерёмин чуть не подавился, торопливо заглатывая недожёванный соевый комок. Теперь надо было держать дистанцию, а быть лидером гонки непросто – нужно не только продолжать нестись на бешеной скорости, но и путать отстающих, идя зигзагами на ровном месте и стараясь не дергаться у возникающих тут и там препятствий: чем меньше выдашь их местоположение, тем сложнее будет преследователям. Перед Ерёминым внезапно появилась целая гора оскаленных черепов. В долю секунды он оценил ситуацию – объехать не удастся. Вздёрнул руль, собираясь перемахнуть поверху, как вдруг в кармане тоненько запищал терминал. Мгновенная заминка и боль от удара о землю обожгла лицо и руки. Сверху пронеслись гравициклы других участников. Чертыхаясь и постанывая от боли, Ерёмин скинул вирт. Вот тебе и лидер гонки. Ещё несколько минут придётся приходить в себя – организм не может мгновенно перестроиться после вирттравмы. Сергей ощупал лицо – казалось, что кожа с щеки содрана до кости. Но, разумеется, она была невредимой. Тем не менее, что-то продолжало беспокоить Ерёмина, пока он проверял, целы ли кости, и только когда боль стала утихать, понял, что терминал продолжает, надрываясь, пищать. Что за ерунда? До начисления зарплаты оставалось

больше недели. Кредиты и жильё оплачены на два месяца вперёд. С чего бы это старая пластмасска так разволновалась? Однако было с чего.

«На ваш счёт поступило 1000000 (миллион) еврази, не облагаемых налогом», – высветилась на дисплее терминала сухая информация. Ерёмин потряс головой. Это ошибка. Такие деньги служащим седьмого звена даже присниться не могут. Впрочем, и шестому, и пятому… Четвёртое может помечтать, но только молча, про себя, чтобы никто не слышал. Плох тот служащий, который работает за деньги, а не во имя интересов и нужд общества. Такому повышения не дождаться. Однако, какова ошибочка! Кому-то в бухгалтерии светит изрядная головомойка. Только вопрос – что дальше с этим счётом делать ему, Ерёмину?

Для начала Сергей запросил имя отправителя. Терминал несколько секунд обиженно молчал (не забыл ещё пренебрежение к столь важной новости!), а затем назвал ничего не говорящее Ерёмину наименование – ВОБЛ, индексировать же счёт он вовсе отказался, хотя Сергей повторил запрос несколько раз. Вирт нисколько не прояснил ситуацию: Всемирный Орден Богатых Людей, Внутренний отдел Больничных Листов, Василеостровские большегрузные лайнеры, Восточноевропейское отделение бесплатного лечения, даже организация со странным и непонятным наименованием – Вечный Отдых Бесполезных Лентяев… Десятки контор имели аббревиатуру ВОБЛ. Какая из них могла послать миллион еврази на персональный номер? Терминал вновь пискнул и высветил на дисплее: «Подтвердите получение счёта на 1000000 (миллион) еврази», секунду помолчал и, поскольку был настроен на автоматическую передачу денег, добавил, не дожидаясь указаний Сергея: «Подтверждаю». После этого дисплей погас и никаких новых сообщений на него больше не поступало.

К концу рабочего дня Ерёмин забеспокоился. Ошибку уже должны были заметить и исправить, но терминал молчал, а на запрос, сколько у Ерёмина денег, упорно отвечал: «1000132,87 еврази».

Сергей подошёл к Попову:

– Представь, что тебе на счёт поступил миллион еврази, что бы ты сделал? – спросил он.

– Дурацкие фантазии, – ответил Попов. – В духе Синицыной.

– Ну а если?

– Если-если, купил бы Золотую карту с неограниченным кредитом. И каждый день ел бы настоящее мясо.

Ничего толкового Ерёмин от Попова добиться не сумел.

Едва прозвенел звонок, означающий конец работы и подачу служебного аэромобиля, Сергей сорвался с места и полетел к восьмевикам. Ситуация у него сложилась необычная. И помочь разобраться, что делать, мог только человек, умеющий мыслить нестандартно. А, несмотря на все дурацкие фантазии Синицыной, начальство её ценило именно за это.

Синицына уже собиралась уходить.

– Я тороплюсь, – недовольно сообщила она, увидев Ерёмина. – На трёп времени нет.

– А я провожу тебя, – пообещал Сергей. – Мне очень надо с тобой поговорить. Больше просто не с кем. Это очень серьёзно, – как можно убедительнее заверил он.

– Ну, хорошо, проводи, но только до выхода, – согласилась Синицына. – Так что у тебя стряслось?

– Даже не знаю, как сказать, – пробормотал Ерёмин, думая, с чего начать, чтобы не вышло так же глупо, как с Поповым.

– Ну, говори прямо. Начни с главного, – нетерпеливо оборвала его Женька.

– Ошибка в бухгалтерии. Мне начислили лишние деньги.

– Умереть не воскреснуть! – воскликнула Синицына. – В первый раз о таком слышу. И много? – живо поинтересовалась она.

– Ну, в общем, много, да, – промямлил Ерёмин.

– Сколько?

– Очень много. Ты не поверишь.

– Да сколько же? Говори! Я вспотела ждать!

– Миллион еврази, – тихо произнёс Сергей, боясь, что Женька сейчас просто развернётся и уйдёт, обозвав его лгуном.

– Сколько-сколько? – присвистнула Синицына, и идущий впереди восьмевик оглянулся на неё.

– Миллион, – повторил Ерёмин.

– Ни черта себе! Поклянись, что не врёшь.

– Да зачем мне врать? Сама смотри, – и Ерёмин в который раз за сегодня вытащив из кармана терминал, включил индикацию текущего счёта. На дисплее высветилось: 1000178,53 еврази, – утром было только 132 еврази – как раз до зарплаты должно хватить. А в обед – уже миллион сто тридцать два. А сейчас ещё, по-видимому, проценты набежали.

– Да, – сказала Женька. – Если десять процентов годовых с миллиона, то получится примерно одиннадцать с половиной в час. А если посчитать за сутки, то двести семьдесят три еврази, а я триста в месяц получаю. Однако… Ты счёт проиндексировал?

– Сразу же! Но он не желает определяться. Я получил только имя отправителя – ВОБЛ, но в вирте сотни организаций с таким наименованием. Не знаю, которая из них…

– Вряд ли она упоминается в вирте, – сказала Синицына. – Неиндексируемый ВОБЛ – это Вечная Организация Бесплатной Лотереи. С ней связана одна старая история.

– Какая? – спросил Ерёмин.

И Синицына сходу начала черпать из своего бескрайнего кладезя знаний, размещённого в голове, сногсшибательную информацию:

– Полтыщи лет тому назад, а может, и того больше, жил один богатый человек. Очень богатый. Тогда ещё звеньев не было, но если бы и существовали, этот богач принадлежал бы к первому или, в крайнем случае, ко второму звену. Перед смертью он не назначил наследников. Он поступил иначе – организовал лотерею. И эта лотерея существует по сей день. Раз в год машина, перебирающая имена всех жителей земли, автоматически выбирает победителя. Ему начисляется… впрочем, подробности неважны. Организация лотереи – тайна за семью печатями. Но деньги совершенно чистые, и ты никому ничего не должен о них докладывать, иначе оберут до последней нитки. Надеюсь, ты никому об этом миллионе не рассказывал?

– Да нет, в общем, – растерянно проговорил Ерёмин, вспоминая, много ли успел поведать Попову. Пожалуй, ничего лишнего. Да и вряд ли вечно сонный сосед по аэромобилю к завтрашнему дню вспомнит об этой беседе.

– Ну, я просто балдею, – сказала Синицына. – Тебе неслыханно повезло! Мне бы такую сумму…

– И что бы ты с ней сделала? – спросил Сергей.

– С такой суммой можно жить на одни проценты. Ушла бы с работы. Купила бы мощный телетор, – загнула палец Женька. – Потом ещё, слышала, в архивах хранятся старые вирты эпохи хаоса и на них огромное количество информации о том времени… Да на сто тысяч в год много чего можно купить. Слушай, одолжишь пару-тройку тысчонок? Коновалов сказал, что вернётся – возьмёт меня к вам в отдел, оклад повысится до четырёхсот, и за транспорт платить не надо. Я в течение года отдам.

– Да конечно, – сказал Ерёмин. – Давай свой номер, – и он тут же перекинул Синицыной десять тысяч. – И можешь их не отдавать, не беспокойся, мы же друзья.

Женька посмотрела на него загадочным взглядом своих раскосых зелёных глаз, будто бы и на него, а вроде как мимо…

– Знаешь, – задумчиво произнесла она. – Ты ведь в меня влюблён, так? И ты мне тоже всегда нравился. – Синицына помолчала несколько секунд, а затем вновь заговорила. – Когда Коновалов сказал, что возьмёт меня в ваш отдел, я сразу подумала: ты – отличная пара на будущий год. И, может, даже не на один. Но теперь получится, если я отвечу тебе взаимностью, то это из-за денег. Мне это не нравится. Давай договоримся: этот подарок я приму, но больше, как бы ни сложились наши отношения, ни-ни. Идёт? И знаешь, не раздавай деньги направо и налево, не покупай разом много дорогих вещей. И никому, самое главное, о них не рассказывай! Я знаю, что говорю. А что хочешь купить ты? Небось, гравицикл?

– Да, гравицикл, – кивнул Сергей. – Но есть ещё одна вещь… – он замялся. – Помнишь, ты рассказывала о встрече с Мастером. Это правда?

– Правда, – кивнула Женька.

– А не знаешь, как его найти? – спросил Ерёмин. – Я хотел бы стать подмастерьем.

2

Легенда про Мастеров была типичной невероятной Синицынской историей. Дескать, в эпоху хаоса человек рождался не естественным путём, в инкубаторе, а от живых людей. Оплодотворение происходило во время секса, и ребёнок потом созревал во чреве взрослой женщины. Рост плода продолжался ни много-ни мало – целых девять месяцев. Такое не только трудно представить, но ещё и противно. Но в те времена случались вещи и пострашнее: например, если люди, зачавшие ребенка, не желали его иметь, они убивали его прямо в женской утробе. Ни генетической, ни биологической гигиены тогда не знали. Человек появлялся на свет не в стерильных помещениях, а прямо в грязных жилищах людей, которые его зачали. Этих людей, кстати, называли родителями. В дальнейшем именно они занимались воспитанием и обучением своих детей. Время тратилось абсолютно непродуктивно: родители должны были треть своей жизни посвящать потомству, совершенно не заботясь о собственных потребностях. Кроме того, обязанность совместного воспитания детей приводила к тому, что люди не могли каждый год выбирать себе новую пару. Это было прямо-таки чудовищное рабство.

Что касается самих детей, то об экономии их времени тоже никто не заботился. Не было даже общей для всех теореграммы, внедряемой в период гипносна. С ранних лет малыши должны были учиться днём, когда растущему организму необходимы усиленная физическая подготовка и социальная адаптация. А ночью они просто спали, не поглощая никакой информации, хотя именно в этом возрасте организм максимально подготовлен к гипнообучению. В результате процесс образования затягивался до двадцати с лишним лет, а к этому возрасту от подобного дисбаланса многие становились больными, не приспособленными к работе людьми. Это сейчас Попов – единственный толстяк на всё многотысячное учреждение. А тогда людей стройных, соответствующих стандартам человеческой личности, практически не было.

Помимо того, что обучение было непродуктивно, оно не обеспечивало ОПНР – Обязательного Права Начального Равенства. В наши дни каждый на земле получает одну и ту же, внедряемую в течение восьми лет гипнотическую теореграмму. Поэтому стартовые возможности к четырнадцати годам, когда человек приступает к службе в двенадцатом звене, у всех одинаковые. Дальнейший успех зависит лишь от собственных усилий – только лучшие в звене переходят на следующий уровень. Иногда попадаются люди с выдающимися способностями, такие, как Синицына, тут сказываются различные непредсказуемые наследственные аномалии. Генетический материал этих людей изучают в специально для того предназначенных учреждениях пятого и шестого звена. Но такие, как Синицына – исключения. Карьерный рост им, как правило, обеспечен, хотя сослуживцы их частенько недолюбливают. Но не Женьку, у неё хоть и скверный характер – а всё-таки её в коллективе любят. Трудно сказать почему.

В эпоху хаоса ОПНР не соблюдалось. Страшно сказать, какое тогда было неравенство. Человек глупый и малообразованный мог занимать высокие посты, а способный и добросовестный служащий – всю жизнь провести в самом низу карьерной лестницы. И главной причиной отсутствия справедливого распределения должностей и

соответствующих им благ были, как это ни странно, деньги. Сейчас такое просто немыслимо. Человек получает столько, сколько заработал своим усердием. И трудно представить, что может быть иначе.

История Мастеров уходит корнями в эту непонятную и дикую эпоху хаоса. Тогда существовало поверие, что были и более давние времена, совсем древние: ни виртуализаторов, ни транспорта, ни даже простейших электротехнических приспособлений. И жили в те времена люди, считавшие, что цивилизация неизбежно придет к тому, с чего начинала, к технологическому нулю – они называли это колесом судьбы. Когда оно полностью повернётся, самым главным станет умение выживать, используя только те вещи, что дарует человеку природа. И появились Мастера, которые осваивали ремёсла, иногда сложные, а порой самые примитивные, но владели они ими виртуозно.

Скажем, были Мастера-часовщики. Они умели изготавливать часы. И ничего другого они не делали. Это были не электронные часы, а механические. Действие шестерёнок приводило в движение механизм, который вращал на циферблате стрелки, указывающие время. Мастер не только мог с закрытыми глазами собрать часы, но он собственноручно изготавливал каждую металлическую деталь для них. А если у него не было под рукой металла, он мог сделать часы из песка или даже из воткнутой в землю палки.

Другие мастера умели прясть и шить. Третьи занимались скотоводством. Четвёртые изготавливали музыкальные инструменты и исполняли на них музыку. Мастера объединялись в общины и жили небольшими группами, стремясь сохранить опыт всех предыдущих поколений. Каждый из них занимался с учениками, которых называли подмастерьями.

Наверное, в эпоху хаоса люди чувствовали страшную неуверенность в завтрашнем дне. Иначе отчего появилась сама эта мысль о необходимости научиться всё делать своими руками? Это ведь страшно непродуктивно. Удивительно, но если верить Синицыной, то история Мастеров никогда не прекращалась. Мастера были во все времена, начиная с эпохи хаоса, есть и сейчас.

Как-то раз Женька рассказала Ерёмину про странного мужчину, лет пятидесяти, которого она встретила по дороге домой. Мужчина шёл по улице, небритый, в необычного покроя одежде, а на голове у него красовалось удивительное сооружение, которое Женька назвала «шляпой с пером».

Синицына не стала церемониться, она подошла к этому человеку и прямо его спросила, кто он такой и почему так странно выглядит.

– Я Мастер, – ответил мужчина. – Хочешь стать моей ученицей?

– И почему ты не согласилась? – спросил тогда Ерёмин. – Ты же любишь всё необычное.

– Почему-почему! – взъелась Женька. – Ты хоть соображаешь, что значит учиться у Мастера? Это тебе не по архивам рыться, когда вздумается. Это жёсткая дисциплина, не то, что на работе. Мастер сказал – не раздумывай, делай. Круглые сутки исполняй его

волю. Для службы времени не останется. И можешь чмокнуть в жопу карьеру. А мне оно надо? – Синицына сердито зыркнула на Ерёмина зелёным глазом. – Хотя, кто бы спорил, хочется, конечно…

3

Сергею рассказанная история запала в душу. В детстве он занимался в группе прикладного тренинга, ему нравилось лепить из пластика загадочные фигурки созданий, которые стадами толпились в его сознании, он строил из подручных материалов модели кварталов Москвы, но лучшей его работой стал миниатюрный электротехнический гравицикл. Крошечный гравициклист в чёрной блестящей униформе с глянцевым шлемом совершал всевозможные трюки: мог ехать, стоя ногами в седле, или задом наперёд, держа руль вывернутыми за спину руками. И сам гравицикл не просто разгонялся по ровной поверхности, но умел совершать все те кульбиты, на которые способна настоящая спортивная машина. Модель была так хороша, что стала прообразом для знаменитой скульптуры «Мальчик с гравициклом», правда, Ерёмину, поскольку он тогда ещё был ребёнком, не досталось ни еврази гонорара.

А затем детство кончилось. Ерёмин поступил на ферму синтетического мяса в центре Москвы – механиком двенадцатого звена. Ещё пару лет он забегал в сквер группы детского тренинга, где, прячась в кустах, выменивал у ребятишек пластик, картон и металлические детали на недоступные малышам взрослые продукты – синтетический шоколад и «Колу». По вечерам изготавливал для собственного удовольствия поделки. И может, так продолжалось бы до сих пор, но однажды Сергея застиг в момент обмена товаров детский воспитатель. Он доложил о Ерёмине на службу, а там устроили нагоняй и объяснили, что к ресурсам следует относиться бережно, даже старые свалки и те теперь перерабатываются. Так что экономить нужно ресурсы. Беречь. То, что полезно и незаменимо для детского развития, – для взрослого всего лишь баловство – прихоть, которую общество себе позволить не может. Короче, ещё одно замечание и проведёшь остаток жизни на ферме синтетического мяса, где одна радость – наедайся до отвала, да только через год фермерской работы это мясо уже в глотку не лезет. В общем, впереди была долгая жизнь, но детские игры закончились.

Тогда-то Ерёмин и увлёкся грависпортом, но, видать, осталась в глубине души тоска по работе своими руками, ибо когда он впервые услышал о Мастерах, то стал тихо лелеять несбыточную мечту о том, что когда-нибудь случится чудо, и ему, Ерёмину, не придется зарабатывать себе на жизнь, а можно будет заняться любимым делом. И вот на голову Сергею свалилось то самое чудо, о котором он грезил, но прекрасно понимал, насколько оно несбыточно – у него был миллион еврази, и он мог распоряжаться своей жизнью, как только пожелается.

– Я хотел бы стать подмастерьем, – повторил Ерёмин и вопросительно посмотрел на Синицыну. – Ты помнишь, где встретила того человека, что назвал себя Мастером?

Женька важно насупилась:

– Ох, где же я видела Мастера? – пробормотала она и замолчала, но увидев, как лицо Ерёмина становится всё более расстроенным, прыснула в сторону. Сергей понял, что она просто дразнится. – Конечно, я тебя отведу туда. Даже дом покажу и подъезд.

И Синицына, поймав аэрорикшу десятого звена, повезла Ерёмина в Сокольники – тот район, где по её заверениям, она встретила небритого мужчину в шляпе с пером. По дороге она опять начала рассказывать о Мастерах – о том, что нормальные служащие никогда Мастерами не становятся, только иззвены – маргиналы, не желающие служить обществу. Бывает так, что, несмотря на все старания генетиков, рождаются люди, слабо приспособленные к социальной жизни. Они покидают мегаполисы и живут небольшими колониями в необитаемой зоне. Говорят, уже лет двести можно безопасно жить на открытом пространстве. Коновалов, вернувшись из прошлой командировки, рассказывал, как пролетая над древним городом Калугой, видел там какие-то огни – то ли электрические, то ли от костров – он не разобрал. Но, очевидно, что есть места вне мегаполисов, где обитают люди.

В Сокольниках находился общественный парк, окружённый со всех сторон однотипными высотными жилыми зданиями постройки прошлого века. Это было хорошо знакомое Ерёмину место, он гулял здесь после выпускного бала, и частенько впоследствии заглядывал сюда. Высадившись у входа в парк, Синицына отпустила аэрорикшу и, махнув рукой в сторону одной из аллей, произнесла:

– Вон там, у скульптуры «Мальчик с игрушечным гравициклом» я и встретила Мастера. Отвести тебя?

– Я знаю это место, – покраснев, сказал Ерёмин. Он приводил сюда каждую свою спутницу года и хвастался тем, что игрушечный гравицикл в руках мальчика сделан по образцу той модели, которую он соорудил в детстве. Пару раз он даже представлял, как приводит сюда Женьку, а теперь, когда она сама его сюда завлекла, отчего-то застеснялся.

– Тогда я тебе сразу покажу дом, куда отправился Мастер, – обрадовалась Синицына, и они повернули к серому массиву жилых домов. У одной из дверей Женька остановилась. – Сюда, – сказала она, – Но квартиру тебе придётся искать самому. Ты, действительно, уверен, что хочешь стать подмастерьем? Тогда ведь придётся уйти со службы, и ты станешь обыкновенным иззвеном, – похоже, Синицына поняла, что Ерёмин настроен серьёзно и решила попытаться остановить его. – Мне такое решение кажется опрометчивым. Ты серьёзно обдумал последствия?

– Я знаю, что делаю, – успокоил её Сергей. – Если хочешь, присоединяйся ко мне, станешь тоже подмастерьем. Денег нам обоим хватит, и я тебя не оставлю, об этом не беспокойся.

– Вот ещё! – фыркнула Синицына. – Очень мне надо – становиться иззвенкой. Ладно, пошла я. Сообщи вечерком, что из этого вышло, – и тут она быстро и резко обняла Сергея,

прижавшись щекой к его щеке. Не успел он ответить на объятие, как Женька уже сорвалась с места и побежала на остановку общественного транспорта.

А Сергей остался перед закрытой дверью парадной. Удастся ли ему найти Мастера? И есть ли он здесь вообще? Может, он и не живёт в этом доме, а в тот день, когда встретил Женьку, просто шёл в гости? Но тогда его должны хотя бы знать здесь. Ерёмин твердо решил, если понадобится, обойти все квартиры, но обязательно выяснить этот вопрос.

4

Парадная была заперта. Сергей позвонил в пару нижних квартир, надеясь, что жильцы откроют дверь на лестницу, но жители дома оказались несговорчивыми. Минут десять он постоял внизу, ожидая, когда кто-нибудь войдёт в парадную, чтобы прошмыгнуть вместе с вошедшим. Первое время никого не было, только аэромобили то и дело причаливали к окнам. Наконец появился нагруженный продуктовыми сумками паренёк, похоже, только-только закончивший обучение в гипношколе и приступивший к службе в двенадцатом звене.

– Мне сказали, тут живёт Мастер, – Ерёмин придержал дверь перед входящим и прошёл вслед за ним. – Но я забыл спросить номер квартиры.

– Джон Матвеевич живёт в сто тридцать четвертой, это на верхнем, двадцать пятом этаже, – охотно сообщил паренёк. – Там всего одна квартира, так что не ошибётесь. Да вот беда – лифт туда не идёт.

– Почему? – спросил Ерёмин.

– А Джон Матвеевич не любит никакой электроники, отключил. Он ведь Мастер. Заходите со мной, я вас довезу до восемнадцатого, а дальше вы пешком…

В тесной кабинке лифта парнишка прижал ладонь к индикатору отпечатков. Динамик недовольно пробурчал о превышении веса, но лифт тронулся и за несколько секунд добросил Ерёмина с попутчиком до восемнадцатого этажа. Сергей поблагодарил и отправился по лестнице наверх.

– У Джона Матвеевича и звонок не работает, – прокричал ему вслед паренёк. – Не любит он технику!

Взойти пешком на семь этажей для Ерёмина не было проблемой. Но он поднимался медленно, черепашьим шагом, словно нехотя. Первоначальный сумасшедший импульс, который заставил отправиться на поиски Мастера, вдруг угас, да и Синицынские предостережения он признавал не такими уж несправедливыми. Сергей задумался: так ли он хочет раз и навсегда изменить свою жизнь? Возможно, он не сможет видеться с Женькой каждый день. А ведь именно сегодня в их отношениях наметилось что-то серьёзное… И что делать, если работа подмастерья окажется до невозможности скучной или обременительной? Придётся вновь начинать карьеру с двенадцатого звена.

«Ладно, я хотя бы познакомлюсь с Мастером, – решил для себя Сергей, – А там по обстоятельствам… Может, он и не захочет со мной разговаривать».

На двадцать пятом этаже, действительно, находилась лишь одна квартира. Сразу было видно, что хозяин её – человек необычный. Стандартная пластиковая дверь была инкрустирована рельефными деталями из редкого материала – древесины. Все вместе детали составляли красивый и хитроумный узор, изображающий незнакомых Ерёмину животных. У одного из них вместо хвоста был вделан плетёный шнур, свисающий на полметра вниз. «Оригинально, однако», – подумал Сергей и почувствовал, как исполняется симпатией к создателю узорчатой двери. Рядом с ней в стену была вделана обыкновенная кнопка звонка.

Сергей позвонил, но из квартиры не раздавалось ни звука. «Может, нет никого?» – подумал Ерёмин и тут вспомнил, как пропустивший его в парадную паренёк сказал, что звонок у Мастера не работает. Ерёмин неуверенно стукнул кулаком по двери, но услышал в ответ лишь глухое молчание. Он несколько раз ударил сильнее, так что заболели костяшки пальцев – всё ещё сказывались отдалённые последствия полученной в обед вирттравмы. Но по-прежнему никто не отпирал. Тогда Сергей изо всей силы пнул по двери ногой, и лишь тогда она чуть приоткрылась, и сварливый девчачий голосок выговорил Ерёмину:

– Ты чего дубасишь? Позвонить нельзя?

– Но звонок не работает, – попробовал оправдаться Сергей.

Дверь приоткрылась пошире, из неё выскользнула девчушка лет пятнадцати, подскочила к хвосту-шнуру и потянула за него. Из квартиры раздался необычный мелодичный звон.

– Дёрнешь за верёвочку, дверь и откроется, – сердито сказала девчонка. – Совсем дурак, догадаться не можешь?

– Так написали бы, что это вместо звонка, – сказал Сергей. – Я думал, украшение…

– Думал-думал, – проворчала девчонка. – Индюк думал, в суп попал…

– Кто такой индюк? – спросил Ерёмин.

– Эх вы, городские, – уничижительным тоном произнесла девчонка. – Ничего не знаете… Ты зачем пришёл?

– Я хотел бы поговорить с Джоном Матвеевичем, – обрадовался Ерёмин, наконец-то разговор повернул в нужное ему русло. – Он ведь Мастер?

– Ещё какой Мастер! – восхищенно сказала девчонка. – А ты договаривался с ним?

– Нет, но я надеюсь, что он сможет меня принять ненадолго…

– Сейчас спрошу, постой пока в прихожей, – девчонка пропустила Сергея в квартиру и шмыгнула в комнату.

Ерёмин огляделся. Может быть, Мастер и не любил технику, но прихожая у него освещалась стандартными электрическими панелями. Правда, на этом сходство с обычной квартирой заканчивалось. Пол был сделан из настоящих деревянных плиток, Ерёмин даже

нагнулся, провел по поверхности пальцем, убедился, что она шероховатая, и попробовал подцепить одну плитку ногтем. Она чуть подалась, но с места не сдвинулась.

Но гораздо больше, чем пол, Сергея заинтересовал стоящий в углу на задних лапах – мифический зверь, медведь. Медведь тоже был деревянный. Он оскалил пасть, но не казался страшным, может быть, потому, что на голове у него находился тот самый предмет, который Синицына назвала шляпой с пером. Медведь обнимал столб с воткнутыми в него крючьями, а на крючьях висела странного покроя одежда.

– Это вешалка, – объяснила возникшая в дверях комнаты девчонка. – Проходи, Джон Матвеевич примет тебя. Да из какой ты деревни взялся, чечух недоделанный? Ноги о коврик вытирай, – опять рассердилась она. – У нас тут нет электронных уборщиков.

– Я, что ли, в этом виноват? – хотел огрызнуться Сергей, но сдержался. В конце концов, он пришёл в гости к Мастеру, тут свои правила, и надо их соблюдать. А что у девчонки характер противный, так ему ли к этому не привыкать? Синицына ещё и не так ругаться может.

Ерёмин ступил в комнату, и глаза у него разбежались по сторонам. Он не знал даже, на что посмотреть сначала. У одной стены – открытый шкаф, в нём, вплотную прижались друг к другу продолговатой формы брикеты с выступающими наружу разноцветными ребрами. Чуть поодаль – круглый деревянный стол на резных ножках, со столешницей, разрисованной яркими цветами на чёрном фоне. А у другой стены – какой-то странный предмет мебели, похоже, употребляемый для сна, невысокий, но длинный и широкий, весь покрытый бежевой плотной материей, словно одна к другой положили несколько подушек – и на вид он был очень уютный, не то, что стандартная, убираемая в стену жёсткая койка. С потолка спускался на металлическом стержне необычный осветительный прибор. В центре его находилась лампа, которую окружали звенящие прозрачные призмы, раскидывающие этот свет по всей комнате.

В углу у прикрытого плотной тканой занавесью окна, сидел в кресле человек. Он выглядел лет на сорок пять-пятьдесят, оброс щетиной, но, похоже, нимало этим не смущался. Одет он был в широкие штаны, внутрь которых заправил белую вышитую рубаху из странного, неблестящего и неэластичного материала.

Мастер был широк лицом и по-своему красив. Глаза большие, ясные, но с резко скошенными наружу веками обрамлялись мохнатыми копнами бровей. Слегка толстоватый прямой нос гордо возвышался над тонким извивом губ. Густая грива распущенных волос спадала на плечи. Взгляд Мастера был проницателен и остёр.

– Садитесь, – дружелюбным жестом он указал Ерёмину на один из стоящих в комнате стульев и обратился к девчонке. – Соня, может, чайку попьём?

– Сейчас, – пискнула девчонка и снова исчезла за дверью.

– Это вы всё сами сделали? – с уважением спросил Сергей, обводя рукой комнату.

– Все Мастера делают только те вещи, которые относятся к их ремеслу, – уклончиво ответил мужчина. – Но они обмениваются изделиями своих рук. Кстати, позвольте представиться: Джон Матвеевич.

– Сергей Алексеевич, – ответил Ерёмин. – Но зовите меня просто Сергей. А что это за брикеты в том шкафу?

– Это книги, – ответил Джон Матвеевич. – Они были известны задолго до появления виртуализаторов и служили для передачи информации.

– А это что? – Ерёмин показал на понравившийся ему мягкий предмет мебели.

– Это диван.

– А как светильник называется?

– Люстра.

С подносом в руках в комнату вновь вошла девчонка, которую Мастер назвал Соней. Она проворно накрыла стол скатертью и расставила чашки с дымящимся напитком.

– Там с обеда щи остались, – сказала она Джону Матвеевичу. – Может, его нормально покормить? Тощий какой… Небось, никогда и не ел нормальной пищи.

– Нет-нет, я не голоден, – возразил Сергей.

– Ну и славно, – ответил Мастер. – Так что, друг мой, тебя ко мне привело?

– Я мечтаю стать подмастерьем, – сказал Ерёмин. – Но я не до конца представляю, что это значит. Поэтому не хотел бы принимать скоропалительное решение.

– Так-так, – Джон Матвеевич взглянул на Сергея с большим вниманием и отхлебнул из кружки странный напиток. – Очень интересно…

Ерёмин осторожно поднёс к губам свою чашку, над которой подымалось облачко пара. От напитка веяло ароматным терпким жаром. Он пригубил из кружки напиток и обжёг язык.

– Делай, как я, – приказала Соня. Она вылила часть содержимого своей чашки в блюдце и стала на него дуть так, что по поверхности побежали маленькие волны. – Так чай быстрее остынет, – объяснила она.

Сергей попробовал повторить за Соней её действия, но вышло у него это неумело, и он разлил часть напитка по скатерти.

– Я подожду, пока остынет, – сказал он и обратился к Джону Матвеевичу. – А по какому ремеслу вы Мастер?

– Этого я не могу сказать, пока не подошло время, – ответил мужчина и ещё раз спокойно отхлебнул напиток, словно у него в кружке было не такое же расплавленное, как у Сергея варево, а прохладный витаминный коктейль. – Тайны ремесла раскрываются

постепенно. А ты ещё даже не знаешь, решился или нет. Кстати, очень хотелось бы знать, что заставило успешного седьмевика принять столь странное решение?

– Я давно хотел стать подмастерьем, – уклончиво ответил Ерёмин, помня о предостережениях Синицыной не рассказывать о миллионе. – Но сегодня решился. Я люблю работать руками. Одна знакомая как-то рассказывала про вас и показала дорогу.

– Но что-то подтолкнуло именно сегодня? – подсказал Мастер.

– Да ничего особенного, – соврал Сергей.

Джон Матвеевич молчал. Ерёмин поёрзал, а затем объяснил:

– У меня теперь достаточно средств, и я могу покинуть службу.

– Откуда у седьмевика такие средства? Не в Бесплатную Лотерею же выиграл?

– Именно в нее и выиграл, – подтвердил Сергей и под ошеломленным взглядом Мастера наконец-таки отхлебнул из чашки обжигающий напиток. Вкус его показался ему странным, но приятным.

– У нас настоящий сахар! – с гордостью похвалилась Соня. – Из сахарной свёклы сделали!

– Погоди-погоди… – сказал Мастер. – У тебя теперь миллион еврази?

– Если можно, не говорите об этом никому, – попросил Сергей. – Так вы мне объясните, что я должен делать, чтобы стать подмастерьем?

– Стать подмастерьем непросто, – ответствовал Джон Матвеевич. – Сначала тебя берут в ученики, и ты должен пройти испытание

– Какое ещё испытание?

– Ученик работает на ферме, и если научится справляться успешно с хозяйством, тогда, если не передумает, он может стать подмастерьем.

– Да я в двенадцатом звене ещё служил на ферме, – сообщил Сергей, надеясь, что это ему будет зачтено. – Там же примитивная работа: следи, чтобы автоматы по загрузке сырья и упаковке продукта работали нормально, и это всё. Ребенок справится.

Соня громко фыркнула, а Джон Матвеевич ухмыльнулся:

– Друг мой, речь идёт не о ферме синтетических продуктов, а о настоящей ферме, за куполом, с животными и растениями, которых ты, вероятно, никогда и не видел.

Тут Ерёмин не мог не согласиться – он и вправду никогда их не видел. Под куполами в мегаполисах содержать зверей и птиц издавна было запрещено – действовали указы многовековой давности – животные разносили заразу. Правда, дважды Сергей выбирался за пределы купола – в Петербург, но посадки между мегаполисами никогда не совершались. Мысль о том, что придётся жить за городом, совершенно в ином,

незнакомом мире, казалась одновременно притягательной и пугающей, у Сергея даже холодок пробежал по спине.

– А что я должен буду делать на ферме?

– Да всё, что потребуется. Можешь поверить, скучать не придётся.

– Я согласен, – выдохнул Ерёмин.

– Это ещё не всё, – сказал Мастер. – Я обычно не беру в учеников таких великовозрастных… ммм… – он помолчал, подбирая слово, – людей. Там будут, помимо Сони, ещё трое ребят младше её. Только они составят тебе на время обучения компанию.

– А Пафнутий? – встряла неугомонная Соня.

– Да, вот ещё Пафнутий… Нужно его разрешение на проживание в обители. Но пока что он никому не отказывал, так что это не проблема. Впрочем, кто знает…

– Я согласен, – повторил Ерёмин.

– И это ещё не всё, – добавил Джон Матвеевич. – Ты станешь иззвеном, и пути назад, к жизни на всём готовеньком, для тебя не будет. Если вдруг передумаешь…

– Не передумаю, – сказал Сергей.

– А пара на год у тебя есть? До зимы далеко, ты должен её отпустить.

– Это тоже без проблем, – уверенно произнёс Сергей.

– Ну, смотри, но есть ещё условие… Всё, что тебе дорого, ты должен оставить на время обучения в этой комнате. Подумай, как следует. Когда ты вернешься в Москву, твоё жильё будет занято. Но с собой за купол уносить ничего нельзя.

– Да нет у меня привязанности к вещам, – сказал Сергей. – Что будет надо, куплю когда вернусь. Миллион же…

– Кстати, тебе придется оставить мне свой терминал…

Вот тут Ерёмин крепко задумался.

– Пожалуй, я пойду, – вежливо произнес он. – Извините, что отнял время…

– Я был в этом уверен, – ответил Мастер. – Иногда для самого себя оказывается полезным узнать, что тебе на самом деле важно, а что нет. Если вдруг всё-таки передумаешь, приходи завтра в это же время.

Девчонка проводила Сергея в прихожую.

– Так я и знала, что ты слабак, – противным голосом произнесла она.

– А ты иззвенка и вредная пигалица, – не сумел сдержать себя Ерёмин. – И вообще, может, я ещё вернусь.

– Поспорила бы, что нет. Но если вернёшься, ты выиграешь, а если я выиграю – что мне с того? Иди уж, – презрительно сказала она и захлопнула за Ерёминым дверь.

Перед тем, как ехать домой, Сергей зашёл в парк и прогулялся до скульптуры «Мальчик с гравициклом». Он сел на скамью и долго смотрел на мраморного пацана в коротенькой детской униформе для младших школьников. Мальчик крепко держал игрушку перед собой двумя руками, но смотрел не на неё, а куда-то вдаль, словно видел впереди те горизонты, которых ему, Ерёмину, никогда уже не достичь.

5

Дома Сергей сразу же позвонил Синицыной и подробнейшим образом отчитался ей о посещении Мастера, но почему-то забыл упомянуть о том, что встретил в квартире Джона Матвеевича противную девчонку Соню.

– Ты понимаешь: конечно, всё это интересно, – объяснил он Женьке, – Но когда он сказал, что мне нужно оставить у него терминал, я передумал.

– А может, он хочет, чтобы ты научился ему доверять?

– Да ну что я, инкубаторный? Пусть своих малявок воспитывает, – сердито пробормотал Ерёмин. – Тоже мне развлечение. А я вот куплю себе завтра после службы гравицикл и буду гонять по спортивному кольцу.

– Ну, до завтра, – сказала Женька, и в голосе её слышалось разочарование. – Решил, так решил…

– Ты же сама не хотела, чтобы я стал иззвеном, – проворчал Ерёмин, но Синицына уже отключила связь.

Весь вечер Ерёмин до изнеможения занимался на спортивных тренажёрах – надеялся отвлечься от мыслей о Мастере и девчонке Соне, но это не помогло. Ночью он долго ворочался на узкой жёсткой койке, но так и не сумел заснуть до самого рассвета, а такого с ним прежде никогда не случалось. Встал он разбитый, с больной головой, нехотя залез под душ, с омерзением глядя на себя в зеркало, побрился и умылся, зарядку не стал делать вовсе, а позвонил, нарушая утренний ритуал, спутнице года.

– Слушай, – сказал он ей. – Возможно, у меня будет работа в другом городе… лучше, чем здесь… Короче, нам пора расстаться, – он говорил это без большого сожаления, так как лёгкая декабрьская увлечённость закончилась уже в январе, не породив душевной близости, и последние месяцы ни у Сергея, ни у его спутницы не возникало желания вновь встретиться, – Ты, если хочешь, живи до января с кем другим. Я не против. Контракт можно расторгнуть, а можно оставить, как тебе удобнее.

– Я опаздываю на службу, – ответила пара. – Не мог найти другое время для разговора? Впрочем, тут и обсуждать нечего. Езжай куда хочешь. С моей стороны претензий не будет.

Ерёмин и сам не знал, зачем позвонил ей. Он был уверен, что, вернувшись на службу, тут же забудет и про Мастера, и про таинственный путь, по которому тот предлагал ему

пойти – иди туда, не зная куда, принеси то, не зная что… Думать об этом больше не стоит. В обед надо будет выбрать марку гравицикла и сделать заказ – тогда вечером Сергей уже сможет гнать по кольцу.

И всё-таки, покидая квартиру, уже у самого окна, Ерёмин оглянулся и окинул комнату прощальным взглядом – словно чувствовал, что сюда не вернётся. Отныне его родной дом будет не здесь. Но он этого ещё не ведал, и если бы кто сказал ему это, не поверил бы, стал спорить. Эх, сложна ты и извилиста, человеческая душа, сколько бы ни пытались тебя исправить генетики – проще тебя убить, чем сделать удобной и понятной.

Когда Сергей явился на службу, то сразу увидел, что в боксе начальника горит свет: Коновалов вернулся из командировки, и не просто вернулся, а успел перевести Женьку в отдел седьмого звена и посадил её в соседний с Ерёминым бокс. Так что теперь и тени сомнения в принятом решении у Сергея не осталось. Все дурацкие идеи о том, чтобы стать иззвеном, покинуть купол, жить за пределами Москвы – весь этот вчерашний морок – это просто результат шока от известия о выигрыше в миллион еврази, бред, затмение сознания. Как он мог серьёзно до такой глупости додуматься?

Однако Синицына вела себя странно. Разговаривала с Сергеем вежливо, но даже тени вчерашней близости между ними не возникало. «Ей нужно освоиться на новой работе, – успокоил себя Сергей. – Через пару дней всё будет, как прежде».

В обед он погрузился в виртмаркет и выбрал новейшую марку гравицикла, за десять тысяч еврази, с мощным мотором, гравиподъемником шестого поколения, но запрос о покупке, сам удивляясь себе, отклонил – всё-таки он стал тороплив в решениях, не стоит так спешить, сперва надо осмотреть гравицикл вживую, потрогать его, посидеть в седле, почувствовать огненное дыхание машины, а потом уже покупать…

Но сколько себя ни обманывай, сколько ни сворачивай с предначертанного пути, любая тропинка вернёт на него, не успеешь даже оглянуться. Когда рабочий день закончился, Ерёмин заскочил в бокс к Синицыной.

– Пожалуй, прогуляюсь ещё разочек до Мастера, – сказал он Женьке. – Не думаю, что останусь у него. Но мало ли… если что, дождись меня. Я обязательно вернусь.

И он вновь отправился в Сокольники.

На этот раз Ерёмин быстро попал в парадную – сразу же позвонил пареньку с восемнадцатого этажа, и тот открыл ему дверь и подогнал лифт. И вновь Сергей с восемнадцатого по двадцать пятый этаж продвигался пешком, но теперь гораздо быстрее и увереннее. Он дёрнул за шнур-хвост, в квартире мелодично забренчало, и дверь снова открыла девчонка Соня.

– Ну, надо же, вернулся, – сказала она. – Однако проходи, гостем будешь.

Мастер был занят, и Соня отвела Сергея на кухню, где Ерёмина встретили невероятные запахи, он никогда с такими не сталкивался, от этих запахов у него сразу же засосало под ложечкой, и рот наполнился слюной – девчонка готовила ужин.

Сергей сидел на колченогом, неудобном, но из настоящего дерева, табурете и наблюдал за тем, как Соня проворно орудует у маленького электрического прибора с круглым верхом. На прибор девчонка водрузила металлический цилиндр с двумя ручками, чем-то напоминающий химический котёл, который Сергей видел ещё в детстве, в учебном гипносне. Из цилиндра валил пар и распространялся тот самый запах, что поразил Ерёмина. Ерёмин понял, что страшно хочет есть.

Когда Соня налила ему полную тарелку, полив сверху густой тягучей белой жидкостью, похожей на синтетический мягкий соус – он начал есть, обжигаясь, не разбирая вкуса, почти взахлёб. Девчонка сидела напротив, смотрела на него широко открытыми глазами и жалостливо качала головой.

– Бееееедненький, – протянула она почти без насмешки и налила ему ещё одну тарелку. Вторую порцию Сергей ел медленнее, распробывая каждую ложку, разминая языком и зубами каждый кусочек пищи. Все они казались разными на вкус, но вместе соединялись в замечательное гармоничное кушание. Соня сказала, что еда называется борщом, и она положила туда картошку, свёклу, морковь, капусту, свежие помидоры, а также зелень укропа и петрушки. Так вот они какие, натуральные овощи, Ерёмину никогда прежде не доводилось пробовать их на вкус. Кроме того, в борще было мясо. Коричневые суховатые слоящиеся кусочки с прожилками на жёстких костях и белый скользкий неприятный жир, который Сергей проглотил, не разжевывая.

После обеда на кухню заглянул Мастер.

– Решил вернуться? – понимающе кивнул он.

Вместо ответа Сергей подошёл к столу и положил на него терминал. Путь к отступлению он себе отрезал.

– А так хотелось купить гравицикл, – вздохнул он.

– Больше нет электроники? – спросил Джон Матвеевич.

Ерёмин вытащил из уха радиокоммуникатор, снял с руки часы-навигатор и отдал их Мастеру.

– Тогда вам пора собираться, выходите на заре, – произнёс Джон Матвеевич. – Ну что, Соня, возьмёшь себе до осени нового ученика?

– Куда же я денусь? – важно надулась девчонка.

6

Без навигатора, да ещё в незнакомом районе, Ерёмин чувствовал себя неуютно. Привычка знать, где находишься, была в нём заложена с самого детства. С той поры, как в воспитательном доме их возраст начали выпускать на самостоятельные прогулки. Четверть часа – отчёт, ещё четверть часа – следующий. Они росли, и время между отчётами увеличивалось, а потом контроль и вовсе отменили, но в подкорку уже въелась, впечаталась намертво привычка сверяться с электронной схемой города. Вот и сейчас он машинально лез рукой в карман, и лишь нащупав там пустоту, вспоминал, что навигатор

остался там же, где и вся прежняя жизнь – во вчерашнем дне. В этом районе он никогда не бывал, да и вряд ли когда-нибудь подвернулся бы в его размеренной жизни такой случай – забрести в резервный район, законсервированный до поры до времени под будущие жилые массивы или производственные зоны. Впрочем, навигатор тут бы и не помог, мысленно поправил себя Ерёмин. На карте резервный район выглядит как большое белое пятно, и единственное что можно увидеть – маленькую чёрную точку, медленно ползущую от одного края пятна к другому. Когда-то давно, в начале современной эпохи, все здания здесь взорвали. Время, ветра и дожди превратили руины в поросшие травой и мелким кустарником холмы – безжизненные и унылые. Несколько дорог, расчищенных бульдозерами, пересекали район в разных направлениях: с севера на юг от Больших прудов к Сетуни и с востока на запад от центра к охраняемому выезду из купола. По одной из них и ползли от края до края пятна две маленькие чёрные точки – Ерёмин и Соня.

Настоящая жара ещё не пришла в Москву, южные ветра принесут её позже – в июле, а сейчас на улице стояли комфортные апрельские плюс двадцать. До фермы, по словам Сони, был день пути, и они вышли до рассвета, чтобы добраться засветло. Поверх привычной униформы Ерёмин надел непромокаемый плащ, выданный Мастером, обувь менять не стал – в своей привычнее. В мешок с двумя широкими ремнями упаковали несколько увесистых свертков, моток тонкой и очень прочной шёлковой нити, пару острых ножей в чехлах и дорожный обед. Вышло килограммов пятнадцать – тяжеловато, но нести можно. Тем более что мешок, который Соня называла рюкзаком, оказался удобной конструкции: руки продевались под ремни, и он оказывался на спине, почти не стесняя движений. Когда добрались до холмов резервного района, уже рассвело.

– Не устал ещё? – весело спросила Соня.

Сама она шагала бодро, и болтала почти без умолку. О любимой ферме – соскучилась, видать, пока была в городе. О том, что путь к ферме лежит по древней дороге, существовавшей ещё в эпоху хаоса, и по обочинам до сих пор сохранились каменные развалины в местах бывших селений. О копальщиках, что объединяются в небольшие отряды и отправляются на раскопки развалин. О том, что обожает ездить на лошади, но лошадь на ферме одна, и к тому же старая, так что покататься удаётся лишь пару раз в месяц.

Ерёмин отрицательно покачал головой: нет, не устал.

– Молодец! – похвалила Соня. – А то знаю я вас, городских: пара кварталов – уже путешествие. Отстанешь – ждать не буду, не нянька, чай.

– Сама не отстань, – усмехнулся Ерёмин. – Ты в спортзале-то хоть раз была?

– А мне не надо, – Соня неожиданно остановилась и предупреждающе подняла руку вверх, к чему-то прислушиваясь.

– У меня каждый день – спортзал, – тихо добавила она. – Пойдем-ка за кусты схоронимся. Шум на посту непонятный, проверка неурочная, что ли…

Они свернули с расчищенной дороги, торопливо вскарабкались по склону, и, продравшись сквозь колючий кустарник, остановились. Теперь и Ерёмин услышал голоса, кто-то кричал – нервно, раздраженно. Слов, впрочем, было не разобрать, да и сам выезд из купола отсюда ещё не был виден.

Купола над городами появились в самом конце эпохи хаоса. Что там случилось, точно неизвестно. Из обучающих гипноснов Ерёмин знал, что была всеобщая пандемия, и люди умирали десятками миллионов, но отчего, какова первопричина – об этом в гипноснах не говорилось. Зато народная память была полна самых противоречивых мнений: вирус занесен космонавтами с Марса, его создали древние учёные, он существовал всегда, но резко и стремительно мутировал и так далее, и тому подобное. Спасло человечество от полного вымирания то, что инфекция передавалась лишь при непосредственном тактильном контакте. И многие города успели накрыться куполами, отгородившись от больного и вымирающего мира. Затем пошли техногенные катастрофы, и зараженные ветра, и кислотные дожди, от которых купола защитить не могли, но они решили главную проблему: ни птицы, ни животные, ни люди, оставшиеся вне куполов, не могли принести с собой смертельный вирус. Счастливчики, укрывшиеся в мегаполисах, избежали пандемии и выжили, сохранив самое ценное, что осталось от прежней цивилизации – знания и здоровый генофонд. По какому принципу работают купола, Еремин никогда особо не интересовался. Женька как-то сказала, что официально они называются ЗСНП – защитные системы населенного пункта – и основаны на эффекте безмолвного аудио. По окружности города построены специальные установки, испускающие направленным лучом микроволны определённой частоты. Такие же установки есть на крышах самых высоких зданий, и они «закрывают» город сверху, образуя своего рода купол. Микроволны генерируют звук внутри живого организма, и, в зависимости от мощности, могут отпугнуть, покалечить или вовсе убить. При этом сам звук, кроме попавших под воздействие луча, никто не слышит. Его как бы вообще нет. Он рождается внутри человека или животного и убивает на месте: мгновенная безмолвная смерть.

В те же времена и на том же эффекте была разработана специальная система «мгновенного оповещения населения»: в случае надвигающейся опасности власти транслировали предупреждения прямо в головы горожан, призывая укрыться в подвалах или срочно покинуть какой-нибудь район. Программу, однако, через некоторое время свернули и больше к ней не возвращались: последствия такого звукового воздействия оказались вредны для здоровья. А купола остались… Сейчас, конечно, они уже не играли такой важной роли, но город чувствовал себя без них беззащитным. Да и мало ли какие катаклизмы могли случиться в будущем. Будущее – оно такое… Спрячется за поворотом между сегодня и завтра, и никогда не знаешь, что от него ждать.

Голоса постепенно стихли, и над окраинными холмами повисла тревожная тишина. Стараясь не шуметь, Ерёмин осторожно снял с плеч мешок и опустил на землю. Глянул вопросительно на Соню, но та в ответ прижала палец к губам: помолчи, подождать надо. Тревога её была Еремину не совсем понятна: на постах у выездов из города дежурили самые никчемные парни из двенадцатого звена. Работа для тупых и ленивых: всего-то и надо попросить у въезжающего-выезжающего приложить палец к сканеру. И если сканер окрасился в ответ зелёным разрешающим цветом, отключить «безмолвный луч», пока машина или человек не минует ворота. Впрочем, и это случалось, может быть, один раз в

смену: обычному человеку нечего делать за куполом, а для деловых или личных поездок в иные города есть авиация. Разве что прибудет очередная партия рабочих с мусорозавода разгребать свалку за воротами. Всего полчаса назад Соня уверяла, что никаких проблем с выходом из города не будет: она специально несёт охранникам «проходные гостинцы»: так, по её словам, минуют ворота все иззвены.

Они стояли, не двигаясь, минут десять, пока, на дороге, выползающей из-за холма, не появился одинокий путник. Он шёл пешком, неся на плечах огромных размеров мешок, да ещё свободной рукой катил за собой самодельную тележку с привязанным к ней пластиковым коробом. Длинные тёмные волосы были собраны за спиной в косичку, просторная рубаха не заправлена в брюки, а голову украшала круглая серая шапочка. Завидев путника, Соня издала громкое восклицание и стремительно скатилась с холма на дорогу, радостно вопя:

– Вовка!!

Иззвен остановился, расплылся в широкой улыбке и сбросил мешок на землю.

– Соня?! Ну, ты и вымахала, чертёнок! Сколько ж я тебя не видел? Целый год?

– Один год, сто четырнадцать дней и девятнадцать часов! – отчеканила Соня, двумя руками обняв незнакомца и поцеловав в пыльную небритую щёку.

– Что, правда что ли? Ты считала? – изумился он.

– Да ну тебя, Вовка! – отмахнулась девчонка. – Кому ты нужен, считать часы? Но я, правда-правда, рада тебя видеть. Ты где пропадал? А, извини, это Ерёмин, напарник мой, познакомься.

Внимательно разглядывая друг друга, мужчины обменялись рукопожатием. Рука у иззвена оказалась жёсткой, шершавой. Выгоревшая на солнце кожа лучше всяких слов говорила о том, сколько времени он провёл, скитаясь за куполом города.

– Напарник в смысле пара на год? – прищурившись, уточнил Вовка. – Тебе же, вроде, уже год, как можно иметь пару?

Тон, которым был задан вопрос, Ерёмину не понравился: было в нём что-то не то чтобы осуждающее, но пренебрежительное: мол, ну и выбрала ты себе, Сонька, мужика. Без должного уважения к его рангу тон. И кем сказано? Лохматым, пахнущим потом бродягой с грязными нестриженными ногтями! Хотя какой ранг, спохватился Сергей: он же сам теперь такой же бродяга-иззвен…

– С дуба рухнул? – ощетинилась на Вовкин вопрос Соня. – Пара на год у иззвенов? Напарник – в смысле пара в походе. На ферму мы отправились.

– Хм… – удивился Вовка, продолжая беззастенчиво разглядывать Еремина. – То есть ты из седьмого звена – в иззвены? Ну-ну, мужик… Сонька, хватит смотреть на меня одичавшей собакой: ляпнул, не подумав. Виноват, искуплю.

– А что там за шум на посту? – тут же оттаяла Соня.

– На посту? – переспросил бродяга. – Идиоты там на посту. Туес с медом им предложил плюс табака отборного пакет, всё одно не курю, ношу специально для шпаны на воротах. Не, ну скажите, кто им ещё мёд принесёт, а? А они, сволочи, шутки шутить: безмолвку не вырубили, только мощность понизили. Меня там трижды наизнанку вывернуло, будете идти – не наступите. Ну, вот я им и устроил праздник высокого художественного слова: будут в следующий раз знать, с кем дело имеют.

Соня закидала вопросами своего давнего приятеля, и он отвечал на них с охотою, но лаконично: всё по делу. Про то, что провёл целый год на севере: с группой таких же, как он поисковиков добрался до руин древнего города, некогда называвшегося Псковом. Потом ходил на корабле за море, трижды чуть не погиб в столкновениях с чечухами, разбогател и снова разорился, и, наконец, подался обратно в Москву.

– Старых знакомых повидаю да обратно за купол, – закончил он. – Скучно мне в городе. Так, на ферму идёте? Передавай привет Пафнутию: скажи, так и не уверовал Вовка, но беседы с ним вспоминает с удовольствием. И вот ещё…

Открыв короб на тележке, Вовка принялся вынимать какие-то свёртки, пакеты, мешочки... Пока, наконец, не добрался до резной деревянной шкатулки, потемневшей от времени.

– Обычай копальщиков помнишь? – улыбнувшись, спросил он у Сони.

– Какой обычай?

– Первому встреченному в городе знакомому – подарок. Вот, держи!

– Ой, – радостно взвизгнула девчонка. – Точно! Ты же мне рассказывал. А что внутри?

– Внутри – семена, выменял при случае на пару безелушек. Какие – не скажу, даже не упрашивай – сюрприз. Летом буду на ферме, чтоб к моему приходу вырастили, ясно?

– Обязательно вырастим! – пообещала Соня, принимая подарок. – А ты только летом появишься?

Иззвен пожал плечами.

– Как сложится…– ответил он. – Я же на подъем лёгкий, иногда не знаю, где завтра окажусь. Но на ферму охота заглянуть, давно там не был. Ну ладно, вам идти пора, да и я отдохнул малость. Передавай всем привет и доброго здравия от меня пожелай… Да! И осторожней на дороге: говорят, чечухи снова разбойничать начали.

7

Между последним холмом и куполом пролегло окружное шоссе – широкая бетонная полоса, по которой развозили на посты охранников, ремонтников и другой обслуживающий ЗСНП персонал. Как всегда по весне, дорога была в выбоинах – до юго-западной окраины дорожные службы добирались не раньше июля. Вдоль шоссе, метрах в двадцати позади, стояли высокие и тонкие металлические трубы-столбы, вкопанные в землю. На самом верху они загибались внутрь города, а пространство между ними

визуально казалось расплывчатым, нечётким, размазано-пятнистым… Давным-давно такой расфокусированной «простыней» был накрыт весь город, и пара поколений горожан в своей жизни никогда не видела солнца. Но менялись времена, Земля потихоньку очищалась от скверны, чуть не уничтожившей цивилизацию, и мощность верхнего купола значительно снизили. Третий день седьмого месяца, день, когда это случилось, стал общегородским праздником – Днём Солнца. Ранним праздничным утром купол включают на полную мощность – для проверки и как напоминание о прошлом. Чтобы, пробыв под ним несколько часов, горожане почувствовали, как жили их предшественники, и сколь многого достиг город за прошедшие века.

У ворот – двух столбов, расположившихся метрах в десяти друг от друга – стояло приземистое одноэтажное здание пакгауза. Было оно серым и унылым, с зачехлёнными прямоугольными окнами – склад разобранного и упакованного в тюки мусора для отправки на районный мусорный заводик. Сама охрана обитала в небольшой пристройке, к торцу которой прилепилась толстая каменная труба-вышка со смотровой площадкой. На тот случай, если выйдет из строя электроника, отслеживавшая ситуацию за куполом. Охранники – несколько молодых парней в униформе двенадцатого звена – стояли полукругом у входа в здание и курили, громко и весело обсуждая недавнюю шутку с иззвеном. Заметив Ерёмина с Соней, они захохотали ещё громче – видно, надеялись на продолжение. Но чем ближе подходили путники, тем глуше становился смех, пока, наконец, не стих совсем. Задачка, которую им задал своим внешним видом Ерёмин, оказалась непосильной для двенадцатых. Униформа седьмого звена в сочетании с мешком на спине, а главное – спутница-иззвенка, никак не укладывались в их головах в нечто понятное, привычное и цельное. Тем временем Соня вытащила два свёртка и, развернув, положила на широкие перила, огораживавшие крыльцо перед входом в здание.

– Чесночок, картошечка, яйца, – сообщила Соня и, видя, что никто не пошевелился, удивленно спросила. – На кнопку-то кто нажмет? Нам идти надо!

Но охранники по-прежнему не обращали на девчонку никакого внимания: затушив окурки, они выжидающе смотрели на Ерёмина.

– Ну? – рявкнул он.

Один из парней торопливо поклонился, попятился к лестнице и стремглав бросился в помещение. Через несколько секунд размытая завеса между воротами лопнула и расползлась от центра к столбам, а в образовавшемся «окне» показалась разбитая и размытая дождями дорога, петляющая меж огромных мусорных гор. Возможно, если бы Сергей решал здесь и сейчас, он и не согласился бы променять свой крошечный бокс в офисе и маленькую, но уютную квартирку на путешествие по этому незнакомому миру, но… Но отступать было поздно, и Ерёмин лишь застыл на несколько мгновений, разглядывая лежавшее за куполом Загородье.

– Чего ждёшь? – Соня была уже у ворот. – Птички испугался?

Только теперь Сергей обратил внимание на большую тёмную птицу, кружившую над свалкой. Вот она стремительно рухнула вниз, словно ей надоело это убогое Загородье, и она решила покончить со своим бренным существованием. Но через мгновение птица

взмыла в небо, держа в когтях что-то длинное и извивающееся – существо, о котором минутой раньше Сергей и не подозревал.

– Ты идёшь или нет?!

Сонин окрик вернул Ерёмину способность двигаться. «Свалки испугался, слюнтяй», – мысленно обругал он себя, решительно выдохнул, словно перед нырком в бассейн с холодной водой, и направился за девчонкой. Несколько десятков шагов, и вот уже ворота за спиной вновь обрастают размытой пятнистой шкурой, и камень с души падает прямо под ноги, и, перешагнув его, Ерёмин чувствует, как к нему возвращается утреннее настроение – настроение перемен.

– Испугался, да? – не упустила возможность подначить Соня. – Обратно домой захотелось? Под тёплый бочок пары на год?

– Иди, давай быстрее, – проворчал Сергей. – Ну и вонь на этой свалке…

– Да разве это вонь? – искренне удивилась Соня. – Так, лёгкий запашок. Вот в Овражине – там вонь будет! Самая вонющая из вонющих вонь. В масках пойдём. Держась за руки, как инкубаторские.

Она поглядела на вытянувшееся лицо Еремина и хихикнула.

– Зато в остальном – лепота! Лес, озеро, вот такущие комары…да ладно-ладно, шучу! Действительно красиво. В городе ты хоть две жизни проживи – такого не увидишь.

– А по-русски ты говорить умеешь? – ехидно поинтересовался Еремин.

– А я по-каковски? – снова удивилась девчонка.

– Наверное, по-иззвенски, – улыбнулся Сергей. – Что такое «лепота»? И почему комары «вот такущие»? Да… и что за хрень длиннющую птица схватила, когда мы из ворот выходили? На верёвку похожа, только извивается, как живая.

– То крысозмей, наверное… Он – опасный. Когда голодный. А когда сытый – шипит только, от гнезда отгоняет. Ну да на свалке они тут все сытые, потому крысятники за ними и охотятся. Вон те большие птицы, – Соня остановилась и показала рукой, – крысятниками называются. Самый лютый хищник здесь. И для еды не годятся, потому как сами жрут всякую заразу, и человека заразить могут. Чечухи крысятников едят, правда, но на то они и чечухи, нечисть поганая. Видел их когда-нибудь?

– Нет, – признался Сергей. – Сегодня первый раз услышал.

Соня зашагала дальше, и он пристроился рядом – слушать. Узнавать этот новый мир – по капле, по слову. Любопытство, дремавшее в нём долгие годы, неожиданно проснулось и принялось вертеть головой по сторонам. Совсем недавно он только дивился Женькиным рассказам и её интересу ко всему, что выходит за рамки привычного образа жизни, а теперь сам жадно глотал чужую речь, почти не пережевывая. Потом всё в голове по шкафчикам разложит, сейчас – слушать.

– Самое мерзкое, что на Земле есть – чечухи, – с ненавистью сказала Соня.

Помолчала пару секунд и продолжила:

– За городом с голоду не умрёшь, разве что головы на плечах нет или руки кривые. Рыбу можно любую есть, не отравишься, грибы – выборочно, знать надо, где съедобный, где – ядовитый. А ежели в чужом лесу, так лучше у местных спросить: что в твоей округе безопасно, там может чистой отравой быть. Ягоды – так, забава, не наешься этими ягодами. Да и тоже отравиться можно. Умереть – не умрёшь, а животом намаешься. Тут ведь не город, лекарств нету. Разве что травки разные лечебные, так их тоже знать надо: какая – от чего. А ежели ты охотник – можно на зверя ходить. Многие в иззвенские селениях тем и промышляют. Люблю охотников и рыбаков слушать: такие байки рассказывают – умереть не встать. Что правда, что выдумка – не разберёшь. И про двухголовых волков брешут, и про зелёную рыбу-крокодила, и про лысого зверя с колдовским глазом: мол, глянет такой на жертву, а она с места двинуться не может. В общем, «лепота» – это «хорошо» в переводе с нашего, иззвенского. Несмотря на комаров. Они за городом размером с дикую собаку.. Лапки тонкие, но бегают быстро, а догонят – всю кровь высосут. А-а-а, поверил, поверил!

И Соня весело засмеялась, глядя на своего спутника. Скорчив страшную физиономию. Ерёмин хотел дать девчонке шлепка, но та увернулась и легко оторвалась от него на несколько шагов.

– Догоню – отшлепаю! – пообещал он.

– Фи, отшлепаю, – шутливо скривилась девчонка. – Инкубаторских шлепай, а мне – слышал? – уже год, как пару заводить можно.

И, обернувшись, показала Ерёмину язык. Он только махнул рукой: иди, мол, вперёд, балаболка.

8

Свалку миновали часа через два. Дальше пошла древняя дорога – то прячущаяся под землей, то вылезающая бесстыдно выкрошенными кусками на поверхность. Впрочем, на Ерёмина она особого впечатления не произвела. Подумаешь, дорога. Их и в городе хватает. Представить, что когда-то по ней текли в обе стороны бесконечные потоки автомобилей, Сергей так и не смог. Человеку современному не свойственна страсть к бездумным перемещениям в пространстве: от добра добра не ищут. За время, прошедшее с эпохи хаоса, природа взяла своё. Заросли прежние поселения, рухнули постройки, огромные котлованы, образовавшиеся после взрывов автомобильного горючего, наполнились водой и превратились в мелкие водоёмы. Лишь отмечая границы дороги, часто невидимой на глаз, всё ещё торчали из земли покореженные столбы с обрывками электрических проводов. Масштабы той, исчезнувшей цивилизации, поражали. Словно она вся была городом, только без купола и под открытым небом. Но ещё больше поражали Ерёмина запахи и голоса окружающего пространства. Здесь постоянно кто-то летал, ползал, бегал, прыгал… Пару раз они видели диких собак, но те обходили путников стороной, следуя своим курсом. Потом встретили больших серых котов, гонявшихся друг за другом в зарослях невысоких цветущих деревьев с толстыми ветками. Коты играли в свои весенние кошачьи игры, и им не было дела до людей. Ещё были птицы. Огромные

стаи птиц, неожиданно взлетающие с полей и поднимающие безумный гвалт, так что приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Каждые два часа они делали небольшой пятиминутный привал, Ерёмин скидывал на землю порядком поднадоевший рюкзак, падал в густую траву на обочине дороги и смотрел в небо. Пронзительно голубое чистое небо Загородья.

– Через час в Жаворонках будем, – сообщила Соня, завершая очередной привал. – Обед у колодца устроим, целый час своё небо можешь разглядывать. Хотя, нет! – тут же поправилась она. – Буду тебя учить костёр разжигать, вот. А то и так целый день валяешься!

– Что за Жаворонки? – заинтересовался Ерёмин, пропуская ехидную реплику мимо ушей.

– Место так называется, почему – не знаю, – пожала плечами девчонка. – Наверное, в древности посёлок был с таким названием. Там такие заросли дикой вишни! Мы с мальчишками, что на ферме живут, в прошлый год туда ездили. Запрягли лошадь – и айда в путь, запасы на зиму делать. Ты ел когда-нибудь вишневое варенье?

– Варенье? – пропыхтел из-за её спины Ерёмин. – Это что-то варёное?

– Бедняга, – только и сказала в ответ Соня.

Издалека Жаворонки казались огромным белым облаком, лежащим на земле. Цвела вишня, и яблоня, и сирень – все эти незнакомые названия, озвученные Соней, ложились сладкими звуками на язык, и Сергей с удовольствием повторял их вслух. А потом ветер принёс запахи, и голова Ерёмина пошла кругом, и он утонул в ароматном белом облаке, а когда вынырнул – Соня трясла его за рукав, показывая на колодец: оказывается, они уже пришли.

– Не понимаю, – задумчиво произнёс Ерёмин. – Почему мы заперлись в городах, когда вокруг такое чудо?

– Ветки сухие для костра собирать давай, философ, – проворчала Соня, но тут же смягчилась, вздохнула совсем по-взрослому:

– Поживёшь на ферме – поймёшь.

И после новой паузы, совсем тихо:

– А не поймёшь, значит, не зря тебя Мастер в ученики взял.

Глядя, как Соня ловко орудует большим ножом, расщепляя ветки на тонкие щепы, Сергей невольно залюбовался. Всякое дело у этой девчонки спорилось быстро, словно она с малолетства только этим и занималась. А ведь действительно – с малолетства. Это он сам прожил тридцать лет, запершись между стен, а она – вольная птаха. Здесь, за городом, всё было удивительно для Сергея. Старый колодец, сложенный из толстых брёвен, с кривой ручкой, которая крутила ворот, наматывая на него толстую железную цепь с полным ведром воды. Ворот громко скрипел, рассказывая о чём-то своём, колодезном, а вода оказалась ледяной, так что от холода сводило зубы, и её можно было

пить лишь маленькими глотками, не торопливо и с паузами. Ерёмин долго вглядывался в колодец, перегнувшись через край, пытаясь разглядеть дно, но так и не увидел. Зато раз десять сбросил ведро, слушая, как оно летит вниз, ударяется о воду, а затем зачерпывает её краем и стихает, мгновенно тяжелея.

– Совсем малой, – прокомментировала Соня. – Вёдрами играет.

Но Сергей нисколько не обиделся. С любопытством разглядывал кресало и кремень: полоску закалённой стали с мелкой насечкой и камень, о который этой полоской выбивались искры. Сунул нос в мешочек с высушенным трутовником, и долго чихал, слушая объяснения Сони о том, что гриб этот растёт прямо на деревьях, и иззвены собирают его не только, чтобы огонь разводить, но и для лечения. Она показала, как разжигается костёр, а потом весело посмеивалась, наблюдая за неуклюжими попытками Ерёмина. В конце концов, он разозлился, и раздражённо бросил древнюю зажигалку на землю, но девчонка заставила подобрать и не отстала, пока у него не получилось. В котелке она вскипятила воду, засыпала туда чайную заварку, сверху бросила сорванные с вишни листья и прикрыла крышкой. После полудневного перехода еда показалась Ерёмину не просто вкусной – волшебной. Ничего вкуснее он никогда не ел и не сомневался, что никто в его прежней конторе – тоже. А особенно Сергея поразили странные съедобные овалы, покрытые тонкой белой скорлупой. Под ней скрывалась такая же белая мякоть, а в самой серёдке – ярко-жёлтая сытная масса.

– Как это называется? – с набитым ртом спросил он свою спутницу.

– Яйца это называется, – сообщила она. – Ты ещё скажи, что никогда о них не слышал.

– Никогда о них не слышал!

– А-а-а… Ну, так я тебе расскажу сейчас, – с невинным видом заявила девчонка. – У нас на ферме несколько яичных деревьев посажено, вот на них и растут.

– На деревьях? – не поверил Ерёмин.

– Ну не птицы же их несут! Конечно, на деревьях. Придём на ферму, поручим тебе за яичными деревьями ухаживать. Ты только напомни мне, а то запамятую.

В час они не уложились, провели в Жаворонках вдвое больше. Уходить было неохота, ноги налились от усталости, и после сытного обеда клонило в сон, но, пересилив себя, Ерёмин впрягся в рюкзак и беспрекословно двинулся вслед за Соней. На самом краю белого облака он остановился и, обернувшись, вдохнул воздух полной грудью.

А потом снова была дорога, и столбы вдоль неё, и пара разрушенных старинных зданий в Вяземах, и тропа через лес, и долгий дорожный разговор – ни о чём, и обо всём сразу. О том, что было и о том, что будет, о прежнем и настоящем, и даже немножко о будущем: так, чуть-чуть, про самый краешек его – о завтрашнем дне.

– Мастер читал, что в давние времена пару себе выбирали не на год, а на всю жизнь, – рассказывала Соня. – Многие из иззвенов так и поступают, хотя мы тоже разные… И существовал тогда обычай: женщина забывала свою фамилию, а называлась фамилией своего мужчины. Красиво, да? Только не понятно, как им удавалось-то? Тут захочешь

забыть, так, как назло, помнится. А Вовка говорил – он ведь и старые могилы раскапывал, и не однажды – Вовка говорил, копатели долго не понимали, почему у многих золотое кольцо на правой руке, на безымянном пальце. Сначала думали, покойникам его надевали. А потом Мастер в книгах отыскал, что нет: кольца мужчина и женщина друг другу дарили, когда становились парой на всю жизнь. Через год после этого женщина рожала…

– Брр… – поморщился Сергей. – Я слышал, у них инкубаторов не было: дети росли внутри своих матерей.

– Как у чечухов прямо.

– Я как представлю себе женщину с ребенком внутри…

– Ага, кошмар просто, – согласилась Соня. – Гляди-ка, уже к Ямщине подходим. Видишь, дуб кривой, засохший? Он тут один такой, словно сторож у овражины. За Ямщиной – та самая овражина, через которую в масках идти надо. Когда на лошади, мы в обход ездим, а пешком далёко в обход. Часа три потеряешь.

Она хотела сказать что-то ещё, но неожиданно схватила Ерёмина за руку и остановилась: на лесной тропе стояло крупное коренастое существо в длинном, ниже колен, тёмно-коричневом балахоне. Существо было совсем лысым: ни волос, ни щетины, отсутствовали даже ресницы и брови. Ото лба до затылка тянулись три грубые тяжелые складки, средняя из которых убегала за ворот серо-коричневого балахона вниз по шее, а боковые спускались к ушным раковинам, огибая их и прикрывая двумя короткими болтающимися кончиками. Существо часто моргало: толстое верхнее веко стремительно падало, защищая глаза, и также быстро возвращалось на место. Заметив людей, оно замерло, и, два круглых коричневых зрачка уставились на Ерёмина и Соню.

– Чечух, – одними губами прошептала Соня.

9

Чечух, не шевелясь, настороженно следил за людьми. Не двигались и они. Прошло, наверное, секунд тридцать, прежде чем толстые губы существа вытянулись, и оно издало резкий короткий свист. Почти сразу же прозвучал ответ, и не один, а несколько. Озираясь по сторонам, Ерёмин и Соня стали медленно отступать по дороге, с испугом наблюдая, как один за другим появляются новые чечухи. Невысокие, но тяжелые, массивные, они были похожи друг на друга – тёмно-коричневыми балахонами и одинаково угрюмым выражением лица. Обуви чечухи не носили. Ступни у них были крупными, гораздо крупнее человеческих, пальцы торчали в разные стороны, а подошва казалась загрубевшей и твёрдой. Их одежда, сшитая из цельного куска грубой и толстой ткани, была подпоясана широким куском кожи, к которому крепился небольшой кожаный карман. Из него виднелась рукоятка ножа и с десяток тонких коротких прутьев – скорее всего, нечто вроде охотничьего метательного оружия.

– Они понимают по-нашему? – тихо спросил Ерёмин.

– Редко, – голос у Сони дрогнул, она по-прежнему не отпускала руки Сергея.

В несколько мгновений дикари окружили путников и тот, первый чечух, отодвинув своих товарищей, подошёл к Ерёмину. Главный, догадался Сергей. Ноздри дикаря широко раздувались, он неторопливо оглядел-обнюхал путников и что-то коротко приказал. Тут же чьи-то крепкие жилистые руки сорвали с Ерёмина рюкзак и передали вожаку.

– Послушайте, – попытался заговорить с ним Сергей. – Мы…

Острый металлический прут уткнулся ему в горло, и Сергей смолк. Чечухи подтолкнули пленников в спину, и повели вперёд по тропе. Хмурый вид дикарей не предвещал ничего хорошего, от них омерзительно пахло, казалось, просто физически невозможно человеку находиться рядом. Пересилив отвращение, Ерёмин прислушался к разговору: речь их оказалась почти человеческой, только грубой и хриплой. Отдельные слова были не то, чтобы знакомы – скорее созвучны знакомым. «Человек» звучало как «чвек», «солнце» как «санца», «смерть» как «мертвь». Он выхватывал их из медленной речи, но даже приблизительно не мог угадать, о чём говорят дикари. Хотел было сказать о том Соне, но неожиданно почувствовал, что девчонка дрожит.

– Ты чего? – прошептал он.

– Они едят людей, – отозвалась та. – У нас знакомый торговец пропал, говорят, его чечухи поймали и съели.

Услышав шёпот пленников, главарь бросил на них грозный взгляд, и Сергей с Соней примолкли. Шли не быстро. Ноздри чечухов постоянно шевелились, принюхиваясь, зрение у них оказалось слабее человеческого, и нос помогал выживать в лесу. Неожиданно позади послышался громкий лай, Соня испуганно вскрикнула, и не успел Ерёмин повернуть голову, как возле них оказался большой чёрный пёс. Абсолютно бесшёрстный, с длинным хвостом и широкой мордой, он угрожающе скалил зубы и рычал. Никогда ещё Сергей не видел так близко собаки. Сердце отчаянно забилось, словно кто-то грыз его изнутри, упорно пробиваясь к сердцевине – месту, где покоится укрытый до поры до времени животный страх. Вслед за первой собакой появилась вторая – такая же голая, но поменьше – самка. Вожак коротко окликнул их, и собаки послушно догнали его, неспешно затрусив рядом. Время от времени они оборачивались, проверяя, не подевалась ли куда добыча. Внезапно подумалось: если чечухи едят людей, то и своих собак они кормят человечиной, и от этой мысли стало ещё более жутко.

Минут через тридцать их группу кто-то окликнул, вожак отозвался, и из леса появилось несколько чечухов. Они переговорили – коротко и хрипло – и «отряд» двинулся дальше. Тропа пошла вверх, забираясь на высокий холм, деревья постепенно редели, вырождаясь в колючие полуголые кустарники и тёмную высокую траву. Трое идущих впереди чечухов почти одновременно обернулись вправо, стремительно выхватили острые прутья и метнули в траву. Через мгновение оттуда раздался громкий визг смертельно раненого животного. Вытаскивали его шумно, споря о том, чьё оружие поразило зверя. Длинное туловище, покрытое рыжей шерстью, куцый хвост и совсем короткие лапы… Явно хищник. Явно за кем-то охотился, только вот сам стал добычей случайных прохожих. Насмешка судьбы. Ерёмин отвернулся: от вида крови и мёртвой оскаленной морды добитого зверя его затошнило.

У самой вершины тропа завиляла, засуетилась, завертелась между глубокими круглыми ямами, поросшими мхом и оранжевыми грибами на длинных тонких ножках. Трава пошла на убыль, появились проплешины, но вскоре дорога успокоилась и вывела на голую плоскую «шапку» холма. Там они увидели настоящее стойбище чечухов: старики, женщины, дети и подростки, собаки разных мастей и размеров и разбросанные по вершине вещи. Женщины чечухов – широкобёдрые, полногрудые – имели на два рубца больше, чем мужчины. Длинные и тонкие, рубцы эти спускались по затылку к шее, обвивали её и исчезали под балахоном у груди.

Внимание Ерёмина привлекла одна из женщин: неимоверно толстая, она восседала на плетённой подстилке и, обнажив грудь, кормила младенца, обёрнутого в тряпку. Тот теребил губами сосок, а вокруг суетилось ещё несколько детишек, один другого меньше. Тошнота снова подступила к горлу, но Ерёмин справился, сглотнул несколько раз, успокаивая желудок, и всё же не удержался от возгласа:

– Он же её ест!

Но тут Сергея снова подтолкнули в спину, и вместе с Соней повели на дальний край вершины – туда, где на два вкопанных в землю столба был натянут сплетённый из травы навес. Под навесом на стопке плетёнок сидел старый чечух. Рубцы на его голове потрескались, спина сгорбилась, на правой щеке «цвело» бурое пятно болезни, но глаза были живыми и внимательными. Одет старик был иначе, чем остальные: в широкую кожаную юбку и накидку из звериной шкуры с прорезями для шеи и рук. На дряблом плече был выжжен необычный знак: голова крысозмея. Вожак склонил голову перед стариком и о чём-то спросил. Тот кивнул, и перед ним положили на землю ерёминский рюкзак и Сонину сумку. Сергей хотел было опять заговорить, но, встретив предупреждающий взгляд вожака, промолчал. А старик принялся медленно и неторопливо перебирать вещи. Вынимал из рюкзака, разворачивал свертки, пристально рассматривал… Шкатулка с семенами его не заинтересовала, и он равнодушно отложил её в сторону. Зато проверил на крепость верёвку, одобрительно поцокал языком, достав ножи: один оставил себе, другой, подумав, передал вожаку. Долго вертел в руках маски, пока вожак после неудачных объяснений не устроил целое представление: веки его опустились, прикрывая глаза, кончики складок, свисающие с головы, плотно прикрыли уши, а нижняя губа поползла вверх и скрыла не только рот, но и ноздри. Даже Ерёмин и тот понял без слов: люди, мол, так не умеют, вот им и нужны маски.

– Средний рубец на голове видишь? – не удержавшись, зашептала Соня. – Уроды через него дышать могут, идя через Овражину. Рубец воспалится, но отраву не пропустит.

Вожак тем временем рассказывал что-то старику, указывая пальцем на Соню и Сергея. Старик внимательно слушал, изредка переспрашивая рассказчика. Затем надолго задумался, уставившись на пленников и покачиваясь из стороны в сторону, словно крысозмей, гипнотизирующий жертву перед атакой.

– Можешь ли ты привести лекаря? – неожиданно спросил он Ерёмина глухим слабым голосом.

– Лекаря? – растерялся Сергей. – Зачем?

– Меня зовут Аргго, путник, и я храню Истину. Храню и передаю Следующему, чтобы чечухи не потеряли её, как потеряли люди, – старик немного помолчал, собирая подзабытые слова и продолжил дальше. – С моим Следующим случилась беда. И тогда я ловил крысозмея, ибо он – нов, а значит, чист перед Матерью-Землёй. Я приносил крысозмея в жертву, и спрашивал: что мне делать? И Отец-Небо послал навстречу тебя. Но человек испорчен, он не будет помогать чечухам, а, пообещав – обманет. Его можно только заставить, и Отец-Небо послал вместе с тобой женщину.

Аргго снова передохнул и, уставившись на Ерёмина мигающими часто глазами, добавил:

– Женщина будет у нас, пока ты не приведешь лекаря.

– Ясно, – коротко кивнул Сергей. Чечухи нуждались во враче, и решили взять Соню в заложницы, сволочи. Но где он его найдёт?! И какой врач согласится идти к страшным дикарям?

Ерёмин оглянулся на Соню, но та молчала, поджав губы. Она тоже понимала, что Сергей не сможет уговорить врача отправиться с ним. Лицо её было совсем бледным, но девчонка крепилась, предоставляя Ерёмину сделать выбор: спасаться одному или… или погибать вместе. Он оглянулся по сторонам: нет, не сбежать, даже не попытаться, вокруг столько чечухов, что пленники не доберутся и до края вершины. Бегают дикари хуже, видят плохо, но их так много! А ещё собаки… Порывистый ветер поднял с земли маску и потащил, поволок её по тёмной каменистой почве от старика к Сергею. «Уходи-и-и-и!» – выкрикнул ветер прямо в ухо. А затем взъерошил волосы Соне, бросил длинные пряди на лицо, скрывая от посторонних: «Не смотри-и-и-и на неё-ё-ё-ё!» Но что-то держало изнутри, что-то сильное, гораздо сильнее ветра.

– Разве Истина не запрещает вам убивать людей? – с горечью спросил он у старика.

– Истина жестока, – откликнулся тот.

За спиной Аргго, у самого края навеса, кто-то зашевелился, вставая с земли. Простонал громко, поднялся. Совсем молодой чечух, худой и высокий. Одна рука у него висела как плеть, но, придерживая её, он подошёл к старику и встал рядом. Так вот он какой, Следующий.

– Вывих… – выдохнул Ерёмин.

На лице старике отразилось непонимание.

– У него вывих предплечья, я сам могу это вылечить! – торопливо заявил Сергей. – Не надо доктора, понимаете?

Он не был уверен в диагнозе, но пару раз на тренировках в спортзале такие ситуации случались, и он хорошо запомнил, как нужно действовать. Ну а риск… Что ему остается? Только надеяться: руки у чечухов растут оттуда же, откуда у людей. Попросил усадить пострадавшего спиной к столбу и крепко держать плечо, затем осторожно согнул ему руку и, держа за пальцы, равномерно, без рывков стал вытягивать на себя. Пальцы у чечуха были жёсткими, рабочими, с огрубевшей кожей и мозолями. Он всё тянул и тянул,

мысленно прося кого-то неведомого помочь, и, наконец, раздался сухой щелчок, короткий выкрик дикаря и предплечье стало на место. Через несколько минут ученик старика уже удивленно сгибал и разгибал руку, что-то радостно хрипя ломающимся подростковым басом. Затем торопливо надел пояс с метательными прутьями и стремительно убежал: наверное, ловить крысозмея для благодарной жертвы Отцу-Небу. Сергей проводил его взглядом и с гордостью посмотрел на Соню: вот, мол, каков я! На душе у него действительно было радостно. За то, что не сбежал, не бросил девчонку одну. За то, что всё так удивительно хорошо разрешилось, и сейчас они отправятся дальше. А когда придут на ферму, Соня обязательно расскажет про его «геройство», а он будет скромно отмахиваться: мол, чего тут такого, каждый бы на моём месте… Интересно, если набраться наглости и попросить у старика свои вещи, отдаст?

– Можно забрать наши вещи?

– Они уже не ваши, – тихо ответил старик. – Но вот это, – он кивнул на шкатулку с семенами, – можешь забрать. Пусть Отец-Небо и Мать-Земля видят, что чечухи щедро вознаграждают добрые дела.

– Нам нужны маски, – в первый раз за всё время Соня подала голос.

– Вам нужны маски…– эхом откликнулся старик, поднялся с плетёнок и жестом подозвал нескольких дикарей. Пожевал потрескавшимися губами, помолчал, обдумывая Сонины слова и начал тихо, нараспев, говорить:

– Когда-то, давным-давно, чечухи и люди были одно. И лицо у них было одно, и глаза – одни, только сердца – разные. Они не различали друг друга, никто не различал их, только Мать-Земля могла разобрать: этот – человек, этот – чечух. Большое зло принесли люди Земле: как черви грызли тёплое тело её, и сосали чистые соки её, и пили чёрную кровь её. И тогда Отец-Небо разгневался и решил наказать их. Но как было различить: кто – человек, а кто чечух? Но Отец-Небо мудр, и он придумал: люди стали ядовитыми. Прикасаясь друг к другу, они умирали в страшных мучениях. Ели ядовитых животных, и умирали. Ловили ядовитую рыбу, и умирали. Собирали ядовитый урожай, и умирали. Только те, у кого было другое сердце, не умерли, а изменились. Они – чечухи. Должны были остаться только они, но хитрые люди спрятались в городах и переждали гнев Отца-Неба. Но теперь мы – разные, и можем различать друг друга. Твой спутник прикоснулся к следующему хранителю истины, и осквернил чистоту тела его. Так гласит Истина. Но другая Истина говорит мне: он помог. И как мне соединить их?

Старик сделал паузу, а потом заговорил на своём языке: видно, переводил сказанное.

– Так бывает часто, – почти без перехода продолжил он для Сони и Ерёмина. – Одна Истина говорит одно, другая – другое. Истин много, и я ищу среди них дорогу. Да будет так: чечухи отпустят вас, но пойдете вы через Плохой туман без масок. И пусть Истины выяснят между собой, кто прав.

Тропа спускалась вниз, по другой стороне холма, почти не петляя в траве между редких кустарников. Внизу, укрытая Плохим туманом, лежала Овражина – последний оплот некогда существовавшего здесь поселения под названием Ямщина. Ерёмин слышал

о таком: там, где люди не могли поставить купол, они изобретали иные способы отгородиться от мира. Увы… Ни один из них не помог уберечься от заразы. За прошедшие века ветер развеял отравленные туманы, но видно этот подпитывался чем-то. За широкой – километров десять – Овражиной, почти от самой её кромки, поднимался по холмам густой зелёный лес. Несколько крон деревьев торчали и над самим туманом: видно, растения как-то приспособились к особой атмосфере этого места. Масок пленникам так и не отдали, несмотря на все просьбы и увещевания Ерёмина. Твари… Он же им помог! Возмущение время от времени выплескивалось наружу, и Сергей бросал гневные взгляды на сопровождавший их конвой чечухов.

– Полчаса человек может в Овражине выдержать, – негромко сообщила ему Соня. – Охотники рассказывали, что некоторые и больше. А потом на свежий воздух надо, продышаться.

– А идти через неё сколько? – угрюмо спросил Ерёмин.

– Часа два… – вздохнула девчонка. – А бегом – нельзя, скоро задохнёшься.

И, понизив голос, совсем тихо прошептала:

– Надо от чечухов сразу драпать, как в туман зайдём. Бежим вдоль кромки, а как невмоготу – выскакиваем.

– Раньше прут в спину получим, – проворчал Сергей.

Бросил взгляд на клубящийся внизу туман и внезапно остановился.

– Ты чего? – спросила Соня.

– Подожди, – отмахнулся Ерёмин.

Промелькнувшая мысль была проста, как дважды два. А что если… Но неужели до этого никто не додумался раньше? Хотя, если у людей с собой маски, они просто не будут задумываться о том, как перебраться на «другой берег» без них. Ерёмин принялся оглядываться по сторонам, что-то ища, и конвой тоже остановился, с опаской и любопытством поглядывая на своего пленника. Вожак – тот, что поймал их – не торопил. Наблюдал внимательно и даже как бы с интересом: что же ты придумал, мышь, ползущая в пасть крысозмею? Наконец, Сергей увидел какой-то камушек, поднял, попробовал провести по ладони и довольно улыбнулся, увидев, что камушек оставляет след. Выпрямился, внимательно рассматривая Овражину, и стал наносить на ладонь какие-то знаки.

– Сергей, что ты задумал? – кажется, Соня впервые назвала его по имени.

– Потом! Не мешай.

Так и не сказал, пока рисовал на ладони жирные точки. И до самой Овражины тоже не сказал. Шёл молча, сосредоточенно, что-то прокручивая у себя в голове. Резкий запах, ударивший в нос, заставил зажмуриться, но отступать было некуда. Тропа утонула в бесцветной полупрозрачной дымке, намокла, набухла, стала влажной, видимость упала

шагов до тридцати. Чечухи обволоклись своей естественной защитой, но по-прежнему неплохо ориентировались и не отставали от путников. Всё же дышать здесь было можно. С трудом, но можно. Вот только головокружение: оно началось спустя минут пять и становилось всё сильнее и сильнее. Растительность в Овражине, действительно, была. Чахлая, робкая и редкая, но была. Впрочем, это даже к лучшему, что редкая. Иначе сориентироваться здесь было бы совсем нереально. Двигались молча, экономя дыхание, и потому Соня ничего не спросила, когда её спутник сошёл с вильнувшей в сторону тропы и, схватив её за руку, повёл своим, неведомым маршрутом. Заупрямилась было, но Сергей лишь потянул сильнее, и она доверилась. Дыхание напрочь сбилось, начали слезиться глаза, а ещё донимал кашель – сначала редкий, потом – всё чаще, а теперь уже выворачивая наизнанку. По расчётам Сергея полчаса уже миновали, но они всё шли и шли, а искомой цели так и не было видно. Неужели он промахнулся? Голова гудела так, что Ерёмин почти ничего не соображал, но упрямо тянул Соню за собой. Наконец, он заметил то, что искал – толстый ствол дерева. Только бы это было то дерево! Подведя к нему Соню, Сергей громко проорал:

– Лезь!

– Куда? – не поняла та.

– Наверх! Там – воздух.

Дерево, что приспособилось жить в отравленном тумане, не имело названия. Должно быть, его предки в далёком прошлом были вязами, и от них осталась бурая бороздчатая кора с продольными трещинами и крепкая древесина. Десятки толстых корней питали его дополнительно, вылезая из земли и переплетаясь вокруг широкого ствола до самой кроны. Крона, по сути, и была деревом, возвышаясь над туманом и обрастая листвой. Густая, с крепкими ветвями, словно большой зелёный трон хозяина Овражины. До земли было метров двадцать, не меньше, и с вершины было видно оставшихся у дерева чечухов. Они отдыхали, усевшись на землю, терпеливо ожидая пленников. Выбравшись из тумана, Ерёмин и Соня одновременно зашлись в кашле. Наизнанку их вывернуло ещё по дороге, но теперь кашель постепенно затихал, организм приходил в себя, только голова по-прежнему кружилась, да подташнивало изнутри. Устроившись на сросшихся меж собой толстых ветвях, Сергей оглянулся по сторонам: метрах в пяти ниже его колыхалось ядовитое море. Пятьсот лет назад человек не прожил бы в нём и пяти минут, а теперь они отмахали не меньше пары километров, может быть, даже больше – и ничего, живы. Спасибо генной инженерии: бывшей и нынешней. Одежда на Ерёмине была мокрой: частью от влажного тумана, частью – от обильного пота, с которым организм удалял отраву. Хотелось пить, но ещё не сильно, терпимо. Вот когда доберутся до конца Овражины… Вот если доберутся до конца Овражины – жажда станет просто нестерпимой. Только бы не заблудиться, несмотря на все достижения генетиков и врождённое чувство направления. Он прикинул расстояние до следующего дерева: пожалуй, даже чуть поменьше, чем они прошли. Потом на выбор сразу несколько, а вот от крайнего и до полоски зелени позади Овражины далековато…

Листья на ветвях были крупными, в две мужских ладони, и меж ними уже созревали плоды в виде двукрылого семени. Вскоре ветер сорвёт их с веток и разнесёт над

Овражиной, и, может быть, какое-то прорастёт в её туманных глубинах новым деревом без названия. Деревом-иззвеном – не таким, как все. Но сейчас было тихо. Ветер спал, уютно свернувшись в своей небесной норе, плавало по светлой воздушной мари сонное солнце, и путников тоже клонило в сон. Соня уже дремала, устроившись в переплетенье ветвей, но Сергей крепился. Уснув, они точно проспят до вечера, а идти в темноте по Овражине ему не хотелось. А тем более, сидеть на дереве до самого утра. Ещё полчаса отдыха – и не больше.

– Нехорошо задерживать стражу, – сказал он вслух сам себе. – Им домой пора.

– Что? – сонно пробормотала девчонка.

– Ничего, – тихо ответил он. – Спи пока…

Посмотрел вниз – на чечухов, с вершины они казались крошечными и неопасными. Племя мутантов, некогда бывшее людьми. Живые крошки эпохи хаоса, упавшие со стола цивилизации: если бы не купола, выжили бы только они. Их плоть, запах, голос – всё это было настолько чуждо и почти физически неприятно, что Ерёмин чувствовал к ним жгучую неприязнь. Он перебрался на другой край и принялся рассматривать вершину холма, с которого они недавно ушли. Стоянку было не разглядеть, но над холмом в нескольких местах поднимался дым: наверное, чечухи жгли костры и готовили пищу. Минуты улетали вместе с дымом в небо, а Ерёмин всё осматривал окружающую местность: как красиво здесь было когда-то… Ему представился открытый ветрам городок, утопающий в зелени, и смеющиеся прохожие, и пара влюблённых, целующихся под цветущей вишней, и один из них он… Сергей резко вздрогнул, стряхивая наваждение: он чуть не уснул! Пора было будить Соню и отправляться дальше.

– Что? Уже? – только и сказала она, просыпаясь.

А потом был спуск, и влажный туман, и новое головокружение, и торопливый путь к следующему дереву. Они почти задохнулись, несмотря на меньшее расстояние, но успели взобраться на вершину – теперь отдых стал дольше, и спали по очереди, короткими промежутками в четверть часа. Чечухи шли за ними, не вмешиваясь «в борьбу двух Истин», просто ожидая, чем, в конце концов, всё завершится. У последнего дерева Ерёмин с ужасом обнаружил, что им не взобраться поодиночке: слишком высоко сплетаются толстые корни. Он подсадил на плечи Соню, и та дотянулась, смогла уцепиться и залезть на нижнюю ветку. Но втащить его самого у девчонки не хватило сил. Она что-то кричала чечухам, он тоже обернулся, показывая жестами, что просит помощи, но те равнодушно стояли поодаль, открывая раз в полминуты свои большие глаза, и не отвечали на просьбы. Следующие минуты смазались в его сознании одним размытым неясным мгновением. Силы покидали Ерёмина, кашель душил всё сильнее – как он ненавидел в этот момент безучастных ко всему дикарей! Где-то над головой громко ревела девчонка, и Сергей орал, чтобы она лезла наверх, а потом она действительно исчезла, и он упал на колени, всё ещё не желая сдаваться. Казалось, сил сопротивляться совсем не осталось, но когда к его ногам свесилась длинная крепкая ветка, он инстинктивно ухватился за неё и полез вверх, отталкиваясь непослушными ногами от ствола. И – о, чудо! – ветка выдержала…

10

Очнулся Ерёмин от хохота и визга. Открыл глаза, и, не понимая, где он и что с ним, увидел, как над головой раскачивается тёмное небо с мириадами маленьких и больших звёзд. Казалось, ещё мгновение, и все эти звёзды обрушатся вниз, прямо на него. Сергей приподнял голову и понял, что лежит среди высокой травы, залитой лунным светом, на каком-то бесконечном косогоре, а рядом спит Соня, крепко сжимая в руках шкатулку. Значит, они все-таки выбрались. Последнего перехода он почти не помнил, только упрямую мысль, что нужно пройти ещё несколько шагов, и ещё несколько шагов, и ещё… Визгливый хохот, наконец, достиг сознания, и Сергей схватил девчонку за руку.

– Эй, просыпайся! – прохрипел он.

Просыпаться она не хотела.

– Соня, очнись! Здесь кто-то есть!

– Отстань, Серёжа, – сонно пробормотала его спутница. – Дай поспать… Это филин.

Загадочный филин всё не умолкал, но Ерёмин уже понял, что кем бы он ни был, им с Соней ничего не грозит. «Фи-лин», – негромко произнёс Сергей вслух. Слово ему понравилось. Было в нём что-то китайское, округлое, сморщенное и мудрое. Как изображения лиц и таинственных знаков, что время от времени транслировала неизвестная станция с востока. От древней страны под названием Китай ничего не осталось, лишь одинокая автоматическая станция, подключенная к какому-то возобновляемому источнику питания. Впрочем, небольшие китайские колонии, которым было разрешено сохранять свою внешнюю аутентичность, проживали в оставшихся за Уралом городах: Новой Сибири, Красном Яру, Благовещенске и Восточном Владее.

Головокружение почти прошло, только лёгкие были тяжёлыми да крутило слегка желудок, да ещё горло охрипло и ныли от пройденного ноги, но, несмотря на всё это, Ерёмин чувствовал, что ему хорошо. Как-то по-особому хорошо… Хорошо лежать в этой высокой траве, слушать, как смеётся и рыдает неподалёку безумный филин, разглядывать звёздное небо, знать, что рядом Соня и что завтра будет новый день и новый путь (ох, ноги мои, ноги!) и с ним обязательно что-нибудь приключится, только теперь это будет доброе приключение…

– Эй, вставай! Да вставай же ты, соня!

Сергей разлепил один глаз и увидел склонившуюся над ним девчонку.

– Это ты – Соня, – сообщил он, закрыл глаз и перевернулся на другой бок.

– Я – София! А вот из-за тебя мы сегодня до фермы не доберёмся, смотри куда солнце укатилось!

– Ну и пусть себе катится, – проворчал Ерёмин, и не думая подниматься.

– Ах, так?! Ладно… Погоди у меня засоня семёрочная…

На некоторое время Ерёмина оставили в покое, и он почти уснул снова, когда почувствовал, как по лицу что-то ползёт. Схватился рукой, и тут уж проснулся окончательно и бесповоротно: липкое, противное, вонючее – он даже не разглядел что, рука сама отбросило эту пакость в траву. Ерёмин резко сел, оглядываясь по сторонам, и тут же увидел улыбающуюся девчонку.

– Проснулся? – ехидно спросила она.

– Это ты! – обвиняюще воскликнул он.

– Чего это я? – хихикнула девчонка. – Это мозгохлёб кровососущий, редкая гадость. Если заползёт в ухо, то пока все мозги не выест, не успокоится.

– И ты мне его на лицо подкинула?! – возмутился Ерёмин. – И мы здесь спали?! А если бы он ночью в ухо залез?

Но, видя, как хохочет его спутница, понял, что она шутит.

– Кому-то он точно мозги выхлебал, – проворчал Сергей.

– Пошли уж, засоня, – поднимаясь на ноги, заявила его спутница. – Часа три нам до мельницы топать, а там и Звенигород недалеко. По пути веснянок насобираем, не с пустыми ж руками к мельнику заходить. В апреле съедобных грибов мало, но ножи и леску мы не донесли, а Стас – мужик сурьёзный, цену себе знает.

День действительно выдался чудесным – именно таким, каким ночью представлялся мечтающему Ерёмину: тёплым, солнечным, с лёгким игривым ветерком. Они неторопливо шли по лесу, и теперь уже Сергей удивлялся, как Соня находит дорогу без карты: деревья казались ему похожими друг на друга и один он точно бы заблудился. Собирать веснянки оказалось увлекательнейшим занятием. Во-первых, они прятались, и их ещё нужно было заметить. Во-вторых, не все грибы были веснянками, и нужно было понять, как отличить их от ядовитых. В-третьих, сбор очень скоро превратился в азартную и увлекательнейшую игру: Соня шла позади и, подначивая, отыскивала незамеченные Ерёминым грибы. А, когда они поменялись местами, оказалось, что Соня тоже не безгрешна. Поначалу, правда, она объявляла все найденные за ней веснянки поганками, но эту хитрость Ерёмин раскусил быстро. Кроме того, фамилия Сони неожиданно оказалась грибной – Подосинкина – и тут уж Сергей решил отыграться вовсю.

– Извини, забыл, – с невинным видом спрашивал он. – Как ты говоришь, твоя фамилия? Подберёзкина?

– Подосинкина! – злилась Соня.

– Громче говори, не расслышал. Подсосновкина?

– Сейчас стукну! Больно!

– А…вспомнил, Подпоганкина!

Девчонка обиженно надулась, и молчала целых полчаса, так что Ерёмину пришлось ещё и извиняться.

К мельнице они вышли, как и обещала Соня, часа через три. Лес закончился, и за широким лугом с густой травой, Сергей увидел на холме деревянное здание с двумя огромными лопастями, напоминавшими гигантскую букву «х». К нёму вёл широкий проезжий тракт, в стороне, на небольшом распаханном поле работали несколько женщин, пропалывая грядки, а на лугу паслась лошадь. Увидев путников, шагающих через покос к мельнице, женщины выпрямились, напряженно вглядываясь: кого это из леса принесло? Одеты они были странно, не так как в городе: светлые платки, обвитые вокруг головы и длинные безрукавные платья с наплечьями и пояском. Соня ещё издали помахала им: мол, свои идут. А, подойдя, поздоровалась и начала расспрашивать о делах. Женщины охотно отвечали, искоса поглядывая на Ерёмина: что за фрукт такой? Сам же он с любопытством разглядывал и самих женщин, смущая их своими взглядами, и необычные орудия труда у них в руках: длинные палки с плоской металлической полосой внизу. Вскоре появился и хозяин: подъехал на телеге, запряжённой лошадью. Был он лет на десять постарше Ерёмина, с проседью в иссиня-угольных волосах, худощав лицом, сутуловат, но с крепкими жилистыми руками и цепким внимательным взглядом.

– Дядька Стас, а мы вам веснянок насобирали, – сообщила Соня и, подняв завязанный узлом плащ, в который за неимением корзины, они складывали грибы, водрузила его на телегу. Развязала аккуратно рукава, переложила на телегу собранное и, стряхнув плащ от листьев и грибных крошек, протянула Ерёмину.

– Спутника-то своего представь, балаболка, – сурово произнёс мельник, поправляя длинный суконный кафтан халатного покроя. – Ни здрасте тебе, ни до свидания. А вы чего встали, рты раззявили? – прикрикнул он на женщин. – Работы мало?

Женщины послушно принялись пропалывать огород, а Ерёмин, опережая Соню, шагнул к телеге и протянул руку:

– Ерёмин, – представился он. – Сергей. Из города на ферму идём.

Протянул, да так и застыл, не зная, что делать дальше: мельник на предложение обменяться рукопожатием не ответил. Сергей от такого приёма смутился, убрал руку.

– Из города, значит, – глядя на Ерёмина, но обращаясь к Соне, констатировал мельник. – Бают, по дороге там чечухи объявились. Не встренули случаем?

– Ограбили они нас, – кивнула Соня, и принялась подробно и горячо рассказывать про чечухов. Не забыла и спутника своего похвалить: мол, это он и вывих вправил, и через Овражину вывел. Мельник слушал внимательно, кивая головой и изредка переспрашивая, уточняя детали. Подозрительность слегка оставила его, но руки так и не подал, ограничился именем:

– Станислав, – буркнул, глядя на Сергея. – Меня Станислав кличут, на «и» ударение, а то – женщины мои.

– У него их четыре, – вставила Соня.

– Пять, – поправил мельник.

И совсем оттаял, даже пошутил неуклюже:

– Подрастай, балаболка, одно местечко для тебя держу.

Соня сострила в ответ дерзко, по-взрослому, но мельник не обиделся – лишь хохотнул громко, а Ерёмин натянул на себя такую же, как шутка, неуклюжую улыбку. С удивлением отметив, что ревнует к словам неотёсанного невежливого иззвена. Впрочем, тут же решил, что ревность совершенно ни при чём. Просто грубоватый мельник не глянулся, а Соня вроде как уже своя – вот и вся причина. Они ещё поговорили о делах, о погоде, о видах на урожай и о какой-то непонятной работе, которую Станислав исполнял для фермы, а затем, попрощавшись, отправились дальше.

До Звенигорода добрались поздно вечером. По дороге Ерёмин с удовольствием катал на языке новое слово: звени, город! Представлялись ему светлые и широкие улицы, высокие дома с цветущими садами, звонкие голоса красавиц и крепко сбитые мужчины с открытыми благородными лицами. В общем, нафантазировал целый мир, сам себе удивился. Когда подошли, даже расстроился: реальный иззвенский городок ничем не напоминал тот, из его фантазий. Ни широких улиц (дома были рассыпаны по посёлку, как того захотелось хозяевам), ни цветущих садов (большие дворы жители распахали под огороды), ни даже красавиц. Впрочем, у въезда в город вообще никого не было. Валялись сбитые с петель ворота, да прохладный вечерний ветерок лениво ворошил золу на пепелище сторожевой вышки. В городе явно побывали гости, и отнюдь не с добрыми намерениями. Следы их пребывания находились повсюду, пока Соня с Сергеем шли от ворот к базарной площади. Выбитые окна, поваленные заборы, вытоптанные огороды… Лишь ближе к центру города разрушения сошли на нет, а на дороге воздвигнута была преграда: большой завал из бревён. Едва путники подошли к неожиданному препятствию, как их тут же окликнули:

– Стой! Кто такие?

– Фермерские мы, – отозвалась Соня. – Что тут у вас случилось?

Увидев, что их только двое, из-за завала показалось несколько молодых парней. Одеты они были в холщовые штаны и свободные рубахи без рукавов и вооружены: кто цепью, кто дубинкой. Подошли поближе, внимательно осматривая незваных гостей.

– Ты, что ли, фермерский? – с недоверием спросил один из парней, разглядев в отблесках почти растаявшего заката одежду Ерёмина.

– Я, – коротко ответил Сергей и тут же поправился. – Мы.

– Девчонка точно оттуда, – заявил другой. – Видел я её у нас.

– И я, – подтвердил ещё один.

– Да с фермы мы, с фермы! – загорячилась Соня. – Это Сергей, новый ученик, я – Соня. Мы к бабе Рите на ночёвку идём проситься, не успели из города домой засветло. Что случилось-то? Чечухи напали?

– Дикие, – расслабился лучник, но в подробности вдаваться не стал. Просто приказал одному из парней проводить до дома да проверить на всякий случай, знает ли хозяйка своих гостей. Проводник им попался молчаливый: как Соня ни пыталась его разговорить,

не произнёс ни слова. Шёл позади, взвалив на плечо дубинку – кость широкая, высокий, руки, что те бревна из завала и молчал. Даже от комаров не отмахивался, а Ерёмин уже устал отбиваться от этих мелких кровопийц. Баба Рита – женщина лет пятидесяти, в широких мужских штанах и просторном свитере – сидела на крыльце, перебирая травы. Волосы её были сплетены во множество тонких косичек: такой необычной причёски Ерёмин ещё ни разу не встречал. Завидев гостей, она близоруко прищурилась, потом всплеснула руками и поспешила навстречу.

– Сонюшка! – воскликнула она, обнимая девушку. – Да каким же ветром тебя занесло?

– Попутным, – улыбнулась Соня. – На ферму из города идём. Это – Сергей, хотим сделать из него человека. А это – баба Рита, травница, какой на тыщу километров не сыщешь. А ещё она пояса лечебные из волков делает.

– Из волков? – удивился Ерёмин.

– Да слушай ты её! – обернулась к нему хозяйка. – Она такого набалоболит. Из волчьей шерсти я вяжу. Да ты проходи, проходи, милый, в избу-то, не гляди, что хозяйка одета странно: травки я за посёлком собирала, в мужской одёжке-то по лесам-косогорам удобнее. Проголодались с дороги, небось? Сейчас картошечку в печи разогрею да с маслицем коровьим, да с щавелем – знаете, какой у меня нынче щавель вымахал? С лопату шириной. И не улыбайся, Сонька, вот нисколько не вру! Ох…вы ж, наверное, и не слышали: у нас тут такое произошло, такое…

Но что произошло, Ерёмин так и не узнал. Сначала баба Рита готовила на стол, затем слушала Соню, рассказывавшую новости из городской жизни, затем они рассматривали шкатулку и семена в ней, а когда ужин был готов, то хозяйка, странно подмигнув Ерёмину, вытащила откуда-то бутыль из тёмного стекла и налила ему и себе мутноватой жидкости с резким неприятным запахом.

– Пей, пей, милок, – сказала она, залпом осушив маленький стеклянный стаканчик. – Это тебе нервы успокоит после приключений ваших.

В стакане явно было какое-то спиртное, причём самодельное, и хотя Ерёмин пил редко, он решил, на этот раз – можно. Вкус оказался отвратительным, и пришлось заедать горячей картошкой, обжигая губы, но нервы это действительно успокоило. Так успокоило, что через четверть часа, едва закончив ужин, Сергей заснул прямо за столом. Снился ему Звенигород. Тот, придуманный им по дороге. В нём были высокие светлые башни из камня и смеющаяся Соня, только что обнимавшая его за шею, а теперь убегавшая по усыпанной цветами вишни улице.

– Погоди! – прокричал ей вслед Сергей. – Погоди немного.

Но она не желала его слушать, она бежала и смеялась.

– Постой! – просил Ерёмин. – Хоть минутку постой ещё.

– Никаких погоди! Просыпайся!

Сергей резко открыл глаза и увидел, что девчонка трясет его за плечи.

– Утро уже давно! – обрушилась на него Соня. – А он развалился, как король какой. Опять хочешь, чтобы из-за тебя мы по чужим людям ночевали? Вставай да пошли, пока тебя баба Рита не напоила своей брагой. Тут осталось-то идти всего ничего…

11

От Звенигорода к ферме дороги не было. Никакой. Даже той, поросшей бурьяном, колдобистой тропы в ядовитом тумане, с которой Ерёмин и Соня день назад, обессилев, выбирались из овражины. Идти было нелегко, отчаянно болели ноги. Соня успокаивала Сергея и уверяла, что осталось совсем немного. И шла себе легонечко вперед. Ему казалось, что вчерашние передряги только придали ей сил. А Ерёмину с огромным трудом приходилось пробираться по бурелому, через чащобу поваленных деревьев, обходить глубокие овраги и поросшие густой колючей травой широкие ямы, наполненные неприятно пахнущей водой. Не сравнить с тем, что было позавчера, но он инстинктивно задерживал дыхание и замедлял шаг. А девчонка двигалась быстро и уверенно, только изредка останавливалась и словно прислушивалась к чему-то минуту-другую, а затем вновь неслась вперед быстрой, игривой походкой. Сергей еле поспевал за ней, то и дело спотыкался, падал – ходить своими ножками по чащобе – это не то же, что нестись на гравицикле в полуметре над землей. На гравицикле встретил препятствие – приподнимай руль, мчись поверху, только от твоих навыков и чутья машины зависит, насколько ровной, а значит, и быстрой будет езда. Ерёмин с неприязнью посмотрел на удаляющуюся спину девчонки, которой, казалось, всё нипочем. Не отстать бы. Если он потеряется, то едва ли найдёт дорогу обратно. Да и куда обратно? В ядовитую ложбину, в лапы к чечухам? Сергей прибавил шаг, но через минуту опять споткнулся и упал. Поднявшись, он посмотрел вперед – Сони не было видно, но между деревьев, метрах в трёх от земли, мелькнуло что-то белое. Слишком высоко для того, чтобы быть человеком.

– Эй, Подосинкина! – встревожено крикнул он. – Подожди меня. Я не знаю дороги! Догоню – уши надеру!

Соня не отвечала. Ерёмин побежал в сторону белого пятна, вновь появившегося между деревьями. Похоже, там находилось какое-то строение.

– Ну вот, знакомься, это Саввино-Сторожевский монастырь, – услышал он впереди Сонин голос.

Ещё несколько шагов, и деревья расступились. Подосинкина стояла перед высокой и длинной каменной белой стеной. Рядом с ней девчонка выглядела маленькой и очень хрупкой. Желание надрать ей уши тут же оставило Сергея, ему захотелось обнять ее плечи, погладить по голове.

– Нам сюда? – спросил он.

– Эгегей! Есть тут кто? – изо всех сил завопила Соня, обрывая силой своих лёгких вековечную тишину леса. Никто не ответил ей, только старые дубы, осуждающе качая кронами, тихо перешептывались между собой.

– Из Саввино-Сторожевского монастыря раздавалось глухое молчание, – насмешливо констатировала девчонка. – Нет там никого, уже сотню лет, Пафнутий иногда заходит

проверить, всё ли в порядке. Монастырь для фермы слишком велик, – объяснила Соня. – Но теперь нам уже совсем чуть-чуть.

– Да ты сколько раз это говорила, – проворчал Сергей.

– Правда-правда, – убедительным тоном заверила его Соня. – Дойдем до конца стены, а затем минут пятнадцать. Днём здесь не страшно, – добавила она, но отрываться от Сергея не стала, пошла рядом.

– А ночью – что?

– А ночью дух преподобного Саввы обходит стены и пугает непрошенных гостей. Он весь такой белый, громадный, страшенный – попробуй не испугаться.

Ерёмин хмыкнул:

– Опять ты меня дуришь!

– Не веришь? А вот скажи – почему монастырь целый-невредимый? Только в стенах изредка провалы, так то от старости. Ты вот видел, во что Звенигород превратился – сколько раз на него нападали – и банды диких иззвенов, и чечухи. Разграбят, а что унести с собой не могут, обязательно сломают, сокрушат до основания. А монастырь – всё как новенький. И только потому, что преподобный Савва его сторожит. Монастырь потому так и называется – Саввино-Сторожевский. Никто чужой в него не пройдет. Вот спросишь Игорёшку, он на спор ходил – сам видел.

Ерёмин недоверчиво покачал головой, но ничего не сказал. Несколько минут он и Соня шли молча, а потом лес неожиданно окончился, и у холма впереди показалась стена. Не такая высокая и не такая длинная, как у монастыря, но выглядела она внушительно. По углам стены красовались невысокие стройные башенки с оконцами, и пока путники шли к тяжёлым деревянным запертым воротам посредине, Ерёмин невольно залюбовался этой маленькой «крепостью».

12

– Ну, вот и причапали, – удовлетворенно заявила Соня. – Я же говорила, осталось совсем чуть-чуть. А где все? – она отчаянно завертела головой, щурась, пыталась узрить кого-нибудь на башенках. – Дрыхнут, небось, лодыри, а скотина не кормлена. Вот только оставь их на пару дней, сразу же распускаются, – пожаловалась она Ерёмину.

С ворот свисал такой же шнур, как у двери квартиры Мастера, только толще и гораздо длиннее.

– Это мы маленький колокол вместо звонка приделали, – дёргая за шнур, произнесла Соня. – Раньше тут колотушка висела, ее плохо слышно.

Про колокол нельзя было сказать, что его слышно плохо. Ерёмину показалось, что лес вокруг раздвинулся, и небо поднялось ввысь от мощного, напоминающего гром, звука, вырвавшегося из ворот.

– Стой! Кто идет? Стрелять буду! – раздался тонкий мальчишеский голосок и в одном из оконцев ближайшей башенки Ерёмин увидел заспанную лохматую голову пацана лет тринадцати.

– Чечухи! – взвизгнула Соня. – Чечухи прут, а часовой спит! Отпирай давай, свои.

Мальчишка спустился вниз и открыл ворота.

– Мы тебя ещё позавчера ждали, – оправдываясь, произнес он. – Я двое суток дежурил и сегодня ночь. Думал первым тебя встретить и заснул. А это кто? – он бесцеременно уткнулся в Ерёмина взглядом. – Седьмевик? Чего ему тут надо?

– Это новый ученик, – сказала Соня. – Его зовут Сергей Ерёмин. И он меня вчера спас, – похвасталась она.

– А сам-то ты кто? – не дождавшись, когда ему представят пацана, спросил Сергей.

– Игрь, – недовольно буркнул мальчишка. Он выглядел совсем юно, загорелый, вихрастый, босой, с закатанными по колено штанами и засученными рукавами. На голову он успел водрузить широкополую соломенную шляпу с задиристо торчащим из неё острым белым пером, похожая висела в прихожей у Мастера, но эта была сделана гораздо грубее.

– Не Игрь, а Игорь Маралин, – назидательным тоном поправила парнишку Соня.

– Я не думал, что иззвены такие маленькие бывают, – удивился Ерёмин.

– Сам ты маленький, – обиженно произнёс мальчишка. – Мне, между прочим, через сорок два дня исполнится тринадцать.

– Игорёшка убежал из воспитательного дома, – объяснила Ерёмину Соня. – Таких, как он, много. Обычно они попадают в лапы к диким и сами становятся бандитами. А ему вот повезло – Джон Матвеевич его подобрал.

– Я сам нашел Мастера! – запальчиво возразил Игорь. – Никто меня не подбирал! И я всё на ферме умею делать. И стихи сочиняю. Небось, твой Ерёмин даже не знает, что такое стихи!

– Почему не знаю? – пожал плечами Ерёмин. – Это рифмы. Для рекламы, например. Или правительственные слоганы. Такому малень… неопытному, – поправился он, – никто не поручит столь ответственное дело.

– Ну конечно, рифмы для рекламы, – скривился мальчишка. – А сам-то ты что умеешь?

– Я могу заниматься классификацией предметов первого потребления, – сказал Сергей. – А раньше был оператором на ферме синтетического мяса.

– Кнопочку раз в час нажимал? – ехидно осведомился паренёк.

– Гравикл могу сделать, – вспомнил Сергей. – Игрушечный. Только нужны металл и пластик. Видел скульптуру «Мальчик с гравициклом»? Это я. Я ещё пацаном их делал.

– Маралин, ты чего на человека обрушился? – встряла в разговор Соня. – Сам-то что умел, когда здесь очутился? И Серёжа научится. Джон Матвеевич не взял бы его, будь он совсем бестолковым. А где Ксюха и Ваня?

– Ваня на Сторожевке рыбу удит, а Ксюха… – Игорь замялся. – Ксюха тоже к речке пошла.

– О, гром и молния на мою седую голову! – патетично вскричала Соня. – Вот стоит на пару дней отлучиться, и хозяйством никто уже не занимается. Пропади она пропадом, эта ферма! Все только и делают, что ищут момент, когда бы пойти поразвлечься. А работать никто, ну никто не хочет! И что мы будем делать зимой? Голодать?

– Да ладно тебе, – миролюбиво сказал Игорь. – Мы, пока тебя не было, почистили птичник, поменяли подстилку гусям, залатали крышу в хлеву, компост перекинули, в сарае дверь поправили. А ты говоришь, работать никто не хочет.

– А грядки? Грядки вы вскопали?! – сердито, но, уже остывая, спросила Соня. – Дверь и компост могут подождать.

– Ну, мы же знали, что ты вернёшься и всё равно заставишь их копать. Вот теперь пусть он мучается, раз ничего другого не умеет, – Игорь злорадно ткнул пальцем в Ерёмина.

– Сначала надо, чтобы Пафнутий добро дал, – строго сказала Соня. – Я проведаю скотину да пойду обед готовить. А ты отведи-ка покамест Сергея к Пафнутию, – велела она. – А потом бегом за Ваней, пусть он тебя сменит на посту, нельзя же трое суток не спать.

Всё то время, что длился этот разговор, они шли по скиту. Внутри он оказался больше, чем представлялся Сергею снаружи. За стеной с башенками располагались кирпичные одноэтажные строения, широкий двор отделял от них странное, устремлённое ввысь здание, с вытянутой к небу крышей, увенчанной крестом на каплевидной шишке. Впрочем, нижняя часть здания, в противовес верхней, была похожа на остальные строения и словно прижата к земле. А между ними находился арчатый проём, в котором Ерёмин увидел такой же колокол, как у ворот, только гораздо крупнее.

– Это церковь, – перед тем, как исчезнуть в одном из домиков, успела сообщить Ерёмину Соня. – Пафнутий там каждый день служит, и по ночам тоже частенько, но сейчас он должен быть у себя.

Игорь повёл Сергея мимо церкви и вдруг оказалось, что скит здесь не заканчивается, тянется дальше – позади церкви есть ещё один двор, который она собой прикрывает, а задний двор даже просторнее переднего, и строений тут больше, хотя и попроще они, да и без окон почти что, строения дружно прижимались к стенам, а посредине двора находилось свободное пространство, разделённое на ровные прямоугольники. Часть прямоугольников выглядела свежевскопанной, на некоторых уже вовсю зеленели

неизвестные Ерёмину травы, но большая часть этого пространства выглядела серо и уныло. «Это грядки, что мне предстоит вскопать», – сообразил Сергей и прикинул, что дело не столь уж и сложное, за день управится. С севера и запада грядки прикрывали невысокие подстриженные деревья, они весело зеленели, к некоторым из них, на высоте метров трёх, были приделаны крохотные домики. Ерёмин присмотрелся внимательнее к деревьям, надеясь увидеть среди них яичное, даже замедлил шаг, но тут Игорь стал торопить его – похоже, пареньку не нравилось данное Соней поручение, и он старался поскорее отделаться от Сергея.

13

В самом дальнем углу скита стоял маленький приземистый, но аккуратный домик. Туда они и направились.

– Нам и так народу на ферме хватает, зачем нам ещё? Будь я Мастером, я бы такого старого в ученики ни за что не взял, – ворчал себе под нос Игорь. – Только хлеб будет даром есть. Жаль, Пафнутий добрый. Наверняка разрешит остаться. Для него и чечух – человек. И даже седьмевик, – мальчишка презрительно глянул на Ерёмина, но тот и ухом не повёл, делая вид, что ничего не слышит. – Пришли! – Игорь стукнул негромко в дверь, приоткрыл её и в образовавшуюся створку сунул голову. – Отец Пафнутий, к тебе тут типа одного прислали.

– Входите, милые люди, – послышался из домика голос, показавшийся Ерёмину поразительно знакомым. Просто удивительно, ведь он был уверен, что никогда прежде не слышал этот голос, уж он бы его точно ни с каким другим не спутал, было в нём что-то такое, чего Сергей никогда не знал, но узнав, почувствовал задушевную близость. Каждый в городе разговаривал с другим отстранённо, словно ставя стенку между собой и собеседником. Не то, чтобы совсем чужие, как Попов или Коновалов, но даже в паре люди никогда не открывались друг другу. Уж казалось бы, Женька Синицына – друг, и не такая, как все, а вот, поди ж ты, сегодня она такая, завтра другая – изменчивая, словно вода в реке, и никогда Ерёмин не понимает, что у неё на уме. Даже не знает, точно ли нравится он ей. А Мастер? У него голос добрый, но чужой. Есть Сергей, нет Сергея – ему безразлично, он сам по себе, на то он и Мастер. Подосинкина? Колючий, взъерошенный подросток, оттаивающий на несколько минут, но внутрь себя никого не пускающий. А голос Пафнутия был такой мягкий, такой ласковый, что Ерёмин вдруг почувствовал себя, словно был он всегда один-одинёшенек на всём белом свете, а теперь у него есть близкий, удивительно родной человек. Перед ним мелькнуло детство в воспитательном доме, тогда он тоже частенько ощущал себя неуютно в этом мире, будто он всем чужой. Однажды к ним прислали воспитательницу, уже не очень молодую и строгую, но Сергею до боли под ложечкой хотелось всегда быть рядом с ней, сидеть у нее в ногах и чувствовать себя в безопасности и любви. Ему казалось, что воспитательница всё понимает, оттого и смотрит на него внимательнее, чем на остальных детей, но ничем другим она его не выделяла. Через несколько месяцев её заменили, так было принято – чтобы дети выросли сильными личностями, они не должны ни к кому привязываться, это ослабляет их социальный иммунитет. И Сергей подавил появившуюся в нем горечь утраты, научился справляться со своими жизненными невзгодами самостоятельно – так, как и было утверждено в программе воспитания.

– Входите, милые люди, – позвал Пафнутий, и вслед за Игорем Ерёмин вошёл в маленькую, почти пустую комнатку. Обстановка её была столь аскетична, что казалась полной противоположностью жилищу Мастера. К стене у окна была пристроена лежанка, почти такая же узкая, как в квартире Сергея. Рядом с лежанкой стоял деревянный стол, у стола – табурет. В углу непонятного предназначения кирпичная укладка до самого потолка с двумя дверцами. Перед тем, как зайти в домик, Сергей заметил на его крыше трубу и понял, что кирпичная укладка связана с этой трубой. «Может быть, это приспособление для сбора воды во время дождя?» – подумал Сергей, но спрашивать не стал – успеется ещё. Помимо этого, в комнате было только странное изображение, висящее на стене – худой, почти обнаженный человек, прибитый к кресту. Перед изображением находилась подвешенная на цепочке прозрачная чашечка, в центре которой теплился живой огонёк.

Сергею почему-то казалось, что Пафнутий, о котором все, даже Мастер, отзывались с большим уважением, должен быть старым человеком, но он не был стар, хотя и молодым его вряд ли бы кто назвал. Длинная борода с пробивавшейся редкой проседью делала его возраст трудно различимым. Как и странное чёрное одеяние, опускавшееся с плеч до пят. Лицо Пафнутия было худым, даже острым, но глаза в обрамлении лукавых морщинок сияли добротой.

– Вот, прислали нам городского зачем-то, – пожаловался Пафнутию Игорь. – Ничего не умеет, даже не знает, что такое стихи. Зачем нам такая обуза, верно? Может, не стоит его брать? – вид у паренька был сконфуженный, и Сергей понял, что тот чувствует не только неприязнь к нему, к Ерёмину, но и вину за то, что так открыто выражает своё недовольство.

– Ты, поди, ещё одну ночь не спал, пока ждал Соню? – участливо спросил Пафнутий и, когда Маралин подтвердил, что жутко не выспался, выпроводил его «быстренько на боковую», пока с недосыпу на людей, как спиногрыз, кидаться не стал.

Когда Игорь ушёл, Пафнутий усадил Ерёмина на табурет и попросил рассказать, что привело его на ферму. Сергей замешкался, не зная, с чего начать, но Пафнутий не торопил и терпеливо ждал.

– Всё началось, когда я выиграл миллион в лотерею, – произнёс Ерёмин, но тут же сообразил, что это ничего не разъяснит Пафнутию. – Нет, всё началось раньше, в детстве…

И он рассказал про то, как ребенком в воспитательном доме полюбил работу руками, как он делал из подручных материалов необычные игрушки, среди которых одна стала известной всей Москве – крохотный гравицикл. Он зачем-то упомянул строгую воспитательницу и объяснил, какое неясное, но глубокое чувство испытывал к ней, а потом, потеряв ее, научился обходиться без любви и привязанностей. Он хотел поведать Пафнутию о своей работе, о соревнованиях на гравицикле, о меняющихся каждый год парах, ни одна из которых не вызвала желания остаться с ней надолго. Но вдруг вся его жизнь показалась ему мелкой и ничтожной, неинтересной самому себе. Зачем же говорить об этом Пафнутию? Он вспомнил Женьку Синицыну, но и тут он понял, что его отношения с ней строились неправильно. Всё, что было прежде, до встречи с Мастером –

было искусственное, фальшивое, жизнь началась только два дня назад, когда он впервые подошел к городскому куполу в сопровождении девчонки-иззвенки Сони.

– Я плохо жил, – сказал Ерёмин. – И жизнь моя была…не знаю… никчемной, что ли. А теперь она заполняется, как пустой сосуд водой.

– Да, это так, – кивнул Пафнутий. – Бог выправил твой путь.

– Я не знаю Бога, никогда с ним не встречался и даже не слышал о нём, – возразил Ерёмин. – Я сам всё решил, и немного мне помогла Женька Синицына.

Пафнутий горько вздохнул.

– В начале сотворил Бог небо и землю, – начал рассказывать он. – Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

Ерёмин забыл счёт времени, пока длился рассказ Пафнутия. Тот говорил о том, как Бог сотворил первых людей, и как они ослушались Его, и какое их ждало наказание – не только их самих, но и детей их, и внуков. До Божественного проклятия они не размножались страшным способом – в животе женщины, но как это происходило в те времена – осталось загадкой, слишком много утекло с той поры воды. Ерёмин узнал о двух братьях, один из которых убил другого, ведь он был обижен на Бога, что тот равнодушен к его жертвам. И о других братьях поведал Пафнутий, они тоже хотели убить своего брата, но продали его в рабство, а он прославился на чужой земле и спас потом их жизни. И о Великом Потопе узнал Сергей, когда вся земля наполнилась водою, а Бог велел праведному Ною построить Ковчег и собрать в него всех зверей, каждой твари по паре. Но больше всего его потряс рассказ об Иисусе Христе, Сыне Божием, спустившемся на землю, чтобы искупить человеческие грехи, а люди, вместо того, чтобы последовать за Ним, распяли Его на кресте.

– Не знаю, поверишь ли ты когда в Бога, – сказал Пафнутий, – но в скиту оставайся, сколько тебе угодно. Бог направил твой путь, и значит, место твоё здесь.

14

Сергей смотрел прямо в лицо Старцу, и даже долгий и задумчивый взгляд Пафнутия, не заставил Ерёмина отвести глаза. Так прошла целая минута, а, может быть, и две, а потом Пафнутий поднялся и, сказал, что пора идти в трапезную. Оказывается, этим старинным словом он назвал столовую, где уже собрались все фермерские: Соня, Игорь и ещё двое ребят – постарше задиристого и хмурого Маралина, но младше любящей командовать Подосинкиной. Ваня и Ксюха – никто, похоже, не собирался представлять им новичка, и Ерёмин сам вспомнил их имена. Ваня был тощим, сутулым подростком, с ломающимся и немного заикающимся голосом, которого он, очевидно, стеснялся и оттого был немногословен. Ксюха выглядела медлительной и ленивой тетерей, лохматой и чумазой, она положила голову на длинный деревянный, уже накрытый, стол, закрыла глаза и так и разговаривала с остальными, словно сквозь сон. Ерёмин с внутренней радостью заметил, что Подосинкина – самая красивая и расторопная из присутствующих. Фермеры, все, кроме шурующей у плиты Сони, сидели на лавке по краям стола, но не ели, а, ждали Пафнутия. При их появлении они сразу же вскочили, умолкли, переглянулись, Ксюха что-то шепнула Ване, показав глазами на Ерёмина, и тут же отвела их в сторону. Пафнутий без лишних слов подошел к торцу стола и, не обращая внимания

на вызванный его появлением переполох, прочитал короткую молитву, а затем сообщил, что на время обеда пойдёт подежурит на башне.

– А почему Пафнутий с нами не обедает? – спросил Ерёмин, когда тот вышел.

– А он мяса не ест. И постится часто. Щиплет, как гуси, травку, – хихикнула Ксюха и снова положила голову на стол, между тарелок.

– И при этом дежурит вместо некоторых лодырей, – сурово произнесла Подосинкина, водружая в центр стола котёл с дымящимся супом и держа в руках половник, но не торопясь раздавать еду. – Итак, отвечайте, почему стоило мне на несколько дней отлучиться, как график дежурства нарушился?

Сначала никто ничего не отвечал, но когда Соня налила суп одному лишь Ерёмину и, скомандовав: «Ешь давай!» – застыла в ожидании с поднятым половником в руке, явно не намереваясь кормить остальных домочадцев, тогда фермеры поняли, что лучше с ней не спорить, а делать, что говорит – всё равно своего добьётся.

– Игорё-рё-рёшка хотел тебя встретить, – сбивчиво начал Ваня. – Мы ему-му-му уступили дежурство.

– Я случайно заснул! – запальчиво выкрикнул Игорь. – Я вовсе не хотел спать, просто придумывал рифму, задумался и не заметил... Да кто весной к нам полезет, вот в сентябре, когда урожай, а сейчас-то…

– Сейчас? – зловещим голосом прошипела Подосинкина. – Ты хочешь знать, что может случиться сейчас? Никто не желает прогуляться в Звенигород? Никто не желает полюбоваться на сгоревшие дома и свежие могилы?

Фермеры виновато молчали. Ерёмин сидел с ложкой в руках перед наполненной тарелкой, чувствуя себя дурак дураком. Он не хотел начинать есть без остальных, но он уже слишком хорошо знал, как вкусно умеет готовить Соня. После тридцати лет соевых брикетов, синтетического мяса и витаминного коктейля он только-только начал входить во всё многообразие вкуса живых продуктов. Сергей один раз окунул ложку в суп и не заметил, как тарелка опустела.

– Это рассольник, – не забыла обратить на него внимание Подосинкина, а затем вновь переключилась на остальных. – Никто ничего сказать не собирается?

– Да вечно ты сгущаешь краски, – лениво протянула Ксюха и поковыряла в носу. – Ну не будем больше, прости…

– А с тобой особый разговор! – яростно обрушилась на неё Соня. – Сколько раз говорить, что придёшь за стол чумазая, останешься без обеда? Кыш из-за стола!

– Ну что с тобой сегодня? – Ксюха явно не собиралась никуда уходить.

– Чьё сейчас дежурство?

– Ну моё-ё-моё, моё.

– Вот и ступай! И не вздумай спать на посту!

Ерёмин никогда ещё не видел Соню такой сердитой, даже гневной. Ему вдруг стало жалко её – маленькая, всего-то пятнадцать годков, а уже ведёт самостоятельно большое хозяйство, да и мальцов, не доучившихся в гипношколе, воспитывает.

Пока Ксюха, ворча, неуклюже вылезала из-за стола, Соня раскладывала перед обедающими уже знакомые Ерёмину овальные белые предметы.

– Кстати, я не нашёл яичное дерево, – заметил он, надеясь как-то отвлечь Подосинкину. Игорь и Ваня ошеломлённо посмотрели друг на друга, а затем уткнулись носами в свои тарелки так низко, что Сергей не мог разглядеть их лиц. Плечи обоих мелко тряслись.

– За яйцами надо идти поутру, – объяснила Подосинкина. – Вот те, что к завтрашнему дню созреют, можешь на рассвете собрать с яичных деревьев. Я покажу где. Только надо рано встать. Вовремя не снимешь – они лопаются.

После обеда Игорь отправился дальше спать. Сергей заметил, что свои яйца Ваня не съел, а положил за пазуху. «Для Ксюхи», – подумал он. Подосинкина сделала вид, что не заметила этого и снарядила Ваню за водой к колодцу – пора наполнить бочку, а Сергею она вручила лопату – деревянную палку с плоским острым металлическим наконечником. Ему предстояло вскопать огород.

Дело оказалось не таким лёгким, как представлялось вначале. Через два часа Ерёмин весь взмок от пота. Теперь у него болели не только ноги, но и руки, спину ломило так, что было не разогнуться. А вскопано было – всего ничего. В пять раз меньше, чем он рассчитывал. Мысль о том, что он хотел всё сделать за сегодняшний день, казалась теперь смешной. «Если так будет всё лето, я не выдержу, – подумал он. – Как эти дети со всем справляются? И чем занимается Пафнутий?»

К нему подошёл Ваня с ведром воды.

– Охо-хо-холонись, – сказал он.

Пока Ерёмин жадными глотками пил освежающую холодную воду, она показалась ему вкуснее любого витаминного коктейля. Коктейль всегда сладковат и немного приторен, а язык неизменно ощущает примесь химии. А в этой воде он чувствовал одну лишь чистоту и приятную прохладу.

– Вкусно, д-д-да? – спросил Ваня. – Это всегда так. Когда хорошо поработаешь, лучше воды ничего нет.

Ерёмин умыл лицо и руки и почувствовал новый прилив сил. Но прежде, чем вновь вернуться к работе, он постарался немного разговорить Ваню. Тот рассказал Сергею, что любит рыбачить и охотиться, и он бы даже ушёл жить в леса, да зимой одному трудно, и Ксюха – такая неумёха, не оставишь её, за Игорем нужен глаз да глаз, а Подосинкина – она одна со всем не справится. И когда нападают чечухи или дикие, пара лишних мужских рук вовсе не помешают. Тем более, что Пафнутий никогда не возьмёт в руки оружие.

– Почему? – спросил Сергей.

– Го-го-говорит, что молитва – лучшая защита. Он почти всегда в храме. И сейчас вот то-то-тоже.

– Но это неправильно! – возмутился Ерёмин.

– Не-не-не знаю. Может, он и прав, – задумчиво произнёс Ваня.

Ваня жил здесь два года, и пока им и вправду везло. Большие набеги на окрестные фермы случались, но на скит и чечухи, и дикие нападали редко, и никогда толпой. Всегда удавалось отбиться своими силами. Пару раз к ним приходили с соседних ферм – просили помочь защитить хозяйство, и они не отказывали, но самим прибегать к помощи соседей не приходилось.

Ваня пошёл дальше носить воду, а Сергей продолжил копать огород. Несколько раз он замечал маячащую на башне зевающую Ксюху. «Ненадёжная защита», – в который раз отметил он про себя.

К ночи Ерёмин не сделал и четверти того, что задумывал, но устал, как никогда в жизни. Однако Подосинкина была довольна. Завтра уже можно будет посадить семена из шкатулки Вовки, и много других овощей. Она отвела Ерёмина в его комнату – маленькую келью в строении переднего двора. Комнаты остальных фермеров находились рядом. «В случае опасности всех можно будет легко собрать», – удовлетворенно подумал Сергей.

Он рухнул, не раздеваясь, на свою лежанку. Стянул ногой о ногу обувь и постарался заснуть. Но тут оказалось, что организм, который зверски требовал отдыха, спать вовсе не хочет. Ерёмин выглянул в окошко и увидел звёздное небо. Звёзды были гораздо ярче, чем в городе, и казалось, что находятся они намного ближе.

– Вон Марс, – заметил Ерёмин среди множества голубых искорок кровавую точку. – Наверное, и Синицына сейчас на него смотрит. Вспоминает ли она обо мне?

Ему казалось, что он не видел Женьку целую вечность. И была она от него так далеко. Ему представилось, что он не в сотне километров от неё, а где-то там, в забытой марсианской колонии, или даже на другой звезде. Синицына осталась в прошлом, во вчерашнем дне. Может быть, он никогда её больше не встретит. И странно, Сергей не чувствовал ни тоски, ни даже грусти. Всё было так, как должно было быть. Женьке не было места в его новой жизни, но он знал, что в глубине его сердца такое место есть. И никто его никогда не займет… Единственное, чего ему было жаль, так это того, что когда он вернётся, из памяти сотрётся вся свежесть восприятия этих дней. И как рассказать Женьке обо всём, что он пережил – так, чтобы она почувствовала это, словно находилась с ним рядом?

15

Что-то обожгло Сергею щёку. Он вскочил, испуганно схватившись за лицо, и увидел стоящую рядом с его лежанкой Подосинкину. В руках у девчонки был пустой стакан.

– Извини, – сказала она, – ты крепко спал. Я уж тебя трясла-трясла, а ты в ответ мычал и махал руками. Пришлось облить тебя водой. Вставай, лежебока, я подожду в саду. И поторопись, а то яйца на деревьях лопнут.

Чертыхаясь и продирая сонные глаза (заснул-таки, а казалось, что и вовсе не спал), Ерёмин быстро вскочил и направился к маячившим за огородом деревьям. Около одного из них была приставлена лестница.

– Вот, – невинно хлопая ресницами, произнесла Подосинкина. – Лезь. Начни с этого дерева. Но смотри внимательно, не рви незрелые – бери только крупные яйца. А я подержу лестницу.

Ерёмин полез наверх и увидел среди листвы тут и там мелькающие белые пятна. Их было не меньше дюжины. Все яйца одного размера, поди разбери, какие из них незрелые. Сергей потянулся к первому и увидел, что яйцо крепится к ветке с помощью травяного мешочка. Сорвав его, он внимательно осмотрел его и хмыкнул. Узелки были сделаны человеческими руками. Подосинкина опять его надула. Она сама подвесила эти мешочки, чтобы подшутить над ним. Он глянул вниз. Соня стояла и держала лестницу с непроницаемым лицом. Чуть дальше из-за угла выглядывали довольные смеющиеся рожицы Вани и Игоря. Маралин ехидно показывал Сергею язык. А с башни с невозмутимым видом за всей этой сценой наблюдала Ксюха. «Почему бы не подыграть ребятам? – подумал Ерёмин. – Пусть развлекутся. Сделаю вид, что я им поверил». Он сунул яйцо в карман и потянулся за следующим. Затем за третьим. За четвертым пришлось подняться на пару ступенек, и тут Ерёмин услышал, как в кармане что-то хрустнуло. Затем ещё раз и ещё, по ноге поползла неприятная тягучая жидкость. Услышав громкий смех ребят, Ерёмин громко выругался и возмущённо посмотрел на Соню.

– Кто же знал, что ты сырые яйца в карман будешь складывать? – ничуть не смутившись, заявила Подосинкина. – Они же хрупкие и жидкие внутри! Чтобы затвердели, их надо минут десять варить в кипятке… Ну прости, что обманула, прости, больше не буду. В самом деле, яйца сносят птицы.

– Опять дуришь? – со свирепым видом окрысился Сергей.

– Чтоб мне сдохнуть, – заверила Соня. – У нас скоро гусята вылупятся, сам увидишь.

Они вернулись в спальни – дом с комнатками-кельями.

– Скидывай одежку-то, постираю, – приказала Подосинкина. И с большим интересом наблюдала за тем, как Ерёмин стягивает с себя униформу. Тела своего он не стыдился, зря его тренировал, что ли? – так что дал ей вволю на себя налюбоваться, играя, словно случайно, бицепсами.

– Фу, как извазюкался, – фыркнула Соня и уволокла униформу куда-то прочь. А Ерёмин вздохнул и в одних трусах отправился на огород . Подошёл к лопате, плюнул на ладони и только тут заметил, что кончил копать вечером совсем в другом месте.

«Почудилось, наверное», – подумал Ерёмин. Он пересчитал приготовленные к посеву грядки. Их было на три больше, чем он накануне оставил. Списав это на вчерашнюю зверскую усталость и обрадовавшись тому, что работать придётся меньше, чем рассчитывал, Сергей взялся за лопату.

Через пару часов к огороду подошли Соня и Ксюха, которую сменил на сторожевой башне Ваня. В руках у девушек были покрытые мокрой тонкой тканью блюда, в них лежали проросшие семена. Как они только ни выглядели! Большие и маленькие. Белые и чёрные. Длинные и круглые. Плоские и ощерившиеся рожками во все стороны. Все они были разные, но из каждого торчал маленький белый язычок. Ерёмин с любопытством рассматривал семена. В них пряталась жизнь. Загадочная и таинственная. Сколько вокруг трав и деревьев, как узнать, в каком зернышке что живёт?

– Вот эти, огромные – наверное, от дерева? – спросил он. Подумал и неуклюже пошутил. – От яичного?

– Нет, это кабачки, – объяснила Соня. – Они быстро созреют. Узнаешь, какая это вкуснотища, когда я их пожарю, а сверху сметаной полью! Пальчики оближешь.

Ерёмин сглотнул слюну.

– А где Вовкины семена, из шкатулки? – поинтересовался он.

– Отмачиваются, – сказала Соня. – Пусть проснутся слегка. Посадим их в самом конце, когда ты закончишь копать огород…

До обеда Ерёмин работал на солнцепёке, не покладая рук, но всё равно успел мало. После еды к нему присоединился дежуривший утром Ваня. На стене опять маячила сонная, как жук, Ксюха. «Как это неудобно, – подумал Сергей. – Когда каждая пара рук важна, кто-то должен всё время сторожить скит».

Вдвоём работа пошла скорее. Но всё равно они не успели всё вспахать к ночи.

– Ой-ой-ой, – сказал Ваня, в очередной раз глянув на Ерёмина. – Зря ты-ты-ты в одних трусах весь день. Сгорел с непривычки.

– Как это – сгорел? – спросил Сергей.

– У тебя-бя-бя вся спина как кипятком ошпаренная…

Ерёмин попробовал глянуть на себя через плечо и тут почувствовал, что его сильно жжёт. Спину тоже саднило, но гораздо меньше.

– Пустяки, – промолвил он.

Но Подосинкина, к которой Ваня отвёл его, так не считала. Она заставила его лечь навзничь, лицом вниз, оседлала и стала смазывать целительным бальзамом собственного изготовления.

– Настоящее облепиховое масло, – приговаривала она. – Тебе повезло, что осталось немного. Зимой я руку обварила, пять раз на дню лечить приходилось.

Она уже трижды смазала Сергею всю спину – от трусов до самой шеи, но слезать с него не торопилась.

– Ну как, полегче? – заботливо спрашивала она и продолжала накладывать бальзам слой за слоем. – А ты тут что делаешь? – зыркнула она взглядом в сторону дверей.

Повернув голову, Ерёмин заметил прильнувшего к косяку насупившегося Игоря. Тот ответил ему недружелюбным взглядом и, ни слова не сказав, скрылся за дверью. А Подосинкина, продолжая мазать Ерёмину спину, начала мелодично мурлыкать себе под нос…

16

Выспаться снова не удалось. Ночью дежурил Маралин. Перед самым рассветом Игорь забил тревогу. Приворотный колокол грозно гудел, подняв фермеров на ноги. Все побежали на стену и Сергей помчался вслед за ребятами. В башне фермеры схватили большие изогнутые палки, туго перевязанные натянутой бечевой. Ерёмин тоже взял одну из них, но не знал, как с ней обращаться.

– Бе-бе-бегай по стенам и кричи, – велел ему Ваня, взявший на себя в этот раз инициативу. – Пусть думают, что нас много. – Сергей заметил, что даже Соня сейчас слушает его. Он побежал по стене, ругаясь изо всех сил неведомо на кого. Он видел, что кто-то передвигается по лесу рядом со скитом. Но кто это был – он не знал. Ерёмину было страшно, и он пытался вызвать в ответ страх у неведомого, скрытого темнотой врага.

Прошло несколько минут, но ничего не менялось – движение продолжалось, с севера на юг – заметил Сергей. Кто бы это ни был, их было много, но к скиту пришельцы не приближались, шли стороной.

– Уффф, обошлось, – осторожно тронула Ерёмина за плечо Соня. Он резко развернулся, чуть не скинув её со стены, но вовремя опомнился.

– Как ты меня напугала, – сказал он, – Кто это был?

– Чечухов не узнал? – удивилась Соня.

– Так темно же, не видно ничего!

– Надо будет сказать, чтобы Ваня тобой занялся, – задумчиво произнесла Подосинкина. – Фермер должен быть воином, если понадобится.

Ложиться уже никто не стал. Соня на скорую руку состряпала завтрак. И снова Сергей с Ваней отправились к огородам. И тут выяснилось, что, как по волшебству, за ночь все невспаханные грядки оказались вскопанными. На этот раз ошибки быть не могло.

– Па-па-пафнутий по ночам помогает, – на изумлённый взгляд Ерёмина ответил Ваня. Он позвал Подосинкину и Ксюху. Те принесли оставшиеся семена и засеяли огород. Вовкины чёрные зернышки из шкатулки посадили ближе всего к деревьям. Никто таких прежде не видел, и ребята гадали, что из них может вырасти.

После этого Ваня поставил в углу двора щит с нарисованным посредине кругом, дал Сергею в руки изогнутую палку, которую назвал луком и показал, как им пользоваться. Натянув тетиву на луке, нужно было выпустить в щит-мишень стрелу – тонкую

деревянную палку с острым наконечником и прикрепленными к ней перьями. Несколько часов Ваня тренировал Ерёмина, пока не добился того, что тот сможет попасть в цель.

А затем наступила очередь Сергея.

– Если часовой на башне заснёт или отвлечётся, он может не заметить врага, – сказал он. – Можно сделать одну вещь, но мне нужен ещё колокол и длинная верёвка.

Верёвку выдала Соня, а совсем маленьким колоколом, хранившимся в церкви, поделился Пафнутий. Ваня быстро сообразил, что задумал Сергей. Они натянули в трёх метрах от наружной стены скита почти у самой земли верёвку и привязали к ней колокол.

– Теперь если кто-то-то полезет, заденет бечеву. И тут ка-ка-как загремит, мы тотчас услышим, – удовлетворенно заметил Ваня. – Но дежурить всё равно придётся. Враг мо-мо-может оказаться осторожным…

– И это не меняет радикально ситуацию: если бы вчерашняя толпа полезла на стены, мы бы их не удержали, – задумчиво произнёс Сергей.

– Че-че-чечухи нерасторопны, на стены они едва ли взберу-ру-рутся, – объяснил Ваня. – А вот ди-ди-дикие, когда их много, они опасны. Осо-со-собенно если вожак умный. Так-то они не жестоки, их ведёт го-го-голод. Одну стену мы защитить су-су-сумеем, а с остальных сторон я выкопал ямы-ловушки.

Вернувшись на ферму, Ерёмин увидел Игоря, который разделся до трусов и задумчиво слонялся по двору скита.

– Осторожнее! Обгоришь, как я! – крикнул ему Сергей. А Ваня усмехнулся:

– Он того и хо-хо-хочет…

И хотя задумка Игоря удалась, и он пришёл к ужину весь, словно обваренный, Подосинкина не стала с ним возиться, а к глубокому разочарованию паренька, поручила смазать его спину Ксюхе.

За ужином Ерёмин спросил у Сони, что за домики прибиты к деревьям в саду.

– Это для гномиков, – серьёзно ответила Подосинкина.

– А кто это?

– Человечки такие. Маленькие. Охраняют сад и огород.

– Да ну тебя!

Соня засмеялась:

– Теперь тебя так просто не проведёшь. А жаль…

17

Жизнь на ферме оказалась интереснее, чем Сергей думал. Об этом позаботилась Подосинкина. Чтобы Ерёмин не заскучал, она поручила ему уход за гусями. Гусей было

четверо. Толстый наглый крикливый гусак по кличке Пузан и три самки: Померанка, Карга и Малышка. Пузан слонялся по двору, не пуская Ерёмина в птичник, сердито распускал крылья, сварливо гоготал и пытался ущипнуть Сергея за зад. Ему не нравилось, что кто-то чужой заходит к его гусыням, а самого его держит день и ночь во дворе. Но Ерёмин ничем не мог помочь Пузану – гусыням покамест было не до него, они сидели на яйцах, перекатывая их с места на места, и то и дело громко перебранивались – у них должны были вот-вот вылупиться птенцы. Чтобы ревнивые и обидчивые птицы не дрались, Сергею поручили сделать для них перегородки. Также его обязанностью было следить, чтобы в поилках всегда была вода, в кормушках еда, а в птичнике свежий воздух. «Без воздуха гусята захворают, но если будет сквозняк, они простудятся и умрут», – сказала ему Подосинкина. Вот и пойми, как за этими гусями ухаживать.

На пятый день у всех трёх гусынь, словно сговорившись, дружно начали вылупляться птенцы. Сергей вытаскивал из-под шипящих мамаш маленькие, покрытые пухом комочки, как только они слегка обсыхали, и тут же клал их в приготовленные для птенцов корзины. К утру следующего дня лишь у Малышки осталось одно не проклюнувшееся яйцо. Она продолжала его перекатывать под собой. Карга и Померанка уже выводили пушистое потомство во двор, прихватив с собой и гусят Малышки. Гордый Пузан размахивал крыльями, демонстрируя всей ферме, какой он образцовый отец, и ходил за гусятами следом. Карга и Померанка учили гусят щипать траву. Выбравшись в очередной раз к кормушке, Малышка отказалась возвращаться в гнездо и тоже ушла во двор. Обеспокоенный Ерёмин бережно подхватил оставшееся яйцо и приложил его к уху. Он услышал тихое неуверенное постукивание. Что делать? Сергей побежал, прижав яйцо к груди, на кухню. Но Сони в трапезной не было. Встретившийся по дороге Ваня сказал, что она ушла на луга собирать травы. Сам он ничего посоветовать не мог, сказал, что такое бывает, не все яйца вылупляются, некоторые птенцы погибают.

Ерёмин, боясь, что яйцо остынет и гусёнок замёрзнет, побежал в другой конец птичника – там, где гнездились куры. В курятнике – это было её хозяйство – в углу за насестом, обняв охапку соломы, спала Ксюха.

– Чего тебе? – лениво подняв голову, спросила она Сергея.

– Что делать с яйцом? – спросил он. – Гусёнок там живой, а Малышка не хочет его больше высиживать.

– Ну, сунь под Рябу, – посоветовала Ксюха и вновь уткнулась носом в солому.

Кура без всяких возражений приняла яйцо и, квохча, уселась на нём, успокоенный Ерёмин вернулся во двор. Гуси и без него неплохо справлялись со своим потомством и Сергей решил зайти в церковь – там он ещё ни разу не был.

В церкви было прохладно, темно и тихо. Лишь впереди, за перегородкой, на которой висели изображения людей со светлыми кругами вокруг головы, слышалось невнятное бормотание. Там, очевидно, находился Пафнутий. Некоторое время Сергей постоял в храме, не зная толком, что здесь нужно делать, а потом вспомнил о Божием Сыне, распятом за людей, а затем воскресшем.

«Как же Тебя так угораздило? – подумал он. – Зачем Ты пришёл к людям в ту жестокую эпоху? Вот если бы сейчас… Сейчас бы Тебя не убили. Точно бы не убили. Мы не такие. В нас нет гена истребления. Мы бы Тебя не распяли. Но, если говорить совсем честно, то наверное, и не услышали бы. Интересно, а что сделали бы те, кто в первом звене, если бы Ты пришёл? Скорее всего, даже не поняли бы, что случилось. В городе бы никто не понял, а вот иззвены – они может быть… Только как бы Ты родился от Святого Духа в инкубаторе, под присмотром генетиков? Тебе бы не дали, сочли бы бракованным материалом и пустили в биомассу. Так что, как ни посмотри, Ты оказался прав – сейчас Тебе здесь ещё меньше места, чем в те времена».

К следующему утру гусёнок всё ещё не вылупился, хотя Ряба исправно сидела на яйце. Сергей снова поднял его к уху. Тихо постукивание продолжалось.

– Помоги ему, – посоветовала Ксюха.

– А можно? – испугался Сергей. – Он не погибнет?

– А что делать? – равнодушно сказала Ксюха. – Может, и выживет. Но если не помочь, погибнет наверняка.

Ерёмин осторожно надколол скорлупу там, где слышался стук, и стал отламывать кусочки. В образовавшемся отверстии он увидел маленький крепкий клювик.

– Ну, давай, постарайся, – обратился он к птенцу. – Пора выбираться.

Через пару часов гусёнок освободился от скорлупы. Курица Ряба смешно квохкала и суетилась, оберегая «цыплёнка»-великана. Сергей подхватил его на руки. Переживания Ерёмина о птенце каким-то образом передались всем ребятам, и к моменту вылупления последыша они собрались в птичнике. Соня осмотрела гусёнка и сказала, что он здоровый, хотя и слабенький, ему понадобится особый уход.

– Я назову его Женькой, – сказал Ерёмин.

– Это самка, – возразила Соня.

– А я в честь девушки Жени, – объяснил Сергей и не сразу понял, почему Подосинкина тут же насупилась и стремглав вылетела из птичника.

– Лучше человеческим именем не называть, – посоветовал Ваня. – Когда к скотине, как к людям относишься, потом трудно её резать. Привязываешься…

– Зачем резать? – удивился Ерёмин.

– Без мяса в супе силы не будет… – объяснил Ваня.

– Женьку в суп?! – возмутился Сергей. – Да никогда!

– Скажи это Соне, – хмыкнула Ксюха. – Она теперь только о том и мечтает…

Слабый гусёнок стал любимчиком Ерёмина. Чтобы у птенца не расползались лапы, пока тот не научился ходить, Сергей перевязал их ленточкой. Кормил и поил отдельно от

всех. Ряба внимательно следила за его хлопотами, но считала Женьку своим цыплёнком. Первое купание гусёнка в Сторожевке чуть не свело её с ума. Ряба носилась по берегу и громко обеспокоенно клохкала, призывая гусёнка вернуться. А тот не обращал на приёмную мать никакого внимания. Если бы Ерёмин сам не волновался в этот момент, он бы обязательно посмеялся. Но ему было не до того. Он беспокоился, что взрослые гуси не примут Женьку. Однако обошлось, и гусёнок вошёл в стадо Малышки.

Правда, сама Женька никак не могла понять, кто же на самом деле её мать. Иногда начинала нервничать и искать Рябу, но чаще всего ходила по пятам за Сергеем, вызывая всеобщее веселье среди фермеров.

Однажды Подосинкина попросила Сергея и Игоря нарвать травы для ботвиньи. Маралин сразу повлёк Ерёмина на луг, где, как он утверждал, растёт всё, что нужно, кроме свекольной ботвы, которая есть на грядках.

– Вот это щавель, а это сныть, – показывал он. – Всё это съедобно и вкусно. А вот и дикий шпинат. Раньше его в наших широтах не было, он добрался до Москвы с Кавказа. А вот в тех кустах, смотри, какая замечательная крапива растет. Тебе надо будет её мнооооого собирать на зиму. Для гусей. Сходи за ней, пока я соберу всё остальное.

Ерёмин, расчёсывая руки, нарвал целый мешок отчаянно кусающейся крапивы. Когда он вернулся с Маралиным к Соне, та набросилась на Игоря:

– Для чего я тебе дала рукавицы? Посмотри, у Серёжи все руки в волдырях! Как тебе не стыдно?

– Для здоровья полезно, – обиженно бубнил Маралин. – И что тут такого? Ничего с твоим седьмевиком не случится. От крапивы ещё никто не помер…

Подосинкина повела Ерёмина на задний двор, где заставила вымазаться грязью, несмотря на бурное его сопротивление.

– Я уже не первый день на ферме! – недоверчиво возражал он. – Хватит придумывать всякую ерунду, чтобы посмеяться надо мной.

– Ты большой, но дурной! – кричала в ответ Соня. – Глина весь яд вытянет. Тебе же, олуху великовозрастному, легче будет!

И, действительно, измазанные грязью руки перестали чесаться и через полчаса раздражение прошло.

Подосинкина, обиженно поджав губы, готовила ботвинью. Ерёмину пришлось несколько раз извиниться, прежде чем она оттаяла и соизволила с ним вновь заговорить. Он диву давался. Когда совсем недавно они шли на ферму из города, Соня была словно другим человеком. Ей нравилось его подкалывать и ничуть не расстраивало, когда Сергей сердился на неё за шутки. А теперь весёлая игривость исчезла, словно растворилась в нелёгких фермерских буднях. Подосинкина стала серьёзной, так что иногда было даже не подступиться. И больше не подтрунивала над Ерёминым. «Наверное, взрослеет», – думал Сергей.

18

Середина мая выдалась жаркой. Температура поднималась до сорока градусов, хотя до лета было ещё далеко. Сергею наконец пришлось расстаться с униформой и одеться в крестьянскую одежду. На голове он носил соломенное широкополое сооружение с пером. А тело прикрывал льняной одеждой, впитывающей пот и не дающей горячему воздуху обжигать кожу. Любимым местом фермеров стала расположенная рядом со скитом купальня, где всегда была холодная ключевая вода.

– Как бы Сторожевка не обмелела, – озабоченно говорила Соня. – Гуси без речки не выживут.

Ерёмин сильно обеспокоился. Ведь гуси были его подопечными, а крохотная Женька – любимицей. Сергей отправился на Сторожевку, думая о том, не стоит ли сделать на реке запруду, образовав обширный водоём.

Он решил переплыть Сторожевку, ныряя через каждые пару метров, и проверить её глубину. Цыкнув сурово на Женьку, чтобы не приставала и не следовала за ним, он отошёл подальше от плавающих гусей, разделся и полез в воду. Сергей ни разу ещё не купался в реке. В городе был бассейн, а рядом со скитом – купальня. Он никак не ожидал, что когда войдёт по грудь в воду, сильное течение потянет его за собой. «Как гуси умудряются держаться почти на одном месте?» – изумленно думал он, пытаясь выровняться и пристать к берегу. Но вода несла его дальше, закружив и таща куда-то вглубь. «Кажется, я сейчас утону, – с удивительным спокойствием подумалось Ерёмину, – и некому будет наклонить мне спасительную ветку». И тут же заметил её: опущенную в реку ветку дерева. Вцепился и, перебирая руками, стал выбираться из стремительного потока воды..

И только на берегу заметил пригибающего ветку Маралина.Перебирая руками, добрался почти до самого дерева, когда ветвь ивы спружинила и постаралась подбросить его в воздух. И только теперь заметил, что её пригибал книзу Игорь Маралин.

– Один-ноль, – мрачно сказал Игорь.

– Спасибо, – отдуваясь и отфыркиваясь, пробормотал Ерёмин. – Я тебе премного благодарен.

– Ты почаще в омут лезь, – пробурчал Игорь и посетовал. – Эх, дурак я, что спас тебя. Но не толкать же обратно.

Мальчишка повернулся и пошёл прочь, громко сообщая деревьям, что от добрых дел хорошему человеку одно расстройство.

В последнюю неделю мая небо затянуло тучами, прогремела гроза, и землю окатило долгожданным дождём и прохладой. Избавленный благодаря изменившемуся капризу погоды от полива огорода, Ерёмин опять забрёл в храм. Пафнутий проводил там много времени. Вот и сейчас он находился в алтаре и читал молитвы. Монах заметил Ерёмина и когда освободился от службы, предложил растолковать ему ход литургии. Под дождём они пробрались в домик Пафнутия.

– Я сначала думал, это для сбора воды, – усмехнувшись собственной недавней неопытности, показал Ерёмин на печную трубу. – Месяца не прошло, а я столько всего узнал нового. Но это не сравнить с тем, сколько мне ещё предстоит открытий.

Обычно Сергей разговаривал с Ваней, с ним он сблизился больше всего. Паренёк рассказывал ему о разных премудростях сельской жизни, водил спозоранку на рыбалку и учил тонкостям ловли на удочку. На днях он обещал взять Ерёмина и на охоту.

Пафнутий же, в отличие от Вани, держался от Сергея, впрочем, как и от остальных фермеров, особняком. Только трапезу заходил благословить, а в другое время его почти и не видели. По ночам он тайно помогал фермерам на огороде, а большую часть дня проводил в церкви. Когда он спал и чем питался, оставалось для Ерёмина загадкой. Он не стремился нарушить уединение Пафнутия, но пообщаться с ним Сергею хотелось.

И вот теперь Пафнутий рассказывал ему о литургии, молитвах, монахах, прежде живших в обители, о преподобном Савве Сторожевском.

– А он, правда, ходит по ночам по стенам монастыря? – спросил Ерёмин.

– Правда, – серьёзно подтвердил Пафнутий. – Многие его там видели. Преподобный охраняет обитель. Когда-то, давным-давно, в эпоху хаоса, жил один жестокий захватчик. Он сжёг всю Москву. Со всеми храмами. И перед монастырём, стоящим поблизости, он бы тоже не остановился. У этого захватчика был сын, не родной, но помогавший ему в разорении столицы. И вот к нему-то пришёл святой Савва и велел не трогать обитель. Так и сохранил её.

– А что случилось с тем захватчиком? – спросил Сергей.

– Его изгнали, – ответил Пафнутий. – Все его военачальники погибли, кроме этого, не родного сына. Ему повезло, что он послушал преподобного.

– Да уж, – согласился Ерёмин. – А нашу ферму Савва защитит, если понадобится?

– Не знаю, – подумав, произнес Пафнутий. – Но вполне возможно. Если это будет по воле Божией. А я каждый день молю Бога, чтобы он сохранил и монастырь, и скит. Хотя кому они теперь нужны? – горько добавил он. – Про Бога все забыли. Когда я умру, на земле не останется ни одного монаха, ни одного священника, ни одного епископа. Я – последний.

С той поры Ерёмин стал нередко вечерами беседовать с Пафнутием. Будучи горожанином, он и не подозревал, что где-то есть другая жизнь, непохожая на привычные размеренные служебные будни, где самым большим приключением являются виртуальные гонки в обеденный перерыв. Благодаря Мастеру он познакомился с жизнью иззвенов, которая оказалась намного интереснее, хотя и труднее городской. А после разговоров с Пафнутием в Сергее закралось сомнение в том, что он сумел узнать хоть крошечную долю того, чем богат этот мир.

«Почти все городские, – прикидывал Ерёмин, – ну если исключить таких, как Синицына – почти все они на одно лицо. В каждом заложена одинаковая гипнопрограмма. Всех воспитывают по одной и той же схеме. Конечно, есть незначительные различия,

обусловленные генетическим многообразием, но суть у всех одна. Городской человек, словно робот, кукла. Он живёт тем, что в него внедрили в детские годы, и он не может развиваться, так как не догадывается, что есть что-то, чего он не знает. И я был таким, пока не встретил Женьку. А благодаря ей я задумался. Но и тогда я не слишком отличался от других людей – ведь Синицына всё время что-то искала и находила, а я лишь слушал ее и не очень, признаться, верил».

19

В один из последних дней мая за ужином Ваня сообщил Ерёмину, что возьмёт его утром на охоту. Надо, дескать, встать спозоранку и сразу же отправляться. Сергей заметил, как насторожилась Подосинкина. На рассвете, когда Ваня разбудил его и они хотели сразу тронуться в путь, она тут же налетела на них, сказала, что не отпустит, пока сытно не позавтракают – мало ли, вдруг застрянут на весь день, а то и два? А ещё собрала в дорогу припасов, надавала порошков из трав и, несмотря на бурные возражения, выдала каждому болотные сапоги. Собственноручно она проверила все стрелы в колчане, прочность сети для ловушек и остроту охотничьих ножей.

– И не вздумайте выслеживать спинногрыза! – наставляла она Ваню. – К гнёздам крысятников не подходите близко. Не лезьте в заросли осоки – там крысозмеи в такую жару расплодились наверняка. И не забывай: человек в первый раз на охоте. И стреляет кое-как. Будет с вас и зайцев довольно. И куропаток.

– Да-да-да может, нам одних комаров ловить? – возражал Ваня, но она не успокаивалась и угрожала:

– Если что с Серёжей случится, я тебе не прощу.

– За-за-зачем нам спальные мешки? Мы до-до-домой к ночи вернёмся!

Спальники оказались единственным, отчего им удалось отвертеться, и всё равно рюкзаки оказались нагружены доверху. Взгромоздив их на себя, путники покинули скит и углубились в лес по видимой одному только Ване тропе.

– А По-по-подосинкина запала на тебя, – довольно усмехнулся Ваня.

– С чего ты взял? – удивился Ерёмин.

– Тру-ру-рудно не заметить такую любовь. Со-со-соня и не скрывает вовсе. Ты ей нра-ра-равишься. Ради меня она ни-ни-ни разу не вставала в такую рань. Да и вообще-ще-ще…

Сергей задумался. Он вспомнил, что сам недавно размышлял о том, как изменилась Соня. Но ему и в голову не могло прийти, что она в него влюблена. Социальное неравенство в парах на год хотя и допускалось, но не приветствовалось, поэтому он привык завязывать отношения с женщинами своего возраста, даже чуть старше, всё-таки к тридцати он уже был в седьмом звене, а немногие ровесницы добивались такого же успеха. Другое дело – Женька. Но и она больше, чем на десять лет старше Сони. Он даже представить себе не мог, что такое случится – в него влюбится девчонка пятнадцати лет. Конечно, она ему нравилась. Даже очень. Мало того, сколько раз ему хотелось остаться с

ней наедине и… но Ерёмин умел контролировать свои чувства. Да и майская жара не очень-то располагала к мыслям о любви. Когда же такие мысли возникали, он переключался на воспоминания о Женьке Синицыной, не думать же всерьёз об интимных отношениях с девочкой-подростком?

– А И-и-игорь влюблён в Соню, – радостно сообщил Ваня. – И он к тебе ре-ре-ревнует.

Ерёмин, услышав от Вани о любви Подосинкиной, уже и сам догадался, отчего Маралин относится к нему столь враждебно.

– У меня в городе есть девушка. Женя Синицына, – сказал Сергей. – Она мне очень нравится. Но и Соня нравится не меньше. Что же мне делать?

– Лу-лу-лучше подосиновик в руках, чем синица в облаках, – философски заметил Ваня. – Мы-мы-мы живем с Ксюхой. А Соня без па-па-пары. И рядом с ней три-ри-ри мужика. Пафнутий не в счёт, он монах. И-и-игорь для неё малявка. Остаёшься ты. Чем ты плох? Взрослый, неглупый, язык хорошо подвешен, и на вид ты ничего. От рабо-бо-боты не отлыниваешь. И всегда во-во-восторгаешься её стряпнёй. Она про-ро-росто не могла в тебя не влюбиться.

Ваня резко остановился и насторожился.

– Ви-ви-видишь поляну? Вон там, в траве, мельтешит что-то? Это куропатки. Тихо подкрадываемся и стреляем, – взяв наизготовку лук и стрелы, спутники чуть не ползком продвинулись вперед на несколько метров. При этом Ваня начал прищёлкивать языком, издавая такие же звуки, какие доносились из травы. Внезапно перед лицом Ерёмина взлетела птица. Он выстрелил, почти не целясь, из лука. Рядом вскочил, отпуская тетиву Ваня.

– Ну вот, повезло, – обрадованно и даже перестав заикаться, произнёс Ваня. – Два выстрела, две птицы, – парень нырнул в траву и через пару минут вернулся с двумя птичьими тушками. Одну из них он дал Сергею – прикрепить к поясу.

– Теперь домой? – разочарованно спросил Сергей. Он только-только стал входить в охотничий азарт и испугался, что после первой добычи придётся возвращаться.

– Нет, ну что ты… У нас теперь есть приманка. Не попро-про-пробовать ли нам, – Ваня опять стал заикаться, – поймать спиногрыза?

Что спиногрыз – самый ужасный зверь в подмосковных лесах – это Ерёмин слышал не раз. Но видеть его Сергею не приходилось. Многих охотников загубил этот враг рода человеческого. Так отзывался о нем Пафнутий. О спиногрызе рассказывали страшные вещи. Неприятный холодок пробежал у Ерёмина по спине.

– Ну что, пойдем? Как его ловят – сетью? – спросил он невозмутимым тоном у Вани.

– Я пошу-шу-шутил, – сказал паренёк. – Хотел проверить, испугаешься ты или нет. Ты хра-ра-рабрый, из тебя получится хороший охотник. Мы сейчас пойдём к реке и раскинем ловушку у водопоя. А там поглядим, кто клю-лю-люнет.

Сидеть в засаде пришлось часа три, не меньше. Сергей уже думал, что никто не попадётся в раскинутую рядом с рекой сеть. Внезапно – Ерёмин ещё ничего не заметил – Ваня, спрятавшийся на другой стороне тропы, приложил палец к губам. Сергей насторожился. Через несколько секунд на пути к водопою появился крупный зверь. У него была широкая щетинистая морда, с маленькими круглыми глазами и грубым чёрным пятачком, похожим на свиной. Вместо шерсти, туловище животного прикрывали твёрдые на вид пластины. Зверь трусил на коротких приземистых лапах к воде, издавая озабоченные горловые звуки. Ерёмин заметил, что Ваня отложил в сторону лук и потянулся к поясу за ножом. Он тоже хотел поменять оружие, но тут зверь, не доходя до сети, резко остановился, прямо напротив Вани и повернул к нему тяжёлую голову. Затем он бросился в кусты, где сидел паренёк. Не успев ничего подумать, Сергей вскинул лук и выстрелил в животное. Зверь взревел и метнулся в сторону. Быстрой тенью на него набросился Ваня и прикончил ножом.

– Ты-ты-ты мне жизнь спас, – взволнованно говорил Ваня. – Я не успел достать нож. Как ты сумел попасть ему прямо в глаз? Глаз у него – е-е-единственное место, которое можно достать стрелой.

– Случайно, – пожал плечами Ерёмин. – Это спиногрыз?

– Нет, ну что-то-то ты! Спиногрыз намного страшнее. Это свиноры-ры-рыл. Но нам и за него по-по-попадет от Подосинкиной.

Ваня показал Сергею, как следует разделывать тушу свинорыла. Пообедав Сониными припасами, спутники стали освобождать рюкзаки, ибо тащить назад весь выданный Подосинкиной хлам и ещё целую гору мяса и шкуру было невозможно. Болотные сапоги и сеть оставили в укромном месте.

– Мя-мя-мя-са надолго хватит, – радостно сообщил Ваня.

– А я видел у чечухов собак, – сказал Сергей. – Чечухи с ними охотятся. Незаменимые помощники. И сторожить скит собака помогла бы.

– К чему-му-му ты это? – подозрительно осведомился паренек.

– Можно было бы договориться с чечухами и обменять часть наших продуктов на собаку.

– Че-че-чухи звери! – объяснил Ваня. – Как с ними договариваться? И я не думаю, что они едят овощи и фрукты.

– Они едят всё, что под руку попадётся, – вспомнил то, что увидел во время своего плена Ерёмин, – и мясо, и насекомых, и какие-то корни, и грибы. Почему бы им отказаться от овощей? Им только надо объяснить, что сделка для них выгодна.

– Чечухи зве-ве-вери! – повторил Ваня. – С ними нельзя договариваться. Они коварные и жестокие. В них жив ген истребления. Но они даже хуже, чем лю-лю-люди времён хаоса. Слышал, что год назад они живьём торговца съели?

– Слышал, – кивнул Сергей. – А может, нам самим тогда поймать дикую собаку и приручить?

– Это мысль, – признался Ваня. – Молодец. Я вот не догадался. Надо будет попробовать.

Подосинкина клохкала над Ерёминым, как курица Ряба над гусёнком Женькой. Она ругала Ваню и требовала, чтобы он поклялся, что они никогда больше не будут рисковать своими жизнями. Она обнимала Ерёмина и целовала его. И если раньше он мог несерьёзно относиться к проявленным Соней бурным эмоциям, считая их ребячеством, то теперь он не мог отмахнуться от мыслей о том, как же ему дальше быть с Подосинкиной. «Лучше подосиновик в руках, чем синица в облаках», – вспомнил он Ванины слова и подумал, что, может, действительно стоит остаться здесь на всю жизнь, отказаться от ученичества и не искать новых путей?

Ваня стал ежедневно отправляться с утра на охоту. Ерёмин в эти дни дежурил на башне и паренёк уходил в одиночестве.

– Мяса у нас навалом! – кричала Подосинкина. – Куда нам больше? Корову и лошадь мясом кормить? Лучше бы с прополкой помог! Ты не охотник, а самоубийца.

Но Ваня был упрям и не слушал её. На третий день он притащил на спине в сети дикую собаку со связанными лапами и затянутой веревкой мордой. Пес был чёрный, бесшёрстный, похожий на тех, что Ерёмин видел у чечухов, только морда у него была тоньше.

– Зачем нам это страшилище? – возмутилась Соня. – Хочешь, чтобы он нам всех кур погрыз? Или я, или это чудовище!

– Дружок никого не обидит, – заверил её Ваня, заговорщицки подмигнул Ерёмину и увлёк его за собой. К вечеру они сделали вдвоём высокую загородку из заостренных с обеих сторон кольев. Освобождённый от пут пёс кидался всей грудью на ограду и отчаянно лаял. Он подрывал землю под кольями, пытался протиснуться между ними, но всё безуспешно. К ночи, изнурённый, он лёг на землю и тоскливо и громко завыл. Ерёмину стало жаль его.

– Ни-ни-ничего, привыкнет, – уверенно заявил Ваня. С этого дня он всё свободное время проводил рядом с собакой и вскоре она, действительно, привыкла к обитателям фермы. Перестала беситься при их виде. Но пищу брала только из рук хозяина, остальных терпела, но не признавала. Чуть позже Ваня освободил пса из загородки, но посадил его на длинную цепь. Единственный, кого Дружок продолжал ненавидеть, был гусак Пузан, он то и дело подходил к собаке, точь-в-точь на расстояние вытянутой цепи, так, чтобы пёс не мог достать его, а лишь клацкать зубами у самых перьев, распускал крылья и нагло сообщал ему всё, что думает об уродливой четвероногой твари, поселившейся во дворе.

По ночам Ерёмин припоминал предыдущий день, прокручивал эпизод за эпизодом в голове, старался в самых мелких деталях запомнить его – все свои новые впечатления, мысли, чувства. Как передать их Женьке? Как не забыть? Как сохранить всю яркость и свежесть нового дня? Он вспоминал и предыдущие дни, но многое терялось под новизной

сиюминутных событий. Сергей боялся, что забудет и никогда не сможет рассказать Женьке самое главное. Вернется ли он к ней? Ерёмин не загадывал далеко вперёд. Он никогда не сможет возвратиться в свою прежнюю жизнь, но если Синицына захочет испытать вместе с ним чувство свободы, познать красоту мира, он станет ей надёжным проводником. Конечно, при условии, что не решит остаться на ферме с Соней.

20

В последний день мая Подосинкина провозгласила за завтраком, что дрова кончились. Совсем. Последнее полешко сожрал в плите огонь, облизнулся и угас. Если Игорь хочет, чтобы она к его дню рождения, который наступит меньше, чем через сутки, испекла праздничный пирог, пусть берёт в помощь мужиков, запрягает лошадь и отправляется в лес.

– Не нужен мне никто! – закапризничал Игорь, отставляя пустую тарелку. – Сам справлюсь.

– Ты – сам? – насмешливо произнесла Соня. – Тебя одного куда посылать – боль головная. Иди лошадь запрягай, пока мужики доедают.

И, проводив взглядом выскользнувшего в дверь мальчишку, обернулась к столу:

– Его отправь, так он вместо дров целую телегу стихов привезёт.

– Это точно, – авторитетно подтвердила Ксюха. – Помните, как ему в рот оса залетела?

Стоило ей это сказать, как спокойный и уравновешенный Ваня громко захохотал, вслед за ним, опустившись на стул, захохотала Соня, а потом и сама Ксюха, утирая неожиданно выступившие от хохота слёзы. Один Ерёмин сидел, ничего не понимая и с изумлением вертя головой по сторонам: что такого рассмешило его друзей?

– Он… – сквозь смех попыталась сообщить ему Соня, – он… в лес за грибами… ни одного гриба…

– Зато полный рот ос! – вставила Ксюха, и вся троица захохотала ещё громче.

– Да что случилось-то? Как это полный рот ос?! – не выдержал Ерёмин.

Но ещё несколько минут никто не мог ему связно рассказать эту давнюю историю: друзья хохотали, вставляя одним им понятные реплики, после чего закатывались от смеха ещё больше. Наконец, немного успокоившись, собрались было поведать о ней Ерёмину, но тут в дверь вошёл Игорь и сообщил, что лошадь готова. Увидев паренька, троица тут же расхохоталась ещё пуще. Маралин мгновенно залился краской и, не говоря ни слова, выскочил на улицу. Наконец, Ваня, проглотив последние смешинки весёлого десерта, пояснил:

– Игорь ту-ту-тут неподалёку по лесу ходил и вместо того, чтобы гри-гри-грибы собирать, читал вслух стихи деревьям. Громко чи-чи-читал, мне на башне даже слышно было. Читал-читал, а по-по-потом как завопит! Наткнулся на осиное гнездо и ткнул его палкой. Здорово его то-то-тогда покусало, штук десять жал вытащили. А одна оса – прямо в рот за-за-залетела.

Смеяться Ерёмин не стал, но улыбнулся. А друзья наперебой стали вспоминать другие истории: как Маралин полез за каштанами, задумался, уснул и свалился с ветки, чуть не свернув себе шею, как он подглядывал зимней ночью в Сонино окно и, чтобы лучше было видно, лизнул стекло, а язык взял да и примёрз, как дразнил ворон, а они налетели на мальчишку всей стаей и загнали в речку. Наконец, истории были рассказаны, и мужчины стали собираться в лес. Принесли топоры и пилу, вышли к воротам и застыли от удивлении: Маралина и след простыл!

– Лучше ско-скорее за ним отправиться, – обеспокоился Ваня. – Кабы чего опять не натворил.

Сначала всё было в порядке. Ерёмин и Ваня шли по ровному, хорошо отпечатавшемуся, следу телеги и разговаривали о Дружке. Ваня думал, не стоит ли его взять на охоту, но боялся, что пёс ещё недостаточно привык к нему, и снова потянется в лес. Но затем след колёс стал вихлять, а рядом появились новые, далеко отстоящие друг от друга, следы, при виде которых Ваня побледнел.

– Бежим скорее! – крикнул он. – Это спиногрыз.

Они бросили пилу и, выхватив топоры, помчались вперёд, едва разбирая дорогу. Через минуту они увидели втоптанную в грязь знакомую соломенную шляпу. Она была растерзана, всегда лихо торчащее из-под тульи гигантское перо, валялось в стороне. Метрах в пятидесяти от остатков шляпы валялся топор Маралина, весь обух его был замызган кровью. А след телеги стал ещё более кривым, будто лошадью больше никто не управлял. Между колёс тянулась кровавая цепочка, которая становилась всё шире.

– Мы-мы-мы про Игоря всё утро байки травили, а ему нужна была на-на-наша помощь! – понуро произнёс Ваня. – Я этого ни-ни-никогда не забуду.

– Мы все перед ним виноваты, – печально добавил Ерёмин.

– На-на-надо найти эту тварь, и убить! – вскрикнул Ваня и рванул вперед.

Перевёрнутую колёсами кверху телегу они заметили издали. Рядом не было ни лошади, ни Маралина. А за телегой сидел и яростно рвал на части огромные куски мяса зверь. Мурашки пробежали у Ерёмина по коже. Он не представлял, что зверь может быть такого размера. Это было животное с мощным туловищем, раз в пять более крупным, чем у недавно сражённого Ерёминым свинорыла. Из туловища поднималась на длинной извивающейся шее маленькая хищная голова. Окровавленная морда спиногрыза выглядела страшной и зубастой. Хвост, как и шея, был длинным и тонким, самый конец его увенчивался острыми шипами.

– Не давай ему подойти сзади, – шепнул Ваня. – Эта мразь убивает только со спины. Вгрызается в хребет и разрывает жертву на части.

– Бей по хвосту, а я займусь мордой, – так же тихо ответил Ерёмин.

Охотники стали подкрадываться к телеге. Они были совсем близко от неё, уже слышали отвратительное громкое чавканье зверя, когда спиногрыз поднял кровавую голову и оценивающе посмотрел на незваных гостей.

– Он уже сытый, брюхо набито, с ним будет легче справиться, – заметил Ваня.

– Ну что, рванули? – кинул Ерёмин, и они бросились вперёд.

Ваня ударил спиногрыза по хвосту, но отрубить не сумел. Длинный хвост, разбрызгивая тёмную кровь, взметнулся и начал бить во все стороны…

– Бей по шее, – орал Ваня, ловко уворачиваясь. – С хвостом я управлюсь.

«Боже, как мне достать до неё?» – подумал Сергей и завопил, что есть мочи:

– Эй, ты, тупая морда, нарочно сверху прячешься, да? Боишься? Правильно делаешь! Ну-ка опустись чуток.

– У него зубы ядовитые, – выкрикнул Ваня. – Будь осторожнее…

Спиногрыз оторвался от растёрзанной им лошади и метнулся своей страшной мордой прямо в лицо Сергею. Ерёмин еле успел увернуться и попытался ударить зверя по шее, но промахнулся. Он не видел уже, что делает Ваня, не знал, жив ли он – только видел перед собой злобную кровавую харю, которую ему обязательно нужно быть уничтожить, раздавить, растоптать!

– Это тебе за Игоря! – крикнул он и в очередной раз взмахнул топором. Голова спиногрыза, только что направленная прямо на него, вдруг дёрнулась и метнулась к хвосту. – Ерёмин подпрыгнул и ударил зверя по шее. Хрустнули позвонки, и тёмная, почти чёрная кровь потекла из шеи спиногрыза.

Ерёмин повернулся к Ване – глянуть, жив ли?

– Берегись! – услышал он отчаянный вопль, и тут что-то острое пронзило ему ногу. Зубы уже мёртвого спиногрыза сомкнулись на его голени.

Сергей упал.

– Сейчас-сейчас, лежи спокойно, не шевелись, – Ваня опять перестал заикаться. Он стянул с себя рубашку, скрутил её и туго перевязал Сергею бедро. – Подожди немного. Для такого случая у меня всегда есть спички. Вовка как-то привёз, а я берегу… Сейчас подожгу телегу, и ты будешь спасён.

– Не надо жечь телегу, – раздался из-под неё голос Маралина. – Я под ней.

– Живой! – облегчённо воскликнул Сергей.

– Не смей шевелиться! И не говори! – велел Ваня.

Он помог выбраться из-под телеги Игорю и, отломив от неё несколько досок, сложил их в костёр. На костре он докрасна накалил свой охотничий нож.

– Сядь Серёже на плечи, держи его изо всех сил, – приказал Ваня Игорю. Тот послушался, и через несколько секунд Ерёмин взвыл от дикой, обжигающей до кости боли.

– Терпи, ученик, Мастером станешь, – произнёс Ваня, и снова Сергея пронзило неописуемой болью. Он потерял сознание.

– Эй, живой? – кто-то бил Ерёмина по щекам. Он открыл глаза. Над ним склонился бледный Игорь, а чуть в стороне, с ножом в руках стоял Ваня.

– Живой, – попробовал улыбнуться Ерёмин.

– Я тебе раны прижёг, чтобы яд не попал в кровь, – сказал Ваня. – Прости, что больно. Иначе никак.

– Я не умру? – спросил Сергей.

– Мы тебя вылечим, – заверил его Игорь и, чуть помедлив, неожиданно добавил. – А наш счёт сравнялся, один-один. И я чертовски рад, что вытащил тебя из омута.

Ерёмину стало тепло на душе. Он рад был, что Ваня и Игорь живы. Рад был, что вечно злящийся на него Маралин теперь разговаривает с ним, как с другом.

– Одна-на-нако, пора домой, – задумчиво изрёк Ваня.

Игорь сразу же помрачнел.

– Я не пойду на ферму, – заявил он. – Подосинкина убьёт меня за лошадь. И за телегу. И за дрова.

– И за-за-за Сергея, – добавил Ваня.

Мальчишка грустно кивнул.

– Л-л-ладно. Дров мы еще нарубим, за телегой вернёмся и починим, Сергея вылечим. С лошадью, ко-ко-конечно, сложнее. За лошадь она будет сердиться. Но простит в конце концов, поверь мне.

– А если ты уйдёшь, – поддержал Ваню Ерёмин. – Она будет считать тебя предателем. И даже если ты совершишь после этого сотню подвигов, уже не простит. Ты ведь не хочешь, чтобы она до старости о тебе вспоминала как о предателе?

– И ещё, – перебил Ерёмина Ваня. – Сергей сейчас сам не дойдёт до фермы. А я его не донесу. Он вон какой здоровый… Так что давай, подставляй плечо и пошли в скит.

21

Опасения Игорька не оправдались. Соня при виде потрёпанных героев, вернувшихся без лошади и телеги, лишь поджала губы и оценивающе окинула их взглядом. Поняв, что больше всех пострадал Сергей, а остальные целы, она тут же засуетилась и начала хлопотать. Ерёмина уложила в его комнатке-келье. Игоря послала в Звенигород за знахаркой бабой Ритой, но перед этим она не забыла обнять паренька и погладить по лохматой взъерошенной голове. Ваню отправила за хворостом, чтоб хоть как-то можно было вскипятить воду. И только на Ксюху, спустившуюся с башни, чтобы узнать, что случилось, вылила свой гнев и выгнала её обратно на стену – сторожить скит.

– Только не спи, только не спи, – приговаривала Соня, не отходя от постели Ерёмина. Она не давала ему уснуть, хотя нога уже почти не болела, зато стало сильно тошнить и голова начала разламываться. Подосинкина заставляла его пить кружку за кружкой травяной чай, так что на лбу у Сергея выступила испарина. А потом несмотря на все Сонины мольбы, Сергей не сумел удержаться и провалился в тягостный изнуряющий сон.

Пробудился он ближе к вечеру. Тяжело и болезненно приподнял веки. Солне уже склонилось к западу. Или нет, его лучей вовсе не было в комнатке – кто-то плотно занавесил окно. А горящие свечи казались факелами. Шея затекла и мышцы не желали слушаться. Ерёмин с трудом повернул голову. В изножье его постели сидела с сухим воспалённым взглядом Подосинкина, а у стола суетилась женщина, показавшаяся Сергею знакомой. Кто это? Он постарался вспомнить и не смог, и это совершенно его обессилело.

Женщина сняла со стола какой-то таз, поставила его перед лежанкой и, закатав рукав ерёминской рубахи, порезала ему запястье. Когда кровь полилась в таз, женщина начала что-то быстро бормотать себе под нос. Спустя несколько минут, она туго перевязала резиновым жгутом плечо Сергея, и остановила кровь.

– Это поможет, баба Рита? – почти неживым голосом спросила Подосинкина.

– Не боись, красавица, будет как новенький, – отвечала женщина. – Ну-ка, голубушка, подсоби мне…

И уже вдвоём они заколдовали над Сергеем – заставляли его пить какую-то едкую горькую жидкость, кололи иглами и вливали в кровь бурого цвета снадобье, обтирали леденящей водой.

Ерёмин измучился и, забывшись, вновь провалился в сон. В себя он пришёл уже на рассвете. И почувствовал, что у него сильно ноет нога. Но не было ни озноба, ни головной боли, ни одеревеневших мышц, ни путаницы сознания.

– Уффффф, выбрался! – радостно воскликнула Соня, которая, похоже, просидела у его постели всю ночь.

– А баба Рита где? – спросил Сергей.

– Вернулась в Звенигород. Сказала, что худшее позади, и она тебе больше не нужна.

– Ты как? – в дверях появилась взлохмаченная голова Игоря. – Живой?

– С днём рождения! – вспомнил Сергей. – Эх, как бы мне хотелось попробовать праздничный пирог! Никогда в жизни не ел. Зато столько о нем слышал. – лукаво добавил он. – Мне кажется, это должно быть очень вкусно.

– Теперь у Маралина два дня рождения, – произнесла Соня. – Ладно, ты лежи, а я и вправду займусь готовкой. Если что – зови.

Весь день, сменяя друг друга, к Ерёмину заходили фермеры, балуя его разговорами. Даже Пафнутий заглянул. После него снова забежала Соня. Выглядела она запыхавшейся и усталой, но довольной.

– Еремей, – неожиданно улыбнулась она и, поймав удивленный взгляд Сергея, объяснила. – Я у Пафнутия про твою фамилию сейчас спрашивала. Говорит, что она произошла от имени Еремей. А оно – от ещё более древнего имени – Иеремия. Между прочим, у Джона Матвеевича специальная книга даже есть, где все-все имена старые перечислены и что они означают написано. Вот София означает «мудрая», так что в следующий раз ты меня слушайся, Еремей-Иеремия!

– А Сергей что означает? – заинтересовался Ерёмин.

Соня в ответ пожала плечами: значение его имени она не знала. Разговор перекинулся на фамилии. Сейчас фамилия – определенная группа генов в банке данных, и внутри этой группы гены будущего ребенка смешивать нельзя. Только с иной группой. А отчество у мальчиков и матчество у девочек даётся, чтобы знать от какого конкретно мужчины или женщины взят определяющий генотип. В древности же матчеств и вовсе не было, и женщина могла зваться, к примеру, не Софья Татьяновна, а Софья Андреевна. Смешно. А фамилия и вовсе была одна на всю семью: её носили и родители, и дети.

– Побегу я, – с неохотой вставая с кровати, произнесла Подосинкина. – Дел много, там поди уже и тесто для пирога подошло.

– Посиди ещё, – неожиданно попросил Ерёмин. – Давно хотел тебя попросить…– он немного замялся. – Я ведь вообще про тебя ничего не знаю. Даже о Ксюхе знаю больше, Ванька про неё и про себя как-то говорил. А о тебе – ничего. Расскажешь?

– А чего там рассказывать? – смутилась девчонка, но не ушла, снова присела рядом. – Я из инкубатора сбежала.

– Как это из инкубатора? – изумился Сергей. – Из воспитательного дома, хочешь сказать?

– Именно что из инкубатора! – заявила Соня. – Впрочем, из воспитательного дома тоже, но это уже позднее было. В общем, история та покрыта дорожной пылью и ночным мраком. Как записано в моём личном файле – я-то этого и не помню вовсе – однажды у ворот города появилась маленькая девочка с корзинкой грибов в руках. Откуда она пришла и где жила до этого – так установлено и не было. Зато после того, как сделали анализ ДНК, оказалось, что эта девочка пропала три с половиной года назад в одном из городских инкубаторов. Думаю, меня похитили какие-то иззвены, а почему вернули – кто знает? А, может, и не вернули вовсе. Может, сама убежала. Позже я узнала, что в то время и в тех краях сожгли несколько иззвенских ферм, может, на одной из них и жили мои похитители? А когда я подросла, то снова сбежала из воспитательного дома. Мыкалась в городе, пока Джона Матвеевича не встретила. Вот, собственно, и вся моя история. Ну что, интересно было?

– Интересно, – кивнул Сергей. – Очень необычная история.

– Да ладно! – отмахнулась Соня. – Ладно, бежать мне пора!

Она наклонилась к Ерёмину и быстро поцеловала его в щёку. А потом вспорхнула с кровати и убежала из комнаты.

22

Вечером, когда стемнело, фермеры развели костёр и расселись вокруг него. Пафнутий отказался к ним присоединиться, но обещал всю ночь провести на башне. Так что собрались все ребята. Костёр был высокий, весёлый, яркий. Пламя металось в кругу, шипя и выплёвывая искры, казалось диким зверем, пойманным в клетку. Прямо в золу, под огонь, ребята закопали картошку, а затем вытаскивали её палками и, обжигаясь, с аппетитом уминали, запивая хмельной брагой. Всего лишь картошка с солью, а сегодня Ерёмину казалось, что он не ел ничего вкуснее. Но так он думал лишь до той поры, пока Подосинкина не принесла пироги. Пироги его потрясли. Это были кусочки теста, внутри каждого из которых находилось что-то особенное – в одном пироге Ерёмину попалась морковка, в другом яблоко, в третьем – рыба, в четвертом – капуста, в пятом – запечённое целиком яйцо, но самый вкусный был шестой, там оказалась ягода черника. Сергей хотел бы распробовать и другие, но он объелся и благодушно отвалился на землю.

– А дрова-то и нашлись… – сказал он, глядя как Игорь шурует в костре деревянной кочергой.

– А я порубил нынче инжировое дерево, – объяснил Ваня. – Говорят, его посадил сам Савва. Мы всё надеялись оно оживёт, хоть веточку пустит, но холод этой зимы сгубил его. Инжир рос в самом дальнем углу скита.

– Зимы стали холоднее в последние годы, – добавила Соня. – А лето короче. Раньше можно было сажать овощи в марте, а теперь земля мёрзлая до середины апреля. Говорят, ещё десять лет назад можно было за лето снять два урожая. А теперь второй посев не успевает дозреть. Что поделаешь – во всем мире похолодание.

– Оттого и чечухи на юг тянутся, – осенило Сергея. – поближе к теплу…

– И еды было раньше вдоволь, – мечтательно протянула Ксюха. – И сорняки не росли.

– Насчет сорняков – это сказки, - сказал Игорь. – Они всегда растут.

– Кстати! – воскликнула Соня. – У меня идея. Давайте в дни рождения дарить друг другу подарки. Пусть у нас будет такой обычай… традиция…

– А что? Неплохо! – встрепенулся Ваня.

– Мне эта идея нравится, – широко улыбнулся Маралин. – Я очень даже за. Гоните подарки!

– Ну, тогда закрой глаза и жди! – приказала Подосинкина.

Через пять минут Маралину вручили новую соломенную шляпу с огромным пером. Она была почти такой же красивой, как у Мастера.

– Зацени! Специально для тебя старалась, – похвасталась Соня. – Как чувствовала, что тебе новая шляпа понадобится. Только знаешь, не сиди в ней у костра, потом оденешь. А то вечно с тобой что-нибудь случается, – и она пригладила ершистые волосы Игоря. Тот расплылся в блаженной улыбке.

– И от-от-от меня подарок – сказал Ваня и протянул Маралину зачехлённый охотничий нож. – Не забывай его брать с собой, когда идёшь по-по-по дрова.

– А у меня ничего нет, – расстроенно произнесла Ксюха. – На, возьми мою расческу, – и она дала Игорю щербатый, без нескольких зубцов, гребень.

Ерёмин загадочно улыбался. Его не пустили в спальню за подарком, но он знал, чем обрадует Маралина. Он ещё никому об этом не рассказывал, но в последнее время, по вечерам, во время послезакатных бесед с Женькой Синицыной, вновь стал заниматься рукоделием – только не гравициклы мастерил, а вырезал из дерева то, что особенно поражало его впечатлительную натуру. Сергей понял, что только так сумеет рассказать Синицыной о жизни на ферме – изготовив для неё целую коллекцию вырезанных фигурок. Тут были и крысозмей, и крысятник, и свинорыл, и пёс Дружок, и гусёнок Женька. Отдельно от них он держал фигурку пятнадцатилетней задиристой девчонки – Сони Подосинкиной. А вот вырезать Синицыну у него не получалось – вместо её лица он видел одно расплывчатое пятно.

– С меня причитается, – сказал Сергей. – Но я не забуду. Скоро ты получишь и от меня подарок. А мне кажется, можно создать ещё одну хорошую традицию. Пусть именинник подарит всем свои стихи. А то я столько о них слышал, а что это такое – даже не знаю.

И тогда Игорь, довольный, встал во весь рост, даже подставил под ноги какой-то ящик, чтобы казаться выше, и объявил:

– Баллада про спиногрыза!

После этого, завывая и закидывая назад голову, он тягуче и громко запел:

Лентою пыльною вьётся дорога от дома:
конь да телега, да я, да весёлое солнце.
Тихо скрипит колесо, и почти невесомо
сердце на нитке о грудь, словно маятник, бьётся.

Сердце мятётся, предчувствует, предупреждает –
быть беде, быть беде, быть беде – каждым ударом.
Конь не заржёт, дикий пёс в стороне не залает,
ворон не каркнет и небо не вспыхнет пожаром.

Только неслышною рысью, невидимой тенью,
прячась от ветра, скрывая свой запах – не гордый,
хищник крадёт у судьбы за мгновеньем мгновенье,
хищник крадётся за нами с оскаленной мордой.

Птицею раненой рвётся дорога на волю,
конь, очумевший от страха, несётся стрелою,
миг – и кровавою чашей наполнено поле,
миг – и телега, разбившись, лежит надо мною.

Сердце мятётся, предчувствует, предупреждает –
быть беде, быть беде, быть беде – каждым ударом.
Каркает ворон, над полем кровавым летая,

вспыхнуло небо в душе моей жарким пожаром.

Только внезапно вдруг слышу я голос знакомый –
дружба мне в помощь, и хищник в конвульсиях бьётся.
Лентою пыльною снова дорога – до дома:
я да Ванюша с Сергеем, да бледное Солнце…

Когда прозвучало последнее слово баллады, фермеры дружно захлопали в ладоши. Только Ерёмин сидел растерянный, распахнув настежь рот. Он никак не ожидал, что слова в предложениях можно сложить так, что они будут звучать и красиво, и гладко, вольются прямо в душу, воздействуют на сознание, заставят вновь пережить случившееся накануне так, словно оно проходит перед глазами.

– А можно ещё раз? – попросил Сергей. И Маралин снова пропел балладу про спиногрыза. А после этого до глубокой ночи все слушали его старые стихи, которые до сих пор никто, кроме деревьев в лесу, не хотел знать…

– Ну, ты даёшь, – произнесла Подосинкина, когда все уже расходились спать, и поцеловала паренька в щёку.

Через три дня Ерёмин уже совсем оправился от укуса спиногрыза. И однажды, заговорщицки подмигнув, он вручил Игорю последний деньрожденный подарок – вырезанного из толстой ветви инжирового дерева спиногрыза. Работа над этой фигуркой была сложной и кропотливой. Изготавливая её, Сергей сломал свою бритву и с того дня начал отращивать бороду.

23

За праздником вновь прикатили рабочие будни. Июнь прошёл относительно благополучно. За этот месяц Ерёмин освоил много новых вещей. Он научился валить лес, колоть и пилить дрова, собирать черепичную крышу, изготавливать самую простую мебель своими руками, собирать ягоды, грибы и травы, находить звериные тропы в лесу. Некоторые вещи, которые требовала от него Подосинкина, она отказывалась объяснить, и он не понимал, зачем это делает – например, она заставляла его залезать на окружающие скит дубы и срывать целыми мешками листья с болезненными наростами. Потом она отмачивала в кадке эти листья, безжалостно выбрасывала их в компост, а оставшуюся воду разливала по бутылям и опечатывала их. А на все вопросы только таинственно поджимала губы и отворачивалась.

В июне Сергей отправился на одну из ближайших ферм в надежде договориться об обмене части урожая или недавно появившегося на свет телёнка на лошадь. Шёл лесом, с опаской прислушиваясь к шорохам и звукам – в памяти ещё свежо было печальное происшествие со спиногрызом. Поэтому когда в стороне вдруг тревожно просвистела какая-то птица, сразу же остановился и, вытащив стрелу, приготовил лук. Оглядываясь по сторонам, тихо отступил с тропы в лес и замер, стараясь не выдать своего присутствия. И не зря. Уже через пару минут на тропе показалось несколько чечухов. Шли они медленно, неся привязанную ногами к отломанному тонкому стволу деревца тушу спинорыла. Чечухи уже почти прошли мимо затаившего дыхания Ерёмина, когда последний

остановился, повернул голову и уставился прямо на Сергея. Это был его старый знакомец – Аргго. Чечух шумно вдохнул ноздрями воздух, а потом, приняв решение, молча повернулся и пошёл следом за своими.

На ферме Ерёмина встретили сухо. Один из рабочих по имени Виктор позвал хозяина, тот, представившись Майком, выслушал Сергея, но лишь рассмеялся в ответ:

– Лошадь хочешь выменять? Ну, за ферму, пожалуй, отдам.

– Послушайте, – начал было Сергей, но слушать его не желали.

– Топай отсюда, парень, – промолвил Майк, демонстративно кладя руку на пояс с ножнами. – Мне твоя рожа не нравится. Бородёнка у тебя, как у козлика. Правда, Витёк?

– Хуже, – откликнулся тот. – У наших козлов-то поухоженней бороды будут.

И двое здоровенных мужиков громко загоготали, словно пацаны из двенадцатого звена. Сплюнув под ноги, Ерёмин развернулся и ушёл.

Самым драматичным событием месяца стало ощипывание гусей. Когда экзекуции подверглась Женька, Ерёмин чуть с ума не сошёл от переживаний. Гусёнок уже сильно подрос, располнел, перестал ходить следом за Ерёминым. Подосинкина дразнила Сергея, грозясь сварить Женьку в супе.

– Может, не надо? – беспокойно просовывал он в дверь голову, когда Соня, сидя на табурете, положила гусёнка спиной к себе на колени, прижала крылья, завернула голову и начала ощипывать.

– Ей же легче будет, гуси сейчас линяют, – объяснила Соня.

После ощипывания Женька выглядела жалкой и несчастной. Она сторонилась своих сородичей, которые были в не лучшем, чем она, положении, словно стеснялась их. Ерёмин пытался порадовать её пойманными на Сторожевке лягушками, которых приносил целыми горстями. Но Женька всерьез обиделась на людей и даже не смотрела на Сергея.

Для Вани самым важным событием месяца стала охота с Дружком. Пёс беспрекословно его слушался, хотя и любил показывать злобный нрав, скаля зубы и рыча, когда был чем-то недоволен.

А ещё к концу июня начали созревать первые овощи. Сбор урожая оказался самым приятным занятием. Только на грядку, где были посеяны вовкины семена, Соня смотрела сердито и приговаривала, что землю зря на них перевела. Из вовкиной грядки поднялись огромные жёлтые цветы с большой чёрной круглой площадкой между лепестками.

– Цветы пусть на полянах растут! – говорила Соня. – А нам о зиме нужно заботиться. Кому нужна будет вся эта красота в феврале? Знала бы – ни за что бы не посадила.

– Красота останется в памяти, – философски заметил Сергей. – А для меня эти цветы – воспоминание о том, как я впервые покинул купол. Смотри – это ведь маленькие солнышки. Разве можно им не радоваться?

А вскоре Ерёмин заметил, что кто-то обламывает солнышки и, не обрывая лепестки, собирает семена, оставляя голой сердцевину цветка. А на землю бросает шелуху от семян. Как выяснилось, Ксюхе понравилось грызть семечки таинственного цветка. Еле-еле Сергей успел собрать урожай с оставшихся солнышек – чтобы хватило для посева на будущий год.

24

Благополучный июнь миновал, июль принес беду. Сперва появились толпы чечухов. Они двигались в полной тишине, десятками, а то и сотнями, не обращая никакого внимания на людей. Фигуры в балахонах шли с севера на юг мимо скита почти каждую ночь. Их сопровождали чёрные голые псы. Они тоже не издавали ни звука, и это порождало боязнь перед неведомой грозной опасностью, таящейся на севере. Двое чечухов попались в прикрытые дёрном вырытые Ваней ямы с остроконечными кольями на дне. Чечухи перерезали горло своим покалеченным товарищам и, не останавливаясь, продолжили путь. Между делом, и местные чечухи собрали пожитки и тоже двинулись к югу. Что-то гнало их с севера, и явно это был не холод, потому что до зимы было далеко. Ерёмин дежурил ту ночь на башне, когда мимо проходил Аргго со своей стаей.

– Эй, Аргго, – крикнул он. – Ты помнишь меня? Я человек, который вылечил твоего Следующего!

Старый чечух остановился, а вместе с ним замерла и стая.

– Северный ветер несёт смерть, – промолвил старик. – Отец-Небо разгневался на чечухов, людей и зверей. Ветер дует нам в спину: время жить кончилось, настало время умирать. Гнев Отца-Неба иссякнет рано или поздно. Кто переждёт его в смирении и терпении, может спастись.

– Какая беда идет с севера? – спросил Ерёмин.

Но старик не ответил. Только тяжело вздохнул и двинулся дальше.

Над фермой словно туча сгустилась. Все чувствовали приближающуюся опасность, каждый испытывал страх и неуверенность в завтрашнем дне. Воздух пропитался тревогой. На башнях теперь круглосуточно дежурили по двое ребят. А Пафнутий не вылезал из храма, служа дённо и нощно Богу. Фермеры работали молча, почти не выходя за пределы скита.

Дней через десять после начала лавинообразного исхода чечухов Ксюха забила тревогу. Через несколько секунд все собрались на стене. К воротам верхом на лошадях подъезжали двое обитателей соседней фермы, той самой, где Ерёмин недавно пытался безуспешно выменять теленка на жеребёнка. В руках у фермеров были ружья. Сергей уже знал, что это такое, пару раз сталкивался с охотниками в лесу.

– Что вам надо, Майк?! – крикнул Ваня.

– Откройте! – приказал старший фермер. – Нам нужно поговорить.

– А ружья вы для разговора с нами взяли? – невозмутимо поинтересовалась Подосинкина.

– В лесу стало небезопасно. Мы вам друзья, поверьте, – заверил Майк.

– Когда мы с вами в последний раз говорили, я не заметил, что вы нам друзья! – напомнил Сергей.

– Раздоры в прошлом, клянусь, – пообещал сосед. – Сейчас у нас одна беда на всех. Если мы станем ссориться, то все погибнем.

Посовещавшись, ребята решили впустить соседей, обязав их отдать ружья при входе Ване. Страшная неопределённость происходящего их всех угнетала, и им не терпелось узнать хотя бы плохие новости. Знать опасность в лицо – уже полбеды, если к ней можно успеть подготовиться.

Они собрались в трапезной, даже Пафнутий присоединился, и соседи поведали им тайну исхода чечухов. С севера, со стороны Петербурга, шла орда диких иззвенов. Диких было много. Очень много. Тысячи, десятки тысяч. Никто не знал, откуда их столько взялось. Вооруженные до зубов, дикие разоряли фермы и села иззвенов, пополняя пленными свои ряды.

– Но ведь дикие – сами иззвены. В них нет гена истребления! – удивлённо воскликнул Сергей. – Как такое может быть?

– Их цель – не уничтожить всё вокруг, – объяснил Майк. – Дикие хотят выжить. Их гонит голод. Если щенка дикой собаки или волка отнять у матери и не научить его убивать, он станет беспомощен. Если же мать рядом с ним, она обучит его всем премудростям охоты. У диких нет матери. Но у орды есть атаман – грозный и страшный Зингл. За его войском остается пустая и выжженная земля. Чтобы накормить своих людей, Зингл вынужден двигаться всё время вперёд.

– Говорят, под Петербургом дикие уничтожили все фермы. А сам город спрятался под куполом и его они обошли стороной, – добавил товарищ Майка Виктор.

– Но не может питерских диких иззвенов быть так много, – возразил Ваня. – Нас под Москвой-то – раз-два и обчелся. Две, ну три тысячи от силы, но десятки…

– По слухам, Зингл пришёл с Севера, – продолжил свой рассказ Майк. – Все дикие присоединились к нему по пути. А разоренным фермерам ничего не остаётся делать, как вступать в его войско. У них нет выбора. Ни овощей, ни скота, ни семян на будущий посев – орда Зингла уничтожает всё подчистую. Да и кто спросит побеждённых, чего они желают? Их счастье, что Зингл не вырезает иззвенов так же беспощадно, как чечухов. Вот ушастым от них достаётся.

– И местные дикие собираются примкнуть к орде. Так многие считают, – добавил Виктор.

– Я вот что думаю, – отметил Пафнутий. – В истории человеческой подобные вещи не раз случались. То ли Божие терпение заканчивалось, то ли люди своими грехами

навлекали на себя великие беды, но словно бы ниоткуда подчас появлялись целые государства с огромными армиями, готовыми растоптать всё на своём пути. Воины этих армий могут быть не столь жестоки сами по себе, но когда они объединяются, за их поведение отвечают уже не их личные желания, не гены, но определённые космические законы. И тогда любой встретившийся – берегись. – Пафнутий немного подумал и грустно добавил. – Может быть, наконец, наступило время Апокалипсиса?

– Что же нам делать? – обеспокоенно спросил Игорь. – Они скоро заявятся?

– Очень скоро, – заверил его Майк. – Враги подступают. Все окрестные фермеры уже в курсе. Урожай мы прячем в тайниках под землей. Но коров, лошадей, свиней так просто не укроешь. Нужна защита каменных стен. Примете соседей на время опасности? У нас в округе дюжина ферм. Сотня бойцов, из них половина с ружьями. Мы думали сначала укрыться в монастыре, но он слишком большой, и в стенах пробоины, нам не удастся защитить его. Да и слава о нём идет дурная… Призрак там какой-то шастает по ночам. Кроме того, монастырский колодец засыпан, а если будет длительная осада, нам понадобится вода.

Услышав столь тревожные вести, даже вечно сонная Ксюха встрепенулась.

– Вы с ума сошли? – возмутилась она. – Сто человек против десятков тысяч?! Да мы все погибнем. Пропади пропадом эта ферма. Нам надо вернуться, пока не поздно, в Москву.

– Боюсь, что уже поздно, – возразил Майк. – Москва закрыта куполом и усиленно охраняется. Никто не сможет войти в неё, пока не минует опасность. Нам придётся сражаться. Или нужно бросать хозяйство и уходить вслед за ушастыми на юг. Двадцать пять человек на каждой стене – это не так мало. Все сразу дикие на них не взберутся. И они не так хорошо вооружены, как мы. Мы будем сбрасывать их поодиночке. А патронов, чтобы отстреливаться у нас хватит. Если вы не против, то завтра к вам начнут подтягиваться люди, и мы станем готовить оборону…

– Что скажешь, Соня? – спросил Ваня.

И тут Ерёмин увидел, что Подосинкина плачет.

– Мы столько потратили сил, чтобы жить так, как нам нравится. А теперь всё это будет потеряно! И почему? Потому что дикие мудаки собрались в огромную толпу, и прут, как стая спиногрызов?

– Спиногрызы не живут в стаях! – некстати поправил Ваня.

– Да всё равно, – всхлипнула Соня. – Я не хочу умирать. Я ещё слишком молода. У меня никогда ещё не было пары. А ребята почему должны гибнуть? Они совсем маленькие! А Серёжа? Он такой хороший, он самый замечательный!

– Я думаю, мы должны принять соседей, – перебил Ерёмин причитания Подосинкиной. – И мы сумеем защитить скит и ферму. Хотя бы попытаемся…

С утра к скиту стали подтягиваться окрестные фермеры со своим скотом и нехитрым скарбом, который они не хотели оставлять в домах на разорение орды Зингла. Многие и вправду прибыли вооруженными до зубов. Мельник Стас жил южнее скита, но и он пожаловал со своим гаремом. Ерёмина удивило, что Стас со своими спутницами шёл пешком, ведя в поводу лошадей, тянущих тяжело нагруженную, покрытую холстом, телегу.

– Принимайте моих красавиц! – провозгласил он. – Будут сражаться, как мужчины. Не впервой. Нина, Ира, Каролина, Люда, Марта, – мельник перечислял имена, загибая пальцы, словно зачитывал список. – Но моя самая любимая – воооон тут, – он откинул холст с телеги, и фермеры увидели небольшую, но сурового вида пушку. Рядом стояли ящики с боеприпасами.

– Горячая краля! Она диких так оттрахает, что к нам носа больше не сунут! – загоготал Стас.

Вечером приехала баба Рита и с ней пять человек из Звенигорода. Большая часть горожан-иззвенов успела скрыться за московским куполом. Но некоторые до последнего надеялись, что всё обойдется, и не покидали свои дома. Теперь им тоже предстояло принять участие в сражении.

В скиту стало шумно и тесно. Стадо коров и табун лошадей новоприбывших паслись поблизости от стен. Их охраняли две женщины Стаса, вооруженные ружьями: Марта и Каролина. Мужчины без устали окапывали канаву вокруг скита. Её предстояло наполнить водой из купальни, где бил ключ. Хоть ненадолго, но это препятствие, как надеялись фермеры, защитит их от орды. Женщины тоже вовсю трудились. Одни отваривали лечебные травы и рвали одежду на бинты. Другие готовили запас стрел для тех, у кого не было ружей. В дело пошли собранные недавно ребятами перья гусей. Остальные женщины готовили подъёмное устройство – для поднятия на стены котлов и боеприпасов. Майк (ему поручили возглавить войско фермеров) придумал этот способ защиты от нападавших – выливать на них со стен кипящую воду. Ваня и Игорь готовили ловушки на подступах к скиту. Подосинкина носилась, как заведённая, по всей ферме – теперь ей предстояло кормить обедом не пять человек, а добрую сотню.

К ночи стадо загнали на скотный двор. Заперли ворота. На стены поставили часовых. Поскольку мест в жилых помещениях не хватало, многие прямо здесь и улеглись. Ерёмин остался часовым на башне и всю ночь наблюдал, как мимо стены продвигаются бесшумные тени в балахонах. На душе было тревожно.

Под утро лес охватила странная, неестественная тишина. Не только птицы не пели, лягушки не квакали, кузнечики не стрекотали, но даже листья на деревьях замерли в напряжённом молчании. И тут Ерёмин с ужасом вспомнил, что в суете прошлого сумасшедшего дня, совершенно забыл про гусей. Они так и остались ночевать на Сторожевке.

Он растолкал Ваню.

– Мы забыли про гусей. Надо забрать их с речки, – прошептал он, словно боясь нарушить окутавшую мир тишину.

– Вра-ра-раг, возможно, близко, – ответил Ваня. – Никуда ты-ты-ты один не пойдешь. Я с тобой.

За ворота было категорически запрещено кому-либо выходить. Но Майк согласился выпустить Ерёмина и Ваню.

– Осмотрите заодно окрестности, – сказал он. – Если увидите что подозрительное, не раздумывайте, сразу же возвращайтесь.

Они продвигались в сторону речки. Наступало утро. Какой-то дрозд неуверенно проверил свой голос. Словно сомневался, имеет ли право нарушать тишину леса. Ему ответил другой дрозд. Каркнула, поддакивая, ворона. И тут оцепенение, охватившее окрестности, спало. Мир наполнился звуками. И все они казались знакомыми и родными. Всё было не так уж и страшно, как чудилось накануне. Но уже неподалеку от Сторожевки Сергей заметил, что лицо Вани изменилось, стало обеспокоенным, через минуту и он услышал звуки, которые мог издавать только человек: смех, крики, звяканье железа. Кустами они прокрались к речке.

На берегу расположился передовой отряд диких иззвенов. Их было не так много, человек пятьдесят, но угадывалось, что неподалёку врагов гораздо больше. Ерёмин прежде никогда не видел диких, но от обычных иззвенов они разительно отличались. Их тела целиком покрывали татуировки, изображающие зверей и невиданных чудовищ. Волосы на головах были обриты. У некоторых из ноздрей и ушей торчали металлические кольца. Большинство диких было раздето почти догола, лишь набедренные повязки прикрывали чресла.

Дикие охотились. Впрочем, разве можно назвать охотой нападение на домашних гусей? В тот момент, когда Сергей и Ваня выглянули из-за кустов, они увидели, как Пузан, отвлекая собой внимание врагов от жён и детей, шипя, наступает на диких. А они, радостно гогоча, кидали в него камни, дразня и стараясь разозлить ещё больше. Малышка, Померанка и Карга плыли в сторону омута посредине реки, выкрикивая тревожные гортанные звуки. Гусята спешили за ними. Ерёмин увидел отстающую от других Женьку.

– Ну давай, – безмолвно взмолился он, – быстрей, Женька! Там дальше камыши…

Один из диких подошёл к Пузану и громко передразнил его рассерженное гоготание, а затем уверенным движением схватил за шею и свернул голову набок. Пузан в последний раз взмахнул крыльями и, распластав их, опустился на землю. А дикие схватили ружья и луки – и помчались за остальными гусями. Началась пальба.

Сергей чуть не застонал. От стаи вдруг оторвалась Карга и поплыла к берегу. Некоторые гусята хотели двинуться за ней. Но она зашипела на них и они отстали. Карга погибла вслед за Пузаном. Что сталось с остальными гусями Сергей не видел – они скрылись за изгибом реки, куда рванули и с два десятка врагов.

Один дикий разительно отличался от остальных. Он не принимал участия в общей потехе, стоял в стороне и молча наблюдал за происходящим. Губы его кривились в недоброй усмешке. В отличие от других диких он был прилично одет, но не как иззвен. Такой одежды Ерёмин никогда не видел. Черные кожаные шорты и такая же безрукавка прикрывали тело и наколотую на нем татуировку. На ногах дикого была крепкая обувь. На руках – черные шипованные перчатки с обрезанными краями. И он не был обрит целиком, как другие, лишь сбоку волосы не прикрывали череп, а над головой вздымался устрашающий чёрный гребень.

– Зингл, иди к нам, – крикнул один из глумящихся над гусями диких, но тот не ответил ни слова, лишь презрительно улыбнулся, продолжая наблюдать за происходящим.

– Надо убить его, – прошептал Сергей. – Он у них главный. Если его не будет, кто станет ими управлять? Они же звери.

Ваня не ответил, только потянул его за рукав назад.

– Не пойду! – сердито сказал Сергей, и тут из-за куста, совсем близко от них, поднялась лысая голова – там прятался часовой, который до сих пор их не замечал и которого они сами не видели. Часовой резко свистнул, и голова Зингла повернулась к Сергею. Вождь орды посмотрел Ерёмину прямо в глаза, а затем быстро и коротко что-то скомандовал и несколько диких, схватив оружие, бросились в сторону фермеров.

Сергей и Ваня кинулись, сломя голову, к скиту. В пятидесяти метрах от стены Ваня чуть не свалился в собственную ловушку, только в последний миг успел её обогнуть. Преследователи дышали прямо в затылок. Впереди были запертые ворота, а перед ними наполненная водой канава. Тревожно зазвонил привратный колокол. Когда Сергей и Ваня были совсем рядом, ворота резко распахнулись. Перепрыгнув канаву, разведчики влетели в скит и услышали, как ворота с треском захлопнули у них за спиной. Трех врагов, преследующих фермеров, подстрелили со стен. Остальные успели повернуть назад.

26

День прошёл тревожно. Почти все защитники скита столпились на стенах и башнях и напряжённо наблюдали за тем, что происходит снаружи. В главном дворе, пылали костры, на которых стояли котлы с кипящей водой. Ксюха обмолвилась, что надо бы спрятать в потайном погребе припасы.

– Зачем? – спросил Ваня. – Если мы не выдержим нападения, они нам уже не понадобятся.

– А если победим? – прагматично осведомилась Ксюха. – Свои же всё и растащат. Вы, как хотите, а я пока займусь припасами, – и она, вопреки здравому смыслу, под осуждающими взглядами остальных фермеров начала перетаскивать недавний урожай овощей в потайной погреб.

А враг тем временем готовился к нападению. У кромки леса за стеной подтягивались войска бритых татуированных диких иззвенов. Теперь их было уже не пятьдесят человек. Сосчитать их представлялось Ерёмину невозможным, но он прикинул на глаз, что врагов

никак не меньше двух тысяч. И новые отряды подтягивались, и подтягивались в течение всего дня. Вокруг скита стало шумно – на окраине леса топоры вгрызались в деревья, столетние дубы со стоном валились на землю, стучали молотки, кричали и вызывающе громко смеялись люди. Вероятно, несколько человек попали в ловушки Вани, так как несколько раз фермеры слышали гневные вскрики и завывания раненых. Дважды небольшие группки диких срывались с места и, оторвавшись от деревьев, подбегали ближе к стенам, откуда их обстреливали из ружей. Стрел было не так много, и Майк приказал беречь их, не тратить понапрасну. Выбежавших вперед диких останавливали властные окрики Зингла. Вождь орды ходил по самой кромке леса на вершине холма. Похоже, без его воли орда представляла из себя лишь плохо организованную толпу. Скрестив на груди руки, он коротко отдавал приказы и осматривал работу подчинённых. Защитники скита несколько раз пытались подстрелить его со стен, но он находился в недосягаемости для огнестрельного оружия. Другие дикие тоже почти всё время держались близко к лесу, опасаясь огня фермеров.

Все ждали, что враги нападут ближе к вечеру, но уже зашло солнце, а гул и грохот за стеной нимало не стихли, только усилились. Что происходило там, в темноте, не видели даже самые зоркие охотники. Спать уже никто не собирался, какой там сон? – но Майк распорядился, чтобы люди легли отдохнуть – прямо на стенах.

В полночь в хозяйственном дворе скита раздался истошный женский вопль, а затем от колодца покатилась отборная непристойная брань. Истошно залаял Дружок. Зазвенело бьющееся стекло. Когда Подосинкина и Ерёмин подбежали к колодцу, они увидели, что Ксюха, отчаянно визжа и ругаясь, вцепилась мёртвой хваткой в волосы одной из жён мельника Стаса – Каролины, и отчаянно её тузит. Молодые женщины катались по земле, по очереди подминая друг друга под себя. Каролина одной рукой хватала Ксюху за горло, а другой царапала ей лицо. Рядом валялось несколько бутылок с брагой, две или три из них разбились.

– Стойте! Стойте! – закричал Сергей и попытался расцепить дерущихся. Не тут-то было. Обе женщины слились в единый звериный комок и не обращали на него никакого внимания. Подбежали Стас и Ваня. С большим трудом они разняли Ксюху и Каролину. Обе были в крови и порезах от осколков.

– В чем дело? – спросил подошедший Майк. – Не нашли лучшего времени, чтобы ссориться?

– Эта сука, – шипя возмущённо гневом, выругалась Ксюха. – Эта сука отравила воду в колодце.

– Она врёт! – отряхиваясь и приходя в себя, громко произнесла Каролина, ища взглядом мужа.

– Нет, это она врёт! – закричала Ксюха. – Я хотела спрятать брагу в колодце. Подхожу и вижу – кто-то рядом с ним стоит. Я подкралась, а она высыпала что-то в колодец, а мешок сунула к себе в карман.

Мельник Стас нахмурился.

– Выверни карманы! – приказал он жене.

– Кому ты веришь? – возмутилась Каролина. – Мне или этой лживой ленивой девке?

– Выверни карманы! – повторил Стас. И когда жена не послушалась, подошел к ней и сам ощупал одежду. Из-за пазухи он вытащил пустой холщовый мешок.

– Дайте-ка его мне, – сказала баба Рита и, вывернув мешок, внимательно принюхалась. Потом провела по нему пальцем и уверенно заявила: – Дурман, мак, болиголов, белена... Эта женщина хотела нас всех усыпить. Из колодца брать воду ни в коем случае нельзя.

– Заприте её в подвале! – приказал Майк, и Каролину схватили под руки двое фермеров.

– Я могу всё объяснить, – захныкав, взмолилась Каролина. – Я пасла лошадей за стеной. Вы сами мне велели. А дикий прятался в кустах. Он схватил меня и пригрозил убить, если я его не послушаю. И сказал, что это безвредный порошок, вы только уснете. И тогда не прольётся ничья кровь.

– И ты-ты-ты ему поверила?! – возмутился Ваня.

– Потом расскажет, – хмуро произнес Стас. – Какое счастье, Каролина, что ты дура и просто не бросила мешок в колодец.

– Меня схватили! Меня заставили!!! – закричала женщина. – Стас! Этот дикий хотел меня изнасиловать, ты представляешь?!

Но никто её больше не слушал, а двое дюжих фермеров потащили Каролину к рухлядной скита.

– Если пить почуть-чуть, то дня на три нам хватит браги, – растроенно сказала Соня и оглянулась. Все выглядели подавленными и удручёнными. А ведь в любой момент мог начаться бой. – Ещё есть вода в котлах и бочках, но ведь никто за ними не смотрел, она и там могла всё отравить.

Те несколько человек, что прибежали на крики, вернулись на стены. Предупредили остальных, что остались без воды. Впереди их ждала безрадостная ночь. Наполненная грохотом и криками. Таящая неизвестность и опасность. Беззвездная и мглистая.

27

Майк переживал, что подготовка к обороне началась столь поздно, и ничего нельзя было разглядеть в стане противника. Фермеры даже не успели заготовить факелы. Кому они нужны в мирной жизни? У каждого в хозяйстве есть керосинка или спиртовка, только что с их помощью разглядишь во мгле ночи?

Во дворе около костров с котлами стояла заготовленная бочка с водой. Для того, чтобы сразу наполнить, когда котлы опорожнятся и на случай, если дикие сумеют поджечь ворота или другие строения. Майк приказал зачерпнуть воды из бочки и котлов и напоить ею Каролину, к которой приставили двух женщин из Звенигорода. С женой Стаса

ничего не случилось, и было решено оставить эту воду как питьевую, а для сражения набрать отравленной, из колодца.

Было и так громко – рядом с воротами дикие что-то строили, но перед рассветом показалось, что задрожала сама земля. Что-то огромное неумолимо, равномерно и свирепо било по воротам. И в тот же момент раздался совсем другой гром, изнутри скита – это зазвучали колокола звонницы. Никаких других звуков не было слышно. Еремин знал, что в заднем дворе ревёт испуганный скот, видел, как надрывается, заливаясь лаем и пытаясь оборвать цепь, Дружок, но казалось, что он просто молча разевает пасть. Всё поглощали мощные звуки.

Фермеры стали стрелять наугад, в темноту, но грохот за стеной не прекратился. Когда поднялся над лесом первый отблеск восходящего солнца, обороняющиеся увидели перед воротами высокое деревянное сооружение, напоминающее букву «П». В проёме буквы было закреплено подвешенное к перекладине на цепях толстое бревно. Дикие раскачивали его и таранили ворота. Передний ряд противников прикрывал себя и своих товарищей большими деревянными щитами, обитыми медью.

Увидев врага, фермеры стали стрелять прицельно, и дикие начали нести потери. Но врагу было удобно отстреливать защитников скита с расположенного выше холма. Двое фермеров погибло, а пятеро было ранено. К счастью, далеко не у всех диких было огнестрельное оружие, а стрелы с холма до стен не долетали.

– Поджигайте стрелы! – приказал Майк.

На ферме не было запасов смолы, но хранилось немного воска. Фермеры обмакивали в него стрелы, поджигали их и закидывали ими таран. К удивлению и облегчению защищающихся, когда громоздкое и грозное сооружение вспыхнуло, словно было гигантской свечкой, противники не стали его гасить, а двинулись назад, к лесу.

Ерёмин увидел, как Зингл что-то выговаривает вернувшимся бойцам.

– Кажется, у нас небольшая передышка, – сказал он Ване.

Но он ошибался.

Вокруг Зингла собралось несколько разукрашенных татуировками диких. Это были командиры небольших отрядов. Вождь что-то сказал им, обводя вокруг руками и красноречиво жестикулируя. «Они собираются напасть со всех сторон», – подумал Сергей.

Окружающие Зингла подчинённые разбежались по своим отрядам. Вдали зазвучали резкие короткие выкрики. Вперёд двинулись с лестницами в руках передовые бойцы. Они быстро пересекли расстояние, отделяющее скит от леса. К сожалению, канава, окружающая стену, была слишком узкой и неглубокой. От неё не было почти никакого толка. Враги с дикими воплями приставляли лестницы к стене и мигом взлетали по ним наверх, а защитники опрокидывали их, обстреливали, обливали кипятком. Мельник Стас бил в самую гущу врагов из своей пушки. Много диких было убито.

Похоже, подобное сопротивление Зингл встретил впервые. Он что-то крикнул и махнул рукой. И волна нападавших откатилась назад. Ерёмин увидел, как Зингл уселся, скрестив ноги, прямо на землю и о чем-то глубоко задумался.

– Мы должны его убить! – воскликнул Сергей. – Без Зингла они – просто стадо зверей.

– Нам не дадут подойти на расстояние выстрела, – возразил Ваня.

– Я знаю, что делать! – решительно заявил Майк. – Но мне нужны добровольцы.

Ерёмин, Ваня и Игорь вызвались вместе с другими бойцами, но Майк выбрал не их, а своего товарища Виктора и старого опытного охотника, жившего на отшибе в лесу, и приказал подогнать к выходу из скита табун лошадей. Двух добровольцев закрепили под брюхом лошадей так, чтобы их было не видно до последнего мига. Им дали заряженные обрезы. Затем Майк привязал к палке обрывок белой простыни и приказал выпустить табун за ворота. Одну только лошадь он оставил в скиту. Сказал Соне и Ерёмину:

– Если останетесь живы – это мой вам должок.

Он поднял белый флаг и погнал табун в сторону Зингла. Навстречу Майку двинулись вооруженные дикие.

– Мы сдаёмся, – издалека крикнул Майк. – Мы дарим вам табун лошадей. Но просим сохранить наши жизни.

Зингл встал и пристально поглядел на него. И в это время один из добровольцев соскользнул из-под брюха лошади на землю, прицелился и выстрелил в вождя орды. Зингл, схватившись за плечо, откинулся назад. Его тут же окружили, прикрывая своими телами, дикие. Выстрел второго добровольца убил одного из телохранителей. А затем Ерёмин увидел, как разъярённые дикие просто растерзали Майка, Виктора и их товарища, имени которого, как оказалось, никто не знал. Погибли и несколько лошадей, остальные в диком испуге, громко и отчаянно ржа, помчались в лес. Во дворе рыдала единственная женщина, пришедшая с Майком и Виктором. Окружив беднягу, её утешали женщины Стаса.

Слабая надежда на то, что ранение Зингла заставит Орду отойти от стен скита, оказалась тщетной. Напротив, всё новые и новые войска стягивались к краю леса. Вечером защитники фермы вновь увидели вождя диких. Рука его была перевязана, а лицо сумрачно и гневно. Небольшая передышка закончилась. Расслабившиеся, было, дикие под руководством Зингла вновь валили лес, жгли костры и продолжали готовиться к наступлению. Фермерам не удалось убить вождя орды, зато своего командующего они потеряли.

Ерёмин видел, что многие вопросительно смотрят на него, словно ожидая каких-то действий, сам он при этом чувствовал себя беспомощно: не был готов командовать ими и не хотел вести на смерть. Сергей отводил глаза от брошенных на него взглядов. И чтобы спрятаться от них, не чувствовать свою ответственность за грядущую гибель друзей и соседей, укрылся в полумраке церкви. Там он увидел Пафнутия, стоящего на коленях в

алтаре и читающего безмолвные молитвы. Сергей не посмел прервать общение старца с Богом, но словно кто подсказал монаху, он встал с коленей и подошёл к Ерёмину.

– Люди в отчаянии и страхе, – сказал Сергей. – Может быть, нам есть смысл сдаться? Фермеры превратятся в диких, но останутся живы.

– Люди могут умереть, но нельзя чтобы умирала надежда, – ответил Пафнутий. – Думал ли ты о том, что можно ещё предпринять?

– Да ничего нельзя! – воскликнул Ерёмин. – Этих диких тьмы и тьмы. И они все отменные бойцы. А нас – сотня человек, оторвавшихся второпях от огородов. И воды у нас мало. И некому руководить. И люди вот-вот начнут паниковать.

– Можно попытаться ещё кое-что сделать… – задумчиво произнес Пафнутий.

– Что? Что именно можно сделать? – цепляясь за последнюю соломинку, Сергей умоляюще взглянул монаху в глаза.

28

За то время, что Ерёмин провёл в церкви за беседой с Пафнутием, обстановка в скиту стала ещё более унылой. Люди продолжали готовиться к бою, но действовали так, словно находились в сонном оцепенении. Вид у них был подавленный и обречённый. «Они знают, что сегодня или завтра умрут», – понял Сергей. Дважды он услышал тихие переговоры защитников между собой о том, не следует ли сдаться диким. Стараясь не привлекать к себе внимания, он собрал прежних обитателей фермы в трапезной.

– У нас есть три возможности, – сказал он. – Мы можем погибнуть, защищая стены скита. Или можем сдаться Зинглу.

– А что-то-то третье? – спросил Ваня, и все уставились на Сергея, в глазах фермеров появился проблеск надежды.

Ерёмин замялся.

– Мне бы никогда это в голову не пришло, – словно оправдываясь, проговорил он. – Это Пафнутий предложил. Сам-то я думаю, что идея его нелепа. Но мы в таком отчаянном положении, что любую возможность что-то предпринять я рассматриваю как рабочий вариант.

– Да что за возможность такая?! – нетерпеливо вскинулась Соня.

– Игорь, – серьёзно и напряженно обратился Ерёмин к Маралину. – Мне говорили, что ты видел на стенах обители преподобного Савву. Я понимаю, что это было в прежние времена… ты был ребенок… с богатой фантазией… ты мог заиграться… слегка приврать…

– Бре-ре-рехня! – обескураженно произнес Ваня. – Никого там нет.

– Лучше б ты, Серёж, не говорил, что можно ещё что-то сделать, – сердито и будто обиженно проговорила Ксюха.

– Я всегда верила, а сейчас не знаю, – развела руками Подосинкина. – Игорёшка, расскажи нам правду: что ты видел?

– Было темно, – словно оправдываясь, заговорил Игорь. – Было очень темно. А там над стенами двигалось что-то белое. Какое-то пятно. Оно походило на человека, только прозрачного, будто дым. Мне было страшно, я хотел убежать, но я поспорил, что пробуду у монастыря всю ночь, и я остался. Белое пятно медленно двигалось по стене, а потом остановилось. Прямо напротив меня. И поплыло ко мне. А дальше я ничего не помню, только то, что бежал со всех ног, а пришёл в себя уже дома.

– Это-то-то сумасшествие, – сказал Ваня.

– Я знаю, – устало проговорил Сергей. – Но у нас нет выбора. Я должен испробовать и эту возможность.

– Как ты проберёшься между постов диких?! Они повсюду! Они окружили нас со всех сторон. Там даже крысозмей не пролезет.

– Пафнутий говорит, церковь построена над пещерой преподобного Саввы. В эпоху хаоса монахи скита прорыли лаз от пещеры через весь холм.

– Да ведь дикие наверняка и там! – воскликнула Ксюха. – Вон их сколько!

– Но они там не ставят посты, – заметил Ерёмин. – Если я появлюсь внезапно в их лагере и буду похож на них, они меня спокойно пропустят.

– Ты же видел: они все в татуировках, – напомнил Ваня.

– Ночью татуировки не видно, – вдруг встрепенулась Соня. – Серёжа, где твоя бритва?

– Я выбросил её, – растерялся Сергей, и вид у него стал виноватый. – Она сломалась в начале июня, когда я вырезал Игорьку спиногрыза. Я с той поры и не бреюсь.

– Во-во-возьмите, он очень острый, – Ваня вытащил из чехла свой нож и протянул Подосинкиной. Она тут же усадила Ерёмина перед собой и начала его брить. Через полчаса на голове Сергея не осталось ни единого волоска. Соня, закончив работу, сделала два шага назад, оценивающе оглядела его и удовлетворенно хихикнула.

– Тебя не узнать, – произнесла она. И ехидно добавила: – Какой красавчик!

После этого она велела Ерёмину сделать набедренную повязку, но он категорически воспротивился подобному издевательству, сказав, что ему довольно одной экзекуции, и пообещал закатать трусы так, чтобы они выглядели как наряд диких иззвенов.

– Я пойду в униформе, а у конца лаза разденусь, – решил он.

К ночи его разрисовали сажей и под ошеломленными взглядами ничего не знающих защитников скита Сергей направился в церковь.

– Поддержите народ, не давайте людям унывать! – наказал Ерёмин своим друзьям на прощание. Соня бросилась ему на шею и страстно поцеловала в щёку. Её слёзы,

смешавшись с сажей, размазали полосы на его лице. Впрочем, и сама Подосинкина после этого поцелуя стала совершенно чумазой.

Пафнутий проводил его к сокрытому в алтаре небольшому ходу с приваленным к нему камнем. Вдвоём они отодвинули камень, монах благословил Сергея, и он пополз по узкому темному тоннелю, выложенному плиткой. Местами лаз становился просторнее, и тогда Ерёмин вставал и шёл, согнувшись в три погибели, местами был совсем узок, и Сергей боялся, что он может стать непроходимым. Всё-таки за века пласты земли много раз сдвигались и могли расплющить проход. Но, похоже, монахи эпохи хаоса неплохо разбирались в строительстве. Несколько раз Ерёмин останавливался, чтобы отдохнуть, но мысль о том, что, возможно, именно в этот момент дикие нападают на его друзей, а он ползёт тут в относительной безопасности, заставляла его вновь двигаться с места. Один из отрезков пути оказался особенно длинным, Сергей полз, не останавливаясь, минут пятнадцать, как вдруг натолкнулся на препятствие. «Ну вот и побеседовали с преподобным», – мрачно подумал он и ощупал преграду руками. Это был камень. Ерёмин толкнул его, но он не сдвинулся с места. «Надо немного передохнуть», – решил Сергей. Он полежал минут десять совершенно без движения, а когда силы вернулись, несколько раз попытался толкнуть камень, нажимая на него изо всех сил, но тот даже не шелохнулся. «Пора возвращаться», – подумал Ерёмин. Но мысль, что его неудачная вылазка окончательно убьёт надежду фермеров, сильно расстроила его, и он не торопился. Он провел рукой по поверхности лаза. Он был выложен толстой плиткой. Одна из них, на самом верху, слегка пошевелилась, когда Сергей прикоснулся к ней. Он потянул ее на себя, и она отвалилась. Выше плитки находился кирпич. Его тоже удалось свободно вынуть. Сергей вытаскивал всё новые и новые довольно легко извлекающиеся плитки и кирпичи. «Они специально закрепляют камень, не давая ему сдвинуться с места», - понял он. Наконец рука его свободно прошла над камнем и он ощутил ладонью лёгкое прикосновение ветра. Тогда Ерёмин ещё раз толкнул камень, и тот с первой попытки легко сдвинулся места, будто был смазан маслом.

Сергей прислушался. Удары топоров и молотков доносились откуда-то издалека, но неподалеку звучали человеческие голоса.

Стараясь не шуметь, Сергей осторожно выбрался наружу и аккуратно задвинул камень на место. При этом он сильно исцарапался – рядом с лазом рос густой кустарник ежевики. Ерёмин смачно выругался про себя. Он помнил рассказы Пафнутия о жизни монахов и был уверен, что ежевика росла здесь целую вечность, начиная с эпохи хаоса. Эти добровольные любители вериг, цепей и прочих житейских ужасов наверняка специально её здесь посадили. Как ни прочна была униформа седьмого звена, по дороге она сильно изорвалась, но хоть немного сдерживала укусы колючек, снимать её в зарослях ежевики, среди острых шипов, было чистым мучением. Как и обещал Соне, Ерёмин закатал трусы, превратив их в набедренную повязку, и, окровавленный, вымазанный в саже, вылез из кустов.

29

Неподалеку, на небольшом расстоянии друг от друга, горели костры диких. Не принимающие участие в работе бойцы Зингла, с оружием в руках, стояли, изгибаясь в

странных телодвижениях, вокруг них и, потрясая, кто копьями, кто луками, кто ружьями, что-то гортанно выкрикивали. Иногда они начинали прыгать вокруг костров, и тогда их возгласы становились громче.

Обойдя костры стороной, Ерёмин двинулся в сторону монастыря. Он благополучно выбрался за пределы лагеря диких, размер которого поразил его. В темноте, ориентируясь по звёздам, как его и учил Ваня, он шел к обители. Не прошло и получаса, как перед ним внезапно выросла высокая белая стена. Он подошёл к ней ближе и посмотрел наверх. Никакого призрака здесь не было и в помине. Сергей приуныл. Столько усилий, столько надежд, и всё напрасно. Он двинулся вдоль стены и через несколько минут оказался перед повреждённым её участком Здесь можно было пробраться в обитель, если сильно нагнуться. Сергей пролез в дыру и ступил под сень монастыря. И вот тут он увидел Савву.

Преподобный стоял неподалеку и внимательно глядел на Ерёмина. Игорь был прав – Савва, действительно, казался белым, словно облако. Но он вовсе не был прозрачен, Сергей сразу это понял. Он видел живого человека во плоти, а не призрак, только от этого человека исходил свет, который создавал ощущение нереальности.

– Я ждал тебя, – произнёс преподобный и поднял руку, благословляя Сергея.

– Почему ты здесь, а не там, где ты нужен? – спросил Ерёмин. – Там гибнет столько людей. Им всем нужна твоя помощь.

– Я охраняю монастырь, – устало объяснил Савва. – Я не могу вмешиваться в человеческие дела за пределами обители. У людей есть свобода воли, они сами вправе выбрать, нужна ли им помощь божественных сил.

– Да, конечно, нужна! – воскликнул Сергей. – Хорошие люди погибают, а ты тут прохлаждаешься…

– Я знаю, – сказал Савва. – Не печалься о них. У них теперь будет иная жизнь, намного лучше прежней.

– Так, значит, ты не придёшь? – Ерёмин сжал кулаки. – Ты сказал, что мы сами вправе выбирать, нужна ли нам помощь.

– Ну да, – подтвердил Савва. – Кто-то должен был меня позвать. Вот ты и пришел. Я знал, что так случится. И я помогу вам с Божией помощью. Не беспокойся ни о чем. Отправляйся назад, к своим.

И тут, прямо на глазах у Ерёмина, преподобный растворился в воздухе. Сергей потряс головой и протёр глаза. Перед ним темнели какие-то строения, но никого живого поблизости не было. Если бы он не стоял на ногах, то подумал бы, что заснул от усталости, но, очевидно, Савва, действительно, явился ему.

30

Сергей выбрался через дыру из обители и отправился обратно к лазу. Ориентируясь по кострам диких и обходя их стороной, он быстро двигался к кустам ежевики, когда

вдруг кто-то резко окликнул его. Не оглядываясь, Ерёмин ускорил шаг. Позвавший тоже пошёл быстрее и повторно позвал его. До подземного хода было ещё далеко и Сергей остановился.

– Ты из какого отряда? – перед ним вырос коренастый, еле различимый в темноте дикий.

Сергей неопределённо махнул рукой в сторону костров:

– Оттуда.

– Кто твой бехорг? – подозрительно осведомился преследователь. – Как называется твой отряд? Какие цвета у вашего вымпела?

– Да отвали, а? – сказал Ерёмин. – Я только что с работ. Устал, как чёрт. Хочу перед боем немного выспаться.

Дикий схватил его обеими руками за торс и громко, призывно свистнул. Сергей попытался вырваться, но противник цепко держал его, и они оба повалились на землю и покатились по ней. Через несколько мгновений вокруг выросла целая толпа диких. Чьи-то руки схватили Ерёмина и потащили в сторону костров. Он пытался вырваться, но безуспешно.

При свете огня дикие сразу же определили в нем чужака и начали избивать ногами. Сопротивляться он не мог, только старался прикрыть голову руками. Его мутузили, не останавливаясь, молнии сверкали в голове. Один из диких всё время пытался ударить его копьём, но на счастье Сергея, враги вокруг так мельтешили, что боясь поранить своего, тот так и не решился пустить в ход оружие.

– В чём дело? – раздался вдруг громкий и властный голос. Избивавшие Сергея расступились, пропустив очень высокого дикого, татуировка которого изображала свинорыла, топчущего крысозмея. У Ерёмина не было ни сил, ни желания подняться с земли. «Пусть прямо здесь добивают», – подумал он.

– Бехорг Алтан! – обратился к нему коренастый дикий. – Это шпион баргов. Он шёл вот оттуда, – дикий махнул в сторону невидимого монастыря, – к холму, где засели остальные барги. Завтра мы их выкурим, слава Зинглу! – остальные дикие поддержали своего товарища нестройными гортанными возгласами.

– Ведите его за мной, – приказал бехорг. Ерёмина подхватили и потащили куда-то в темноту. И тут он потерял сознание.

Когда Сергей очнулся, то первым делом поразился тому факту, что его до сих пор не убили. Тело нещадно ломило, раны горели, голова раскалывалась. Языком Ерёмин ощупал во рту зубы – пяти, нет, шести недоставало. Он не торопился открывать глаза – пусть враги думают, что он по-прежнему без сознания, хоть немного протянуть времени, отдохнуть и привести в порядок мысли. Как там ребята и фермеры? Защитил ли их Савва? Едва ли… Ведь преподобный сказал Сергею возвращаться к своим и послал его на верную гибель. Да был ли и вправду в обители Савва? Наверное, привиделся – столько всего навалилось, усталость, стресс, боль – мало ли что покажется…

– Я знаю, что ты пришёл в себя, барг. Можешь не притворяться, – раздался рядом низкий глухой голос. – Не беспокойся, тебя никто не тронет.

Ерёмин попытался открыть глаза. Правый расплылся и горящее веко не поднималось, его сильно давило – кажется, дикие что-то положили на него сверху. Вторым глазом можно было смотреть – но только сквозь узкую щель.

Сергей увидел, что находится в просторном, украшенном узорами шатре. Шатёр освещался двумя факелами, воткнутыми в специально для того предназначенные подставки. У стены, на ковре, скрестив ноги, сидел Зингл и наблюдал за пленником. Ерёмин впервые находился к вождю орды так близко и мог разглядеть его лицо.

Зингл был довольно молод, ровесник Сергея, а может, немного старше. Ему ещё явно не было сорока, но на лице его уже виднелись морщины, которые пересекли два глубоких косых шрама. Глаза его были тёмными, проницательными, властными, они почти не мигали и смотрели упорно и дерзко, словно заставляя собеседника признать главенство их обладателя над окружающими. Зингл по-прежнему был одет в черные шорты и безрукавку, но снял с ног обувь, которая стояла при входе в шатёр. Вождь был бледен, и белизна его лица резко подчеркивалась устрашающим чёрным гребнем волос, вздыбившимся над головой.

Сергей, как смог, скосил взгляд на самого себя. Тело его было искалечено, но кто-то умыл его и обработал раны. Ерёмин застонал и, с трудом подняв руку, дотронулся до правого глаза – на веках лежал влажный компресс.

– Мои лекари слегка заштопали тебя, – усмехнувшись, произнёс Зингл. – Они сказали, что серьёзных ранений нет, и ты скоро поправишься.

– Зачем ты спас меня? – спросил Ерёмин.

– Нам есть о чём поговорить, – вождь помолчал несколько секунд и добавил. – Моё имя Зингл, я старший среди бехоргов. Как тебя называют, барг?

– Сергей, – ответил пленник. – Сергей Ерёмин.

Часовой, охранявший шатер, откинул полог и заглянул вовнутрь.

– Я приказал не мешать мне! В чём дело? – гневно вскинулся вождь.

– Ты разрешил лекарю заходить к пленному, – оправдываясь, объяснил дикий. – Он хотел поменять компресс.

– Потом! – резко приказал Зингл. – Оставьте нас вдвоём и чтоб меня никто не беспокоил.

Часовой, низко поклонившись, кивнул и исчез. Прикрывающий вход полог упал.

– Мне кажется, я тебя уже видел? – поинтересовался Зингл. – Там в кустах, где мои люди ловили гусей?

– Да, это был я, – подтвердил Ерёмин. – Ты очень проницателен.

– Ещё бы, – засмеялся вождь, смех его был резким и неприятным. – Тебя трудно узнать. Ведь ты обрил голову и на тебе живого места нет.

– Твои люди постарались, – заметил Сергей.

– За дело. Что ты делал посреди моего лагеря, притворяясь диким? Шпионил? Что ты хотел узнать?

– Я просто пытался пройти к своим из леса. Надеялся, что получится.

Зингл помолчал, внимательно вглядываясь в лицо Ерёмина. Взгляд его пробирал до костей.

– Ну, предположим, – произнес он. – А кто вас научил колдовству чечухов?

– Чему-чему? – осёкся Сергей. Он никогда прежде не слышал этого слова.

– Как вы сделали, что у меня в закрытом изнутри шатре появился старик? Если научишь, я оставлю твою ферму в покое.

– Такой белый высокий старец? Светящийся изнутри?

– Ну да! – нетерпеливо вскинулся Зингл.

– Так это Савва, – облегчённо выдохнул Ерёмин. – Он охраняет монастырь. А раньше он жил там, где наша ферма. И он пришёл помочь.

– Кто такой Савва?

И тут Сергею пришлось вкратце пересказать Зинглу историю распятого Бога и его церкви, как он услышал её от Пафнутия.

Вождь выглядел задумчивым и невесёлым.

– Обычно мои мысли скачут, как резвые кони, а этот старик словно стреножил их, – признался он. – Я не знаю, можно ли ему верить.

Сергей вспомнил историю военачальника, который послушал Савву и не напал на обитель, а за это старец даровал ему жизнь. Он поведал эту историю Зинглу.

– А что он тебе сказал? – решился спросить Ерёмин.

– Старик говорил со мной так, будто имеет право мне приказывать. И я не мог заставить его замолчать. Он велел мне перестать разорять эти земли, а поворачивать на восток и идти в страну Татарию, – медленно и словно нехотя произнёс вождь. – Он сказал, что Господин Неба и Земли, которому он служит, подарит мне это царство. И будет оно великим и станет расти с каждым годом. И никто не сможет повредить мне – ни человек, ни зверь. И ещё он говорил, что когда родятся дети у детей моих детей, то им поклонятся звезды, и купола падут. И старый мир умрёт, оставив место новому.

– Ты же иззвен, – поразился Сергей. – У иззвенов детей не бывает.

– Я знаю, – криво усмехнулся вождь. – Старик сказал, что в Татарии живёт много племён чечухов. Они будут мне подчиняться. Но он повелел не убивать их, как мы всегда делаем, но брать моим воинам их самок к себе и жить вместе с ними. И тогда у иззвенов родятся дети. Ещё он говорил, что дикие научатся жить в мире, они станут пасти скот и выращивать урожай. Но они навсегда останутся великими воинами. И много чего ещё обещал этот старик. А потом я спросил его, что случится, если я не послушаю его, и останусь у этой фермы, и разорю её, и всех убью, потому что давно мне не доставляли столько беспокойства, и я спросил, что будет, если я и дальше стану грабить ваши земли, и убивать чечухов, и брать в плен иззвенов.

Зингл надолго замолчал, словно забыл, что только что говорил с Сергеем.

– И что Савва? – не выдержал Ерёмин.

Зингл, не мигая и не шевелясь, смотрел ему в глаза. Сейчас его лицо казалось белой неживой маской. Он долго не отвечал, но потом заговорил неожиданно резко и громко.

– Старик сказал, что если я его не послушаю, бехорги, которые давно хотят встать во главе моей армии, но враждуют между собой, они договорятся друг с другом и убьют меня. Но никто из них не сумеет удержать власть. И войско моё распадётся на части, растеряется, исчезнет, растворится в пыли дорог, – лицо Зингла искривилось. – И ещё он добавил, что после эпохи хаоса дважды появлялись великие орды, и Господин Неба и Земли предлагал вождям этих орд тот же договор, что и мне. Но они не послушали его. И кто помнит о них? Даже следа не осталось. Согласись, барг Сергей Ерёмин, мне есть над чем поразмышлять. И совета спросить не у кого.

– А что с твоим плечом? – спросил Ерёмин. – Ведь ты был утром ранен.

– Старик дотронулся до него и исцелил, – произнёс Зингл. – Он сказал, что этим подтверждает верность своих слов и закрепляет обещание, данное Господином Неба и Земли.

– И ты ему по-прежнему не веришь? – поразился Сергей.

– Я думал, это колдовство чечухов, – признался вождь. – Выродки любят ворожить.

– Так что ты собираешься делать?

– Пока не знаю, - продолжил Зингл. – Подумаю. Возможно, я и оставлю в покое ваши земли, и поверну на восток, в страну Татарию. Но если старик обманул меня, то вы очень об этом пожалеете. Я вернусь с войском, ещё более могучим и разорю вас дотла. И никого не оставлю в живых.

– Я не думаю, что Савва обманул тебя, – произнёс Сергей. – И я считаю, что он предложил тебе хорошую сделку.

– Жить с самками выродков? Не такая уж это радость, – презрительно скривился вождь.

– Чечухи такие же люди, как мы. И у них не самки, а женщины, – заступился за чечухов Сергей. – Только наши гены изменили медики, а их гены исказила природа, – объяснил Ерёмин, но про себя он радостно ухмыльнулся – так этим диким и надо, сам-то он никогда бы чечуху не поцеловал: хоть и люди они, но такие страшные – совсем на людей не похожи.

– Кстати, старик оставил предзнаменование и насчет тебя, – Зингл помолчал, с интересом наблюдая за реакцией Сергея. – Он сказал, ко мне в шатер принесут раненого барга, притворяющегося диким. Он сказал, что я не стану тебя убивать и брать в плен, потому что пройдут годы, и ты придёшь в Татарию. И будешь жить в моих шатрах. И все дикие, даже бехорги станут относиться к тебе с великим почтением. И ты расскажешь всем народам, даже тем, что живут под куполами, о величии моего царства. И память о твоих словах останется навечно. «Но сейчас этот барг не готов, – добавил старик. – Прежде чем случится обетование о нем, барг пройдет немало дорог, и многому должен будет научиться».

Вождь громко хлопнул в ладоши, и в шатёр заглянул часовой.

– Впусти лекаря, – властно приказал Зингл.

Бритый лекарь обработал раны и кровоподтеки Сергея, а затем напоил его какими-то травами. Всё это время вождь продолжал сидеть, скрестив ноги, и наблюдая за пленником. А затем Ерёмина сморил сон. Он хотел продолжить разговор с Зинглом, но усталость прошедшего дня взяла свое. Он заснул.

31

Пробудился он через несколько часов. Над лесом всходила заря. Пели птицы. Но не было слышно стука топоров, разнузданного гогота диких, не горели вокруг костры. Сергей лежал у кромки леса на ковре. Только этот ковёр и остался от шатра, да ещё круглый большой след на траве.

Рядом с собой Ерёмин увидел две большие ровные палки – словно кто-то специально для него подложил их. «Спасибо тебе, Зингл», – улыбаясь одними губами, подумал он. Опираясь на палки, он с трудом поднялся на ноги и заковылял к скиту. Он прошёл несколько шагов, и вдруг ворота распахнулись, и навстречу ему уже неслась Подосинкина, а за ней бежали Ваня, и Ксюха, и Маралин.

– Вы меня убьёте, – ворчал Ерёмин, когда они бросились его обнимать, но счастливые слёзы катились по его щекам.

Победу отпраздновали за столом трапезной. Было выпито много браги. Было сказано много добрых слов о погибших товарищах. Ерёмина без конца расспрашивали о его походе к Савве, но что-то мешало ему рассказать друзьям и о встрече с преподобным, и о беседе с вождем орды. То, что случилось с Сергеем, было слишком великим, чтобы об этом можно было просто так разговаривать, за столом, разменивая пустыми словами.

Впереди их ждала работа. Нужно было восстанавливать хозяйство, лечить раненых, помочь разорённым соседям. Но сперва предстояло похоронить убитых. Иззвены, в

отличие от городских, закапывали тела своих в земле. Каждый на своем участке. И сначала фермеры так и думали – отвезти тела по своим хозяйствам, но затем договорились устроить небольшое кладбище на том месте, где стоял лагерь Зингла, оттуда прилетели пули и стрелы, унёсшие жизни защитников скита.

Восемь человек, завернутые в белое полотно, лежали в глубоких ямах. И ещё три ямы оставались пустыми – от тел Майка, Виктора и старого охотника, которого никто не знал по имени, от них ничего не осталось. Пафнутий прочитал поминальные молитвы. Затем каждый рассказал о своих товарищах то хорошее, что помнил о них. А в конце, когда ямы уже начали засыпать землей, Игорь Маралин прочитал свое новое стихотворение:

Мы не выбрали время, в котором живём,

пашем землю и строим под небом свой дом,

умираем, скорбя, воскресаем, любя –

это время нас выбрало всех для себя.

И нам кажется, что будет вечным рассвет,

будет тихой река, места подвигам нет,

что дорога нам будет для лёгкой ходьбы,

и не встанет судьба, словно конь, на дыбы.

Но подходят для подвигов все времена

тем, кто ценит свободу сильнее, чем страх.

Спите павшие, кровью своей имена

записали навечно вы в наших сердцах.

Пусть нам кажется, что одинаковы все

меж землёю и небом идём по росе,

ночь бывает труслива, бывает храбра,

и заставит свой выбор нас сделать судьба.

Не единым сегодняшним суетным днём

мы на свете порою с тобою живём,

воскресаем, любя, умираем, скорбя,

и не зря время выбрало нас для себя.

Ведь подходят для подвигов все времена,

если тяга к свободе сильнее, чем страх.

Спите павшие, кровью своей имена

записали навечно вы в наших сердцах.

Только к вечеру кто-то вспомнил о запертой в рухлядной Каролине.

– Я больше не хочу тебя видеть. Никогда, – сказал Стас предательнице. – Мне стыдно, что ты жила в моём доме. Убирайся из наших мест! Пусть в Звенигороде и его окрестностях навсегда забудут твоё имя.

Больше никто не разговаривал с Каролиной. Все обходили её стороной, молча, даже не смотрели в её сторону. Никто не видел, когда она ушла, но только к утру о ней никто уже не вспоминал.

Первыми уехали фермеры, в чьём доме не было раненых. Они уводили с собой своих лошадей, которых удалось собрать и вернуть на скотный двор, и коров. Лица у отъезжавших были печальными. Они не знали, что их ждет впереди – сохранились ли их запасы овощей, целы ли их дома, поля и дворы. Беда объединила всех, и люди договаривались навещать друг друга и помочь в восстановлении хозяйства.

Стас забрал четырех оставшихся жён и пушку.

– Будет во мне нужда – приезжайте, – обратился он к Соне и Еремину. – Для вас я до конца жизни всё сделаю задарма.

Дольше всех оставалась в скиту баба Рита – именно благодаря ей удалось исцелить раненых. Но вот пришла и её очередь прощаться с обитателями фермы. И снова остались одни Пафнутий, Соня, Игорь, Ваня, Ксюха и Сергей. В скиту стало непривычно пусто. И фермеры с трудом возвращались к обычной жизни. Да и общаться друг с другом им стало намного сложнее. С одной стороны, они стали ближе, роднее друг другу, но куда подевалась та веселость и безалаберность, с которой они прежде жили?

– Это пройдёт, – успокоил Ерёмина Пафнутий, когда тот поделился с монахом своими переживаниями. – Просто ребятам надо придти в себя.

32

Через несколько дней после того, как орда покинула окрестности скита, Ерёмин втайне от всех решил отправиться на поиски гусей. Встал рано – так, что даже Подосинкина ещё спала. Вооружился двумя палками, с помощью которых передвигался эти дни, и побрёл в сторону Сторожевки. Трава в лесу была вытоптана. Повсюду виднелись следы от кострищ. Трижды он наталкивался на брошенные в кустах полуобъеденные зверями трупы чечухов – слишком поздно те отправились в путь, не все племена успели укрыться от орды.

На речке, там, где они всегда плавали, гусей не было. Сергей заковылял вниз по течению. Прошел мимо омута и знакомой ивы. Добрался до камышей, залез в них, надеясь, что хоть один гусёнок спасся. Но их нигде не было видно. И тут он услышал тихое всхлипывание.

– Кто здесь? – громко спросил он.

Плач прекратился. Сергей подождал немного и, решив, что ему почудилось, вылез из камышей, чтобы спуститься еще немного по течению. Когда он сделал несколько шагов, сзади вдруг кто-то звонко чихнул.

Ерёмин остановился и огляделся.

– Кто здесь? – ещё раз крикнул он. Но снова ему никто не ответил.

Сергей вернулся в камыши и, раздвигая их палками, вслепую пошёл по воде в поисках неизвестного. Через пару минут он почувствовал резкий неприятный запах и понял, что движется в верном направлении. Внезапно он услышал впереди себя тихое прерывистое дыхание – кто-то затаился совсем рядом. Сергей ткнул палкой, и она упёрлась в препятствие. Ерёмин вытащил нож и осторожно отодвинул камыши.

Он увидел маленького чечушонка. Тот сидел на корточках и, обхватив себя руками, весь сжался и мелко дрожал. Вид у него был несчастный и жалкий. Из-под мокрого тяжелого балахона выглядывала испуганная позеленевшая мордашка с огромными карими глазами. Толстые губы побелели то ли от холода, то ли от страха. Широкие ноздри прерывисто трепетали, в такт дыханию. Ушные складки топорщились, словно крылья нетопыря, а средняя сморщилась и покраснела. Чечушонок втянул голову в плечи и издал резкий предупреждающий свист.

Ерёмин приготовился услышать ответный свист, но его не последовало.

– Ты здесь один, что ли? – растерялся Сергей. Но чечушонок в ответ только яростно завращал глазами. – От диких прячешься? Так они давно ушли. А твои где? Успели убежать? Нет? Ох ты, бедолага!

Ерёмин сделал шаг к чечушонку, но тот вдруг раздул среднюю складку и хрипло зашипел.

– Да ты весь простуженный. Дай я тебя из камышей хоть вытащу! – Ерёмин дотронулся до малыша, и тот дёрнулся, как будто его обожгло. Сергей потянул чечушонка к себе и тут же отдернул руку – малыш укусил его до крови. – Да что же мне с тобой делать, морда чечешуйчатая?! – рассерженно воскликнул он.

После долгой возни ему удалось засунуть детёныша в холщовый мешок – на счастье, прихватил его с собой. Думал, вдруг Женька израненная где прячется? Взвалив мешок на плечи, Сергей тяжело вздохнул – не судьба ему найти гусей, упустил он Женьку – ту самую, которой помог вылупиться из яйца. Ну что поделать, ладно. Хоть белый свет его питомица успела увидать.

У входа в скит его встретили ребята.

– Где ты был? – рассерженной птицей налетела на него Подосинкина. – Мы всю ферму обыскали! Тебе же ходить еще нельзя!

– Ты-ты-ты что? На охоте был? – изумился Ваня. – Ко-ко-кого поймал?

– Я ходил искать Женьку, – объяснил Ерёмин на упрёки во взглядах друзей. – А нашёл вот этого… – и он вытряхнул мешок прямо на землю. – Кажется, его родных убили… В лесу есть трупы чечухов.

– Фу! Какая гадость! – брезгливо воскликнул Маралин.

– Ты с ума сошёл? – открыла рот Подосинкина и забыла его закрыть обратно. Так и стояла с отвешенной челюстью.

Ваня ничего не сказал, только почесал затылок. А Ксюха вдруг рассерженно сверкнула глазами и закричала:

– Да вы что, не видите, это же ребёнок! Маленький! И ему плохо! Его же согреть надо! Накормить! Напоить!

– Воды он, кажется, много нахлебался, – заметил Ерёмин. – А насчёт поесть и отогреться – ты права, Ксюха. Но чечушонок этот совсем дикий. Зверёныш просто.

– Так он же боится нас! Мы же страшные! – воскликнула Ксюха и вдруг ласково засюсюкала. – Солнышко, ты хочешь кушать?

– Не так надо! – поправил её Ваня. – Он сел на корточки перед малышом и медленно, отчего стал сильнее, чем обычно, заикаться произнёс: – Че-че-чечу-чух хо-хо-хоче-чет есть? – при этом Ваня дотронулся до чечушонка, а потом показал на свой рот и стал делать вид, что жуёт. – Хо-хо-хочешь?

Вместо ожидаемой реакции чечушонок вдруг весь побелел, спрятал под руками лицо и тихонечко заскулил.

– По-моему, он решил, что ты хочешь им перекусить! – захохотал Маралин. – Забавная зверюшка!

От его смеха чечушонок испугался еще больше, бросился ничком на землю и зарыдал. Плечи его тряслись.

Ксюха вдруг вся вспыхнула:

– Как вам не стыдно? – сердито сказала она. – Я никак не ожидала от вас такого бездушия! Ведь мы для него такие же страшные, как чечухи для нас. Его семью убили дикие, а он думает, что мы – тоже они! Как вы так можете? – Ксюха нагнулась над чечушонком и что-то ласково заворковала ему в складку над ушной раковиной. Её было просто не узнать. Вечную лень и сонливость, как рукой сняло.

– Да мы не хотели его обидеть! – сказал Игорь. – Он же всё равно ничего не понимает. Только выглядит страшно.

Ксюха подхватила на руки слабо сопротивляющегося малыша и утащила его к себе, а фермеры растерянно смотрели ей вслед.

– Кто-нибудь знает, как его кормить? – спросила вдруг Подосинкина. – Что едят чечухи?

– Ну, ты же видела, - напомнил Сергей. – Червячков там всяких, насекомых, кору…

– Че-че-червей накопать не проблема, – пошутил Ваня. – Ка-ка-как их готовить? Тушить? Варить? Жарить?

– Ещё они людей едят! – встрял Маралин. – Помнишь, торговца в прошлом году…

– Тьфу на вас! – сказала Подосинкина. – Я ведь серьёзно. А насчёт торговца… может, и не съели они его. Может, они думают, что это мы их едим.

– Готовь чечушонку то же, что и нам, – посоветовал Сергей. – Чечухи – они такие же, как мы, люди. Возможно, ему наша пища покажется не вкусной, но он не отравится, это точно.

33

Игорь и Ваня почему-то не явились на обед. Подосинкина не знала, куда они делись, но беспокойства не выражала. Зато Ксюха привела к столу чечушонка. Выглядел он гораздо лучше. Зеленый цвет кожи поменялся на обычный для чечухов, серый. Губы порозовели. Ушные складки разгладились. Ксюха переодела малыша в свои шорты и рубашку, ушив их по размеру. Ерёмин никогда не видел чечуха в человеческой одежде и не мог сдержать улыбку, это выглядело и вправду смешно, но, увидев свирепый взгляд Ксюхи, он сразу же принял серьезный вид.

– Хорошо, что ты его вымыла, – заметила Соня. – От него теперь совсем не пахнет. А то как бы мы обедали?

– Он вообще очень милый и замечательный! – радостно сообщила Ксюха. – Кстати, я дала ему имя. Он его уже выучил. Артюшка! – позвала она и чечушонок тут же повернул к ней голову, показал на нее пальцем и тихо выдохнул : «Сюха?» – видите, какой он умный?

Для малыша Подосинкина специально приготовила салаты из сырых овощей, которые, ей казалось, должны ему нравиться больше, чем нормальная человеческая пища. Но малыш, прожорливо умяв свою порцию, хватая горстями овощи из салата, потянулся и за картошкой с мясом.

– Ложкой надо есть! Ложкой! – остановила его Ксюха. И стала учить его, как надо правильно есть.

Покончив с едой, чечушонок печально покачал своей большой головой и произнес:

– Чух мертвь, Ртюш Сюха, Сюха харя.

Подосинкина чуть не подавилась.

– Он тебя обозвал? – спросила она.

– Нет, он сказал, что чечухи мертвы, Артюшка у Ксюхи, а Ксюха хорошая, - неуверенно перевела девочка.

– Ну-ну, – многозначительно сказала Соня. – Воспитывай, раз взялась…

Поздно вечером вернулись Ваня и Игорь, перед собой они гнали поредевшее стадо гусей. Птицы нашлись на одном из притоков Сторожевки. Ерёмин бросился им навстречу. Он сразу увидел, что остались только гусята, взрослые птицы погибли или пропали. Сзади, как всегда немножко на отшибе от других, ковыляла Женька. Увидев Сергея, она взмахнула крыльями и громко гоготнула.

– Красавица моя! – обрадовался Ерёмин. После стольких тяжелых дней он наконец почувствовал себя успокоенным. И даже счастливым. Жизнь налаживалась.

Чечушонок Артюшка, отогревшись и отъевшись на ферме, оказался очень живым и смышлёным малым. Он излазил весь скит, правда, за ворота выходить побаивался. Ксюхе он старался помогать на огороде, и хотя часто выдирал вместо сорняков овощи, ему редко попадало. Артюшка быстро подхватывал незнакомые слова, хотя когда произносил их, понять его было сложно – он их сильно коверкал. Со временем Ерёмин стал лучше разбирать речь малыша – то ли попривык к ней, то ли Артюшка стал говорить правильнее.

Больше всех фермеров детёныш полюбил Ксюху. К ней он прибегал, когда чего-нибудь пугался или когда хотел о чём-то спросить. К другим обитателям скита он относился гораздо спокойнее. Ерёмина чечушонок уважал, хотя и побаивался. Сергею казалось, что страх, который охватил малыша при их первой встрече, оставил в его душе заметный отпечаток. Маралина Артюшка сторонился – недолюбливал его, и взаимно. К Соне по десять раз на дню наведывался на кухню – проверял, что она готовит. На Ваню, казалось, не обращал никакого внимания. Как ни странно, временами малыш заходил в церковь и подолгу пропадал в ней. Пафнутий тепло с ним разговаривал и даже, как-то отведя на колокольню, разрешил позвонить в колокол. С той поры это стал любимым Артюшкиным занятием. К счастью, трезвонить ему Пафнутий разрешал лишь дважды в день – когда служил в церкви. Дергая за веревку колокола, чечушонок счастливо улыбался и ушные складки его радостно топорщились.

Как-то раз, вернувшись с охоты, Ваня сказал, что видел в округе чечухов. Ксюха сильно встревожилась. Она перестала заниматься чем-либо ещё и проводила дни напролёт рядом с чечушонком.

– Боится, что Артюшка к своим убежит, – печально покачав головой, сказала Ерёмину Соня.

Через несколько дней, дежуря на башне, Сергей увидел, что мимо скита проходит племя Аргго. Чечухи шли к северу в своих унылых балахонах, медленно покачивая головами.

– Здравствуй, Аргго! Отец-Небо перестал гневаться? – спросил Ерёмин.

Чечухи остановились и рассказали, что не успели уйти, укрыться, как мимо них прошла орда. Воины Зингла кричали на них, оскорбляли, пугали, но никто не посмел ударить. Даже пальцем не тронул.

– Отец-Небо запретил диким убивать чечухов, – удовлетворённо произнес Аргго. – И теперь мы возвращаемся в родные места.

– Нам надо отдать чечушонка своим! – сказал Ерёмин во время обеда. – Он не нашего рода.

– Это мы для него свои! – возмутилась Ксюха.

– Сюха – мама Ртюшк, – поддержал её чечушонок.

Но Соня, Ваня и тем более, Игорь встали на сторону Сергея. Ксюха разрыдалась и пошла к Пафнутию уговаривать его заступиться за чечушонка. Но и Пафнутий сказал, что малыша следует отдать тому роду, из которого он произошел.

Поняв неотвратимость потери, Ксюха заявила, что сама отведет малыша к Аррго.

– Они-ни-ни убьют тебя! – возмущённо воскликнул Ваня. – Не-не-не пущу.

– А я и не спрашиваю, – отрезала Ксюха. И Ерёмин понял, что только отпустив девочку к чечухам, её удастся уговорить оставить у них Артюшку.

– Мы проводим вас, – сказал он.

Чечухов они догнали к вечеру. Племя уже остановилось на ночлег. Увидев идущего с фермерами Артюшку в шортах и рубашке, чечухи без слов пропустили их к Аргго.

– У этого малыша погибли родные, – сказал Сергей. – Мы нашли его и оставили у себя, до вашего возвращения, но теперь он должен жить у вас.

Аргго покачал головой.

– Не понять ни чечуху, ни человеку путь, которым следует мысль Отца-Неба, – сказал он, – оставьте детёныша и ступайте с миром.

– Я никуда не уйду! – вдруг воспротивилась Ксюха. – Я буду жить у вас, пока он не привыкнет. И я научу вас сажать овощи. И огонь разжигать. И что захотите. Только не выгоняйте.

И к удивлению Ерёмина, Аргго не стал возражать.

– И что-то-то нам делать? – озадаченно спросил Ваня.

– Пойдем домой, – ответил Сергей. – Мне кажется, что сейчас Ксюхе у чечухов безопасно, как никогда.

Ксюха вернулась через две недели. Она держала за руку Артюшку и радостно улыбалась. Увидев привязанность малыша к девочке, чечухи разрешили ей забрать его. Только условились, что если он захочет когда-нибудь уйти к ним, она его отпустит.

– Артюшка называл меня мамой! – радостно объясняла Ксюха. – Мама у чечухов – это женщина, которая родила и воспитывает ребёнка. Поэтому они и согласились… У чечухов детей воспитывают только мамы! – её голос прервал звон большого колокола – по случаю возвращения Пафнутий позволил чечушонку трезвонить в неположенное для того время.

34

Лекари Зингла не обманули: прошло не так уж много времени, и Ерёмин полностью оправился от побоев. Однажды, когда после долгого трудового дня он сидел у входа в свою келью, к нему подошла Соня и, опустившись рядом, положила голову на плечо. Она ничего не сказала, но Ерёмин понял без слов: девчонка пришла к нему. До утра. Или даже дольше – до той неуловимой границы, когда мужчина и женщина, выбравшие друг друга в пару, не задумываются разойтись вновь. А где та граница проходит и сколько до неё идти от момента встречи – кто знает? У каждой пары по-разному. Ночное небо было усыпано звёздами – большими и маленькими, яркими и едва видимыми, беспокойно-пульсирующими и лениво-спокойными. Они висели над головой – далёкие миры, отделённые от Земли тёмной бездной космоса.

– Обними меня, – полушепотом произнесла Соня.

И сама поднырнула под его правую руку, прижимаясь, доверяясь Ерёмину. Так они и сидели несколько минут, почти не шевелясь. Одна из звёзд, подвешенных на небо, неожиданно оборвалась и свалилась за дубовую рощу, туда, где по-прежнему охранял свою обитель Савва.

– Скажи что-нибудь, – всё также тихо попросила девчонка.

Но Ерёмин как-то неуклюже отстранил её и поднялся.

– Спать пора, – смущенно произнёс он, стараясь не смотреть на Соню. – День тяжёлый выдался, устал я. Ты это… иди тоже отдыхай. Замаялась за день.

Подосинкина мгновенно залилась краской: не то от обиды, не то от возмущения. Вскочила на ноги и, обжигая Ерёмина взглядом, выпалила:

– День тяжёлый?! Завтра у тебя будет тяжёлый день! И послезавтра тоже. Я к нему… – не договорив, она всхлипнула и стремглав бросилась прочь.

Сергей виновато смотрел ей вслед, понимая, что, не желая того, обидел самого близкого человека, который у него есть. Он тяжело вздохнул и отправился в келью. Сон не приходил долго, Ерёмин ворочался с боку на бок, пытался отрешиться от тяжёлых неприятных мыслей, думать о чём-то другом, но заснуть вышло только под утро. А уже через мгновение, как ему показалось, Сергея тряс за плечо Ваня.

– Подни-ни-нимайся, – тормошил он. – Подоси-си-синкина велела разбудить и ска-ка-казать, чтоб на мельницу собирался.

– Зачем?

– Деревья перемалывать.

– Шутишь что ли? – сразу же проснулся Ерёмин.

– Не шучу, – ответил Ваня, но зачем перемалывать деревья на мельнице, не ответил – сказал, что объяснять долго, а ему некогда, и вообще Подосинкина всё на месте покажет и расскажет.

Соня, однако, не то что не пожелала рассказывать, а вообще мало разговаривала с Ерёминым. Только по делу, отстранённо и сквозь зубы. После завтрака, когда Ерёмин грузил на телегу мешки с недавно выкопанной молодой картошкой (хоть и объявил им Стас, что будет бесплатно мельницу предоставлять, но решено было не наглеть, а отвезти ему часть урожая), к нему подошла Ксюха и тихо спросила:

– Между вами с Сонькой собака пробежала, что ли? Она вся не своя и рычит на всех по поводу и без повода.

– Какая собака? – не понял Ерёмин.

– А-а-а, – отмахнулась Ксюха. – Чечухи так говорят, когда кто-то поссорится. Собака, мол, между ними пробежала.

– Ничего не знаю, – помотал головой Сергей. – Я никакой собаки не видел.

Не рассказывать же в самом деле Ксюхе о вчерашнем!

35

Всю дорогу до мельницы, Соня демонстративно молчала, несмотря на все попытки Ерёмина заговорить. Лишь, когда он попросил притормозить у стен монастыря, послушно дёрнула поводьями, телега остановилась, и Сергей, спрыгнув на землю, произнёс:

– Я ненадолго, подожди несколько минут.

Отыскав пролом в стене – тот самый, через который он пролез во время осады диких, Ерёмин пробрался во двор монастыря. Остановился, собираясь с мыслями. И заговорил вслух:

– Спасибо тебе, Савва! Спасибо за всё, что ты сделал для нас…

Сначала речь его была сбивчивой, путанной, но затем слова сами стали приходить на язык – всё то, что ещё мгновение назад казалось сумбурным, обрело форму и легко складывалось в предложения. Окончив говорить, Ерёмин ещё несколько мгновений вертел головой по сторонам, надеясь, что Савва ему покажется, но нет, не показался. И всё же Сергей был уверен, что его услышали. Выбравшись на дорогу, он молча залез на телегу, и они с Соней продолжили путь.

Мельница встретила их, шумно махая крыльями. Издалека казалось, что она стоит прямо на крыше дома, но Ерёмин быстро сообразил: это дом построен вокруг её остова. Другим свои концом здание уходило за мельницу: на том, дальнем, краю располагались жилые комнаты мельника и его семьи. У ворот за забором, ограждавшим двор, было свалено с десяток срубленных дубовых стволов. Дальше по левую сторону шли хозяйственные постройки, конюшня, овин для сушки снопов перед молотьбой и несколько амбаров. По двору важно расхаживали на высоких крепких ногах несколько

индюшек с широкими хвостами, клюя зерно. Едва Соня с Ерёминым въехали за ворота, как из мельничной части дома вышел Стас, одетый в просторную рубаху, широкие штаны и рабочий фартук. В руках он держал полуобглоданную куриную лапу, а из-за спины его выглядывало смущенное личико девушки, чуть постарше Сони.

– Добро пожаловать, гости дорогие! – расплывшись в улыбке, произнёс он. – Никак древесину свою молоть? Во-о-н, фермеры мне уже подвезли для вас лесины, всё как договаривались. Да, знакомьтесь, – мельник сделал шаг в сторону, – новенькая моя. Девчонка с фермы героя нашего, Майка, земля ему пухом. Их дом-то совсем разорили, мужики погибли, вот – приютил.

Так началась для Ерёмина странная и непонятная работа на мельнице, продолжавшаяся несколько дней. По указанию Сони он ошкурил дубовые брёвна, распилил их на маленькие полешки, наколол тонкими щепами. Затем щепы перетёрли мельничными жерновами, превратив в рыхлую бесформенную массу. Целый день он посвятил тому, чтобы перенести эту массу в два больших чугунных чана, залить водой, а затем с помощью пехтилы – большой деревянной ступы – истолочь так, чтобы окончательно разъединить волокна и превратить содержимое чанов в ровную кашицу молочного цвета. Когда работа была закончена, мельник выдал Соне и Ерёмину две небольших деревянных рамы с натянутой металлической сеткой. Ею нужно было зачёрпывать из чана кашицу и трясти, чтобы стекла вода и волокна сволайкивались в единый лист. Затем рама переворачивалась, вытряхивая мокрый лист на сукно, сверху клался ещё один кусок сукна, на него – снова лист. Когда стопа достигала трёх десятков листов, подходил Стас и уволакивал её под специальный пресс в помещении мельницы.

– Ты мне скажешь, наконец, что мы всё-таки делаем? – не выдержал в один из дней Ерёмин.

– Бумагу, – холодно ответила Соня, давая понять, что дальнейшего разговора не получится.

Ерёмин вздохнул и продолжил трясти раму над чаном. Когда кипа вынималась из-под пресса, то сукно убиралось, а почти готовые бумажные листы развешивались на верёвках – сушиться. Зачем им нужна бумага, Ерёмин так и не спросил. Он думал о другом. О том, что им с Соней обязательно надо объясниться. И начать этот нелёгкий разговор придётся именно ему.

На обратном пути Сергей трясся в телеге и насвистывал мотив одной из баллад Маралина. Подосинкина сидела впереди, с поводьями в руках, не оборачивалась и молчала. Но её затылок и гордо выпрямленная спина были весьма красноречивы.

– Было время, – негромко начал Ерёмин переводить в слова сумбурные мысли, теснившиеся в его голове, – было время, когда я думал, что любовь – это просто партнёрские отношения. Тебе нравится женщина, а ты ей, и вы договариваетесь с ней встречаться в течение года. А через год – никаких тебе обязательств, ни даже воспоминаний. – Соня сидела, замерев, но Сергей видел, что её плечи напряглись. – Так жить удобно и просто, – продолжил он. – Но это ненастоящая жизнь. Настоящая жизнь – это когда любовь не прекращается через год. И через два. И через три. Она вообще никогда не заканчивается. Вот я, например, люблю Соню Подосинкину. Люблю её больше всех на свете. И знаю, что никогда её не забуду. Но… – Ерёмин замолк, боясь оскорбить Соню, а она не собиралась ему помочь. – Но есть человек, перед которым я в долгу.

– Ту другую ты любишь больше, - буркнула Соня, не оборачиваясь.

– Неправда! – воскликнул Сергей. Он не хотел говорить с Подосинкиной о Синицыной. Что он ей мог сказать? Он и сам-то ничего толком не понимал. О Женьке он не вспоминал давным-давно, просто не приходилось в последнее время, но вот сейчас, когда речь зашла о ней, он почувствовал, что в душе его зашевелилась тоска. Женька не ушла из его сердца, лишь деликатно уступила место новым впечатлениям. Ждёт ли она его? Это не так уж важно. Он всё равно вернётся, хочет она того или нет, он вытащит её из этого мёртвого города, из этой бесплодной жизни, он спасёт её. Без Синицыной он никогда не узнал бы, что на свете есть что-то, кроме длинной скучной линии между инкубатором и аннигиляторием. Он никогда бы не познакомился с Мастером. Никогда бы не оказался на ферме. Не увидел бы живого зверя. Не попробовал бы настоящего борща. Не сражался бы бок-о-бок с друзьями с бесчисленной ордой диких. Не спас бы крошечного чечушонка. Не узнал бы о распятом Боге, которого дикие называют Господином Неба и Земли, а чечухи – Отцом-Небом. Четыре месяца назад Женька казалась ему самым образованным человеком на свете, но сейчас её знания представлялись ему каплей в океане, в который он только-только вступил. Как объяснить ей, что сидит она лицом к луже? А надо всего лишь повернуться в другую сторону, и сделать один шаг. И океан откроется тебе.

– А у Стаса, между прочим, пять женщин, - невозмутимым голосом прервала молчание Подосинкина. – И ничего, все довольны. Иззвены, как хотят, так и живут.

– Ты не понимаешь разницы? Стас очень хороший человек. Может быть, для него так и правильно. Но я никогда не смогу обращаться с тобой так, как он со своими женщинами. Ты для меня намного важнее. – Ерёмин вспомнил Ксюху и чечушонка. – Не обижайся, но я к тебе отношусь, как мама к своему детёнышу. Ты для меня всё, - Сергей испугался, что Подосинкина вновь обидится.

– Как кто? – вдруг прыснула Соня.

– Ну ты же знаешь, что чечухи-отцы не так любят своих детей, как мамы. А я тебя именно так: нежно-нежно... – Ерёмин пересел поближе к переду телеги и ласково погладил Соню по голове. Он улыбался. И думал, что он самый большой, самый глупый, самый законченный в мире дурак.

36

Утро на ферме выдалось прохладным. По ночам восточный ветер гнал через окрестные дубовые рощи густые белые туманы, оставляя на листьях и траве влажные следы, а днём их жадно вылизывало тёплым красным языком Солнце. Воздух прогревался градусов до тридцати, чтобы вечером опять остынуть, принося желанную прохладу. Поёживаясь, Ерёмин взобрался на башню, держа в руке дымящуюся кружку горячего чая. Ксюха, утомлённая ночным дежурством, спала в углу, завернувшись в большой и тёплый Ванин плащ. Немного подумав – пара неторопливых глотков из кружки – Сергей решил её не будить: пусть покемарит немного, днём всё одно не дадут выспаться девчонке. С одной стороны, конечно, заснувшему на посту положена суровая выволочка, и это правильно, а с другой… Нет, пускай ещё поспит. Жалко.

Ксюху привёл на ферму Ваня. Как-то, разговорившись с Сергеем, он скупо поведал её историю. Сбежав из воспитательного дома, где девчонку постоянно ругали за излишнюю

мечтательность и рассеянность взрослые, и донимали насмешками сверстники, она почти год пряталась на одном из заброшенных островков Петербурга. Островок был совсем крошечным, некогда стоявшие здесь строения превратились в руины, скрыв под собой старинные подземные галереи. В них-то, через случайно обнаруженный проход, и попала Ксюха. В галереях стояли покрытые вековой пылью мраморные ящики с тяжёлыми крышками. «Должно быть, драгоценности, – подумала девочка, медленно двигаясь между ящиками. – А, может быть, вещи…». Она попыталась приподнять одну из каменных крышек, но силёнок не хватило: та даже не сдвинулась с места. Зато убежище оказалось идеальным: взрослым здесь нечего было делать, а детям ходить на заброшенный остров запрещалось. Свой электронный навигатор Ксюха утопила в Неве, предварительно усердно раздолбив камнем: возвращаться назад она не желала. Теперь она была сама по себе: маленький свободный человечек, обиженный на весь знакомый ему мир. Могла сидеть целыми ночами до утра (попробуй не уснуть в положенный час в воспитательном доме и пропустить учебный сеанс гипносна!) и рассматривать звёзды, могла плескаться в холодной воде Невы, фантазировать с закрытыми глазами, спрятавшись между руин или разрисовывать кусочком старинного кирпича стены гелерей странными и только ей понятными рисунками. Потребности в общении она не ощущала, ей было хорошо одной. Особенно после того, как, разобрав один из завалов, девочка обнаружила комнату со старыми книгами и журналами. Читать не в вирте было непривычно, но теперь у Ксюхи было несколько десятков собеседников. Они стояли на полке и терпеливо ожидали своей очереди. Только вот еда… Еду приходилось воровать. А для этого – вылезать в город. И пугливо пробираться по его улицам, отчего душа уходила в пятки, а, может, вообще покидала тело – так становилось боязно, хоть кричи.

Зима выдалась короткой и тёплой, тут Ксюхе повезло. А весной, в один из солнечных мартовских дней, в её убежище неожиданно появились посторонние. Ксюха только что вернулась с очередной вылазки за едой: притащила целый пакет растворимой синтетической каши, и едва успела пристроить его в углу, как услышала негромкий шорох, затем стук от упавшего камня и, наконец, мужской голос:

– Здесь что ли?

«Неужели выследили»? – пронеслась перепуганная мысль. Стараясь не шуметь, девчонка отступила и спряталась за одним из мраморных ящиков.

– Здесь, спу-пу-пускайся, – ответил второй голос, чуть заикающийся и более юный.

Послышался шум, а затем удивленное мужское восклицание:

– Ни черта себе!

– Никто не зна-знает, – в Ксюхино убежище спустился второй незнакомец. – Случайно года два назад на-на-набрёл. Как думаешь, Вовка, что в них?

– Сейчас узнаем! – оптимистично заявил Вовка. – Тяжеленная какая… Ну-ка, парень, доставай ломики. Ты с той стороны, я с этой…В щель вставляй, видишь, тут паз? Ну, раз-два! Ага, двинулась, двинулась! Ещё давай, вот так, ага… Навались, толкаем…

По ушам Ксюхи словно взрыв ударил: мраморная плита, выбравшись из пазов и подталкиваемая незнакомцами, свалилась на пол, подняв облако пыли. Мужчины дружно чихнули – раз, другой, а потом…

– Что это? – раздался в тишине голос парня, неожиданно переставшего заикаться. – Вовка, он живой?

– Мёртвый… – как-то глухо ответил его спутник.

– А почему… – начал было парнишка, но Вовка не дал ему договорить.

– Потому, – отрезал он, и после паузы добавил: – Эти ящики – саркофаги, вот что это, парень. Слышал я о таком, но самому видеть не доводилось. Вот уж не думал, что посреди города… Знаешь, Ванюха, по-хорошему бы нам вернуть крышку на место надо, но не поднимем.

Он немного помолчал, и повторил:

– Нет, не поднимем. Пошли отсюда, саркофаги трогать нельзя.

– Почему?

– Пошли, говорю! Много будешь знать – помрёшь скоро.

Едва они выбрались наверх, как Ксюха тихонько выскользнула из своего укрытия и подошла к открытому ящику. Мертвецов она не боялась, пепел он и есть пепел. И человеческий ничем не отличается от обычной золы вперемешку с пылью. Но в саркофаге, как назвал его Вовка, находился вовсе не пепел. В потерявшей цвета, полуистлевшей, старинной одежде лежал в нём иссохший человек. На вид он был ужасен: кожа да кости. Казалось, страшный человек этот никакой не мертвец, он просто уснул, но сейчас откроет глаза и посмотрит прямо на Ксюху. Не помня себя от ужаса, девчонка заорала благим матом и…потеряла сознание. А когда очнулась, то увидела, что над ней склонился парень, чуть старше её.

В подземелья Ксюха больше не вернулась. Вовка поселил их с Ваней в настоящей городской квартире у знакомого иззвена. Иззвен был шумным, вспыльчивым и грубым, постояльцев нагружал тяжёлой работой, громко кричал да нередко возвращался домой пьяным. Но они терпели. Они очень быстро подружились: Ксюха и Иван. Он тоже оказался беглецом из воспитательного дома, только успел поскитаться по Загородью, поработать то на одной, то на другой ферме, даже попасть на пару месяцев в банду диких, но так нигде и не прибился. Пока не встретил в одном из посёлков Вовку. Смышлёный парнишка понравился копальщику, и тот нанял его за харчи помощником. А потом, видя, что жизнь скитальца пацана не прельщает – ему бы на одном месте осесть, пообещал отвести в город и пристроить у знакомого. Ну вот…пристроил…

Незаметно пролетел месяц, другой, вернулся в город откуда-то с севера Вовка, разругался с хозяином квартиры вдрызг – не до оскорблений даже, до драки. Оказалось, иззвен пропил за время его отсутствия чуть не половину оставленных на хранение находок. Забрав оставшееся, Вовка кликнул за собой ребятишек и увёл их с собой. Далеко

увёл. Так далеко, что даже организуй за ними погоню (хотя, кому оно надо?), их ни за что бы не отыскали. Так Ваня и Ксюха оказались у Пафнутия на ферме.

37

Ерёмин допил последним глотком полуостывший чай, поставил на крохотный столик кружку и оглянулся на девчонку. Та словно почувствовала, распахнула глаза и торопливо заявила:

– Я не сплю!

Попыталась встать, но запуталась в плаще и, чуть не упала на пол. Ерёмин коротко хохотнул, и собрался отпустить добродушную шутку, но тут краем глаза заметил движение на дороге.

– Вставай, Ксюха! – резко приказал он. – Идёт кто-то.

К ферме по невылизанной ещё от тумана дороге, подходили двое путников. Лиц было не разглядеть, но не чечухи, явно. Не та фигура, не те движения. Люди это были, и судя по росту – мужчины.

– Кого это к нам в гости несёт? – прошептал с тревогой Ерёмин.

– Может, из Звенигорода? – Ксюха уже стояла рядом. – Или фермеры? Нет, не фермеры – одёжка не та.

Путники их тоже заметили.

– Эй, смотри, есть кто-то! Есть! – неожиданно заорал один из них и принялся радостно пританцовывать на ходу.

– Кто таков? – грозно выкрикнула Ксюха. – А ну, стой!

– Ксюха, ты что ли?! Это же я, Вовка!

Это действительно был Вовка, а вместе с ним пришёл и Мастер. Лето оба провели вне Москвы, но так совпало, что в город они вернулись в один и тот же день. А на следующее утро был включен на полную мощь купол. Теперь не то, что иззвены, даже те, кому официально необходимо было покинуть город, вынуждены были отложить свои поездки. Самолёты не летали, на выходах из города двенадцатое звено заменили восьмым, а сами посты усилили втрое – всё говорило о том, что за куполом происходит что-то страшное. А тут ещё слухи, которые расползлись среди иззвенов от пришлых из Загородья: говорили о толпах чечухов, бегущих на юг, и о какой-то неведомой, жуткой, опасной силе, что согнала их с привычных мест обитания. Впрочем, для обычных горожан словно ничего и не случилось: самолётами они летали редко, за город не выбирались, с иззвенами дел почти не имели, а в официальных новостях по поводу закрытия купола царила полная тишина.

Едва открылся купол, как Мастер и Вовка, измученные неизвестностью и тревожными слухами, покинули город и поспешили на ферму. Идти пришлось в обход,

минуя Овражину, лишних полсотни километров, и за всё это время им не встретилась ни одна живая душа.

Всё это они рассказали фермерам потом, а в первые минуты встречи были только радостные восклицания, смех и объятия. Через четверть часа пришедшие сидели в трапезной, сняв сапоги и устало вытянув ноги, и слушали сбивчивый пересказ событий – рассказывали все разом: Соня, Ваня, Игорь, даже Ксюха, и только Ерёмин больше молчал, смущаясь от того, как расписывали его подвиги друзья. Вскоре в трапезной появился Пафнутий, приветствовал гостей, благословил завтрак и, шепнув несколько слов Джону Матвеевичу, увёл его с собой.

Завтрак получился весёлым, шумным, почти праздничным: как-то само собой забылось, что на ферме полным-полно неотложных дел. Забылось-то забылось, но все же ненадолго. Первой, как ни странно, забеспокоилась не Соня, а Ксюха. Вздохнула громко, неохотно поднялась и пошлёпала к двери.

– Пойду Артюшку покормлю, – заявила она. – Небось ноет уже. Услышал, что чужие пришли – спрятался.

– У вас ещё один фермер?– заинтересовался Вовка.

– Угу, – ухмыльнулась девчонка. – Фермер. Чечух он.

– В плен взяли?

– Это он нас в плен взял, – вставил Маралин. – Носятся тут с ним некоторые, как с писаной торбой. Особенно вот она, – он ткнул пальцем в Ксюху, – и Пафнутий. Думают, из чечушонка человека можно вырастить. А я считаю, напрасная это затея!

– Так это малыш что ли? – не отставал Вовка. – А ну подожди, я тоже посмотреть хочу!

И они с Ксюхой отправились кормить Артюшку, а вслед за ними, подумав, увязался и Маралин. Остальные вдруг разом вспомнили, что у них тоже есть свои неотложные дела. День прошёл в насущных заботах по хозяйству, и Ерёмину как-то недосуг было разговаривать с гостями, да и видел он их до того лишь раз. Вовка мелькал то тут, то там, неизменно сопровождаемый Маралиным, который ходил за ним, разинув рот: мальчишка никогда до тех пор не встречался с настоящим копальщиком. Любознательность гостя поражала: он даже зачем-то смотался не то на мельницу, не то на соседнюю ферму – Ерёмину недосуг было расспрашивать, да не особо и знать хотелось. Сергея томило тяжёлое предчувствие. Словно вот-вот должно случиться нечто, что снова перевернёт его жизнь – как тогда, в городе. Отчего-то он твёрдо был уверен: Пафнутий и Мастер ведут разговор о нём. Не всё время, конечно, о нём, только в самом главном, но от этого его судьба изменится раз и навсегда. Он почти не удивился, когда уже ближе к вечеру, к нему подошёл Мастер и позвал с собой, неожиданно назвав по имени-отчеству:

– Завтра, Сергей Алексеевич, уходим в Москву. У тебя есть вечер, чтобы проститься с друзьями.

– Зачем в Москву? – удивился Сергей. – Я не хочу!

Но Мастер в ответ лишь усмехнулся – грустно и по-доброму, как усмехаются в ответ на слова ребенка – похлопал Ерёмина по плечу и, молча, вернулся в церковь. Сергей долго стоял, смотря на закрытые двери и пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами. Предчувствие не обмануло: жизнь его снова менялась, и он чувствовал, что перемены эти необратимы.

Вопреки пожеланию Мастера, Ерёмин решил попрощаться с друзьями утром. Вышло очень трогательно: Ерёмину наговорили столько добрых слов, что он невольно засмущался. Ваня крепко жал руку, говорил, что Ерёмин теперь настоящий фермер и зазывал обязательно вернуться на ферму на следующий год. Вовка сообщил, что собрался к Тёмному морю, там, мол, нашли под водой древний город, но в следующий раз, если Ерёмин захочет, он с удовольствием возьмёт его с собой. Ксюха расцеловала в обе щеки, и даже вертевшийся вокруг неё чечушонок пролепетал что-то на своём полупонятном языке. Ерёмин потрепал его по голове и, неожиданно для самого себя, наклонился и поцеловал в лоб. Маралин долго ожидал своей очереди, а потом, на прощание, прочитал своё новое стихотворение.

В край, где он ни разу не был,
в край без горя и разлук
полз по глиняному небу
солнца жёлтого паук.

Плёл рассветы и закаты
по пути из спелой ржи,
облака из мягкой ваты,
из простой воды дожди.

И ночами на свирели
в отражении Луны
воробьи и свиристели
пауку свистели сны.

О счастливом дальнем крае
и о трудностях пути,

в путь-дорогу наставляя

через новый день ползти

вдаль по глиняному небу,

через звёзд погасший луг

в край, где он ни разу не был,

в край без горя и разлук.

Лишь Соня не принимала участие в этих проводах. Она собирала рюкзаки, укладывая еду на дорогу, кипы листов бумаги, изготовленных на мельнице да бутыли с загадочной жидкостью, которую настаивала в июне из замоченных дубовых листьев. С Соней они простились вечером. Прощание это было грустным и нежным: они долго сидели под ночным небом и вспоминали о своей первой встрече, о вишневом саду в Жаворонках, о походе через Овражину и прошедшем лете на ферме. Уходя, Соня грустно улыбнулась и неожиданно произнесла:

– За Женька не волнуйся, в суп не пойдёт.

Утром, когда Сергей с Мастером вышли за ворота, и фермеры стали расходиться по своим делам, Подосинкина ещё долго стояла, глядя на удаляющиеся фигурки путников, и после того, как они совсем скрылись из виду, смахнула слезинку и отправилась назад, в трапезную.

38

Ерёмин и Джон Матвеевич возвратились в Москву без приключений. Дорога заняла всего день. И день этот был погожим на загляденье. Тёплый, с мягким, выглядывающим из-за облаков солнцем и лёгким ветерком, дувшим навстречу. Ерёмин хотел поговорить с Мастером на обратном пути, но тот приложил палец к губам, и больше Сергей не предпринимал попыток обратиться к нему. Он шёл по старой дороге и, насвистывая мотив «Баллады о спиногрызе», грустил. Позади остался самый интересный, самый важный этап его жизни. Увидит ли он когда-нибудь своих друзей? И монаха Пафнутия? И чечушонка Артюшку? Запомнят ли они его? Завтра у ребят начнётся сенокос, потом заготовка дров, и сколько у них дел – не счесть. Не до грустных воспоминаний. Правда, быть может, Маралин найдёт минутку и сложит о нём, о Ерёмине, стихотворение. Интересно, о чём он в нём расскажет? А Женька… Если Сергей вернётся на ферму, узнает ли она его? Женька сейчас уже почти взрослая гусыня.

Ерёмин поймал себя на мысли, что обратная дорога совсем не похожа на ту, которой он шёл из города четыре месяца назад. Тогда ему всё казалось внове, всё удивляло и поражало воображение. Надо же, он тогда поверил Соне, что комары – это гигантские кровососы размером с собаку, а яйца растут на дереве. Воспоминания нахлынули на него, и через призму сегодняшнего дня в него вошёл тот давнишний, когда он в первый раз

увидел настоящую, живую землю. Сергей был благодарен Мастеру, что тот остановил его, не дал разговорами разменять этот день по мелочам, позволил вернуться в прошлое. Он был уверен, что Джон Матвеевич не случайно оборвал его, когда он спросил у него что-то незначительное.

Завидев свалку, окружающую город и маячащий впереди охранный пост, Ерёмин испытал отвращение – ему не хотелось возвращаться в Москву. Он не верил, что новая жизнь окажется интереснее той, что была на ферме. И он ошибался…

К Мастеру домой они пришли очень поздно, скинули рюкзаки, поужинали и легли спать. Утром Ерёмин первым делом вспомнил о Синицыной.

– Есть женщина, с которой мне очень надо поговорить! – сказал он Мастеру. – Это очень-очень важно! Позвольте на пару часов отлучиться?

– Успеется, – мягко усмехнулся Джон Матвеевич. – Сходишь вечерком. Сегодня у тебя важный день. О тебе все очень хвалебно отзывались, и я принимаю тебя в подмастерье.

– А я ведь так и не знаю, чему вы учите! – вспомнил Сергей.

– А чему бы ты хотел научиться?

– Сейчас! – воскликнул Ерёмин и полез в свой рюкзак.

В рюкзаке теснились уложенные Соней бесчисленные свёртки. В кармашках были упрятаны бутылочки с загадочным отваром больных дубовых листьев. А вырезанные из дерева фигурки оказались на самом дне.

– Вот! Видите! – показал Сергей Мастеру. – Это спиногрыз. А это свинорыл. Вот это гусёнок Женька – совсем ещё маленькая. Это наша Соня. А вот это Зингл – вождь диких. А перед ним стоит преподобный Савва.

– Ты видел Савву? – удивился Мастер. – Расскажи.

Ерёмин никому ещё не рассказывал о встрече ни с Саввой, ни с Зинглом – всегда отмалчивался или уводил разговор в сторону. Но сегодня он почувствовал, что наступил тот самый - важный момент, его рассказ не пропадёт втуне, не превратится в сказку о белом призраке, не оскорбит память погибших. Он говорил долго, а Мастер внимательно слушал.

– Это всё очень интересно и крайне важно, – сказал он, когда Сергей закончил свой рассказ. – И ты хотел поведать миру о нём в этих фигурках? Ерёмин кивнул.

– Воспоминания теряются, – объяснил он. – Как поведать людям под куполом о том, что я увидел?

– А стоит ли им об этом говорить? – спросил Мастер. – Разве они хотят это услышать?

– Они не хотят, потому что не знают, что есть иная жизнь – жизнь не под куполом. Вот если бы знали…

– Очень хорошо, – сказал Мастер и поставил на стол одну из бутылочек. – Это отвар чернильных орешков. – Он что-то насыпал в бутылочку, какой-то порошок, и жидкость вдруг стала чёрного цвета. Джон Матвеевич открыл один из сониных свёртков. Там лежали гусиные перья – те самые, что нужны для ровного полёта стрел. Мастер взял одно перо и ножом очинил его край. Затем он взял самый большой свёрток и развернул его. В свёртке лежала изготовленная на мельнице бумага. – Умеешь ли ты писать? – спросил Джон Матвеевич.

– В вирте достаточно подумать…

– Нет, не в вирте… Держи-ка перо. Нет, не так. Посмотри, как это делаю я…

Сергей взял в руки гусиное перо. Может быть, оно принадлежало Женьке. А может, Пузану. А может, Карге… Множество мыслей и воспоминаний пронеслись в его голове.

– Теперь окуни перо в чернила. И пиши на бумаге. То же, что я. Небольшой крючок спереди, а затем перо вздымается ввысь и после этого, как подстреленная птица, резко падает, но находит в себе силы и снова поднимается и тянется вверх, достигает середины и уходит в сторону. Молодец! У тебя получилось с первого раза. Итак, ты написал заглавную букву «А».

– Зачем это? – спросил Ерёмин.

– Ты хочешь рассказать людям о том, чего они не видели, но не просто рассказать, а достучаться до их сердец, изменить ход мыслей. Это не так просто. Для этого нужно очень и очень потрудиться. Для этого Мастера прошлого и писали книги. – Джон Матвеевич указал Сергею на книжную полку. – Прежде книги печатали на специальных станках в типографиях. Но сейчас типографий нет. И тебе предстоит научиться писать самому. И самому распространять свои книги. Кстати, пока не забыл, - Мастер стукнул себя по лбу. – Вот твой терминал. Возвращаю в целости и сохранности. Ты, помнится, хотел по возвращении купить гравицикл?

– Да нет, не хочу, – сморщился Сергей. – А хватит у меня денег обустроить типографию?

– Я в тебе не ошибся, – улыбнулся Мастер.

Ерёмин учился писать пером по бумаге до самого вечера, когда Мастер наконец отпустил его.

Ну что же, – сказал он, – первый урок закончен, всё очень хорошо, завтра продолжим. Ты хотел отправиться к своей женщине?

Сергей шёл к Синицыной пешком через весь город. Он не знал, как она его встретит, но его это не слишком сильно беспокоило. Он знал, что сумеет увести её за купол, показать новый мир, он был в этом уверен. Как и в том, что неслучайно встретился с Женькой на службе, неслучайно увлёкся её разговорами, неслучайно услышал о Мастере, а затем выиграл миллион в ВОБЛе и нашёл в себе силы от него отказаться. И уж, конечно, неслучайной была его встреча с Пафнутием, Соней, Игорем, Ксюхой и Ваней. Неслучайно ферма оказалась в скиту возле обители. И Савва, и Зингл – они все были повязаны с ним,

Ерёминым, невидимой нитью предназначения, которое ему предстояло исполнить – поведать людям о том, каков мир на самом деле. Но первым, кому он приоткроет этот мир, Сергей знал, будет Женька Синицына…

Краткое описание зарождения Ташкирменского царства

Лето 40-е от основания Царства на Ташкирмене.

Нынче по просьбе друга моего Правителя Зингла и по желанию своему записываю кратко для потомков описание Царства на Ташкирмене, основанного сорок лет назад. Свидетели первой встречи нашей, у монастыря Саввы, живы все и могут подтвердить рассказ мой, если у читателя возникнут сомнения.

Когда по просшествии долгого времени началось на севере от земель московских похолодание, по всей территории той разбросаны были группы иззвенов, ушедшие из городов. Одни иззвены строили фермы и вели осёдлое хозяйство, другие – охотились на зверя и удили рыбу, третьи – разбойничали, нападая и грабя поселения. Все они родились когда-то в городах, и женщины их не имели потомства. Помимо иззвенов жили в Загородье ещё и другие люди, называющие себя чечухами. Это были одичавшие и изменённые природой потомки людей, выживших вне городов во времена Великой Беды. Чечухи тоже жили небольшими группами, но рождались от женщин естественным путём. Если кому-то интересно узнать о тех временах подробнее, он может отыскать и прочитать мою книгу под названием «Вне купола: Описание быта и занятий иззвенов».

Похолодание принесло для всех жителей севера из земель петербургских, карельских, финских большие беды: благодатная прежде почва перестала давать урожай два раза за год, многие животные, на которых охотились иззвены и чечухи, ушли на юг, не вызревал больше виноград, апельсины и орехи. Наступили тяжёлые времена: один иззвен нападал на другого, отбирая последнее, а на него нападал третий, а на третьего – четвёртый. Тогда и появился в северных землях небольшой отряд, который привел из далёкой Сибири человек по имени Зингл. За несколько лет он сумел объединить разрозненных группы диких иззвенов (разбойничающих на дорогах и не ведущих собственного хозяйства) в большую и сильную Орду. Обходя города, его огромная армия двинулась на юг в поисках добычи, по пути убивая чечухов, разоряя фермы и пополняя свои ряды их прежними работниками. В ужасе и страхе бежали перед ордой чечухи, стремясь отыскать место, где можно укрыться от неминуемой смерти. Так продолжалось, пока войско Зингла не остановилось у монастыря Саввы, чей дух охранял стены обители. Зингл хотел взять штурмом небольшую ферму, но был ранен, а потом свершилось чудо. К нему пришёл Савва и, излечив прикосновением рану, велел оставить осаду и идти в Татарию, обещав великое и долгое царство. Тому свидетель я сам, видевший дух также ясно, как вы видите перед собой листы моей летописи. И сказано было Саввой, что Зингл уже третий, кому предлагалось начать историю земную с начала, но первые двое не поверили духу, и сгинули в безвестности, не оставив потомкам даже имён своих. Для того чтобы царство не рассыпалось, едва постареет правитель, а также и после смерти его, повелел Савва иззвенам и самому Зинглу брать себе женщин чечухов и иметь от них детей.

Место, которое выбрал Зингл для своей ставки, располагалось на берегу речного моря, и, по словам местных иззвенов, издревле называлось Ташкирмень. Здесь были степи для того, чтобы пасти лошадей, и море, чтобы ловить рыбу, и земля, чтобы пахали её оседлые иззвены, а ещё здесь сохранились руины старой церкви, и Зингл повелел восстановить её и назвать церковью в честь Встречи со Святым Саввой. Для этого посланы были в разные края посланники, искавшие строителей и Мастеров. Сейчас в храме этом служит первосвященник Артемий, много сделавший для примирения иззвенов и чечухов. Судьба первосвященника – удивительна. Был он рождён в племени чечухов незадолго до нашествия Орды и утерян родителями при бегстве неподалёку от монастыря Саввы. Видится мне в том не злая ирония случая, а часть большого и сложного плана сил высших человека, размышляя о котором я написал несколько лет назад книгу под названием «Возвращение чечухов, или история тех, кто выжил и изменился», к коей и отсылаю любопытного читателя.

Сейчас, сорок лет спустя, вокруг ставки Правителя в Ташкирмене расстроился большой вольный город, столица Царства Зингла, простёршегося от земель смоленских на западе до земель пермских на востоке, и от моря Каспийского до морей Баренцева и Балтийского. Лишь города под куполами не подчиняются Правителю, а живут своей прежней жизнью. И кажется мне, что их время скоро уйдёт, ибо нельзя прятаться за куполами вечно, но отказаться от них они уже не способны.

Несколько раз из Москвы Зинглу привозили предложения о встрече с чиновниками сначала пятого, затем третьего и, наконец, второго звена, но он оставлял их без ответа. Города Правителя не интересуют, он мечтает расширить своё царство на восток – до самой Сибири, из которой в последнее время приходит немало путников-иззвенов: слухи о царстве Ташкирмень дошли и до тех краёв. Церковь в честь Встречи со Святым Саввой направила в Сибирь несколько своих послушников нести слово о Боге, а сам Зингл ведёт активные переговоры с приходящими оттуда иззвенами.

В Ташкирмене проживает почти двадцать пять тысяч человек, включая чечухов, для которых отведён отдельный район. Первые дети нового города уже имеют своих детей, и внуки иззвенов больше похожи на своих дедов, чем на родителей. В столице – пять мельниц, большой базар в центре, на который каждый день съезжаются фермеры, охотники, рыбаки и торговцы. Работают несколько кузниц, больничный дом, а в районе чечухов – швейные мастерские. Мужчины-чечухи трудятся в каменном карьере, где добывают камень для строительства домов. Из него был построен величественный дворец самого Зингла – трёхэтажный, с залом для торжественных обедов и приёмов, большим вишнёвым садом и террасами, спускающимися от дворца к речному морю. Неподалёку от дворца работает верфь, где строят лодки по заказу торговцев, перевозящих грузы от Великого моря на юге до глухих северных земель. В Ташкирмене осело множество Мастеров из разных мест. Они освобождены Правителем от налога, а за это обучают присланных им иззвенов своему мастерству. Мастера – одна из двух привилегированных каст. Вторая – личная дружина Зингла, части которой расквартированы во всех землях.

Конечно, не всё так гладко в жизни нового царства, ибо на свете не бывает гладких дорог. В пятом году было жестоко подавлено выступление бехорга Алтана, решившего захватить власть. В назидание остальным Зингл вывесил трупы бунтовщиков прямо на

базарной площади, а через три дня сжёг их, приказав свалить в общий костёр. В седьмом году в посёлке началась эпидемия – умерло сто сорок человек, но усилиями травников и чечухов она была погашена. Именно после того Зингл приказал построить больничный дом и ввел жёстокие наказания для тех, кто устраивает на улицах мусорные свалки. Посёлок стал чище, а отношение к чечухам изменилось к лучшему.

Через год степные чечухи попытались прорваться в посёлок, чтобы отбить своих женщин, успели спалить несколько домов, но были уничтожены подоспевшими дружинниками. И всё же иззвены постепенно привыкают считать потомков выживших такими же людьми, как и они сами. Тому способствуют женщины и дети – в общем-то, как во все времена в этом мире. А ещё тому способствуют единая вера и первосвященник-чечух Артемий – человек, уважаемый всеми в Ташкирмене и далеко за его пределами.

Таково краткое описание Царства на Ташкирмене, записанное мною, мастером Ерёминым Сергеем Алексеевичем для потомков.

Дальнейшая судьба друзей Сергея Ерёмина, записанная им самим

Лето 40-е от основания Царства на Ташкирмене.

Пафнутий, монах. Ему недавно исполнилось девяносто шесть лет, и он постоянно находится в ските на той самой ферме, которую некогда осаждала Орда у монастыря Саввы. Вместе с ним проживают Ксюха и Иван, добрые друзья мои, и воспитатели вместе с Пафнутием первосвященника Артемия, который не забывает их, и каждый год приезжает в гости. Ксюха и Иван ведут большое хозяйство, а Пафнутий обучает мальчишек, что присылает ему первосвященник. «Азбука Артемия», с нарисованными на каждую букву зверями, птицами и растениями, по которой обучался некогда сам первосвященник и по которой обучают ныне грамоте детей в Ташкирмене, создана была много лет назад Ксюхой. Она, Иван и Мастер Джон Матвеевич являются и авторами широко известной иллюстрированной «Энциклопедии охотника».

Джон Матвеевич, Мастер и мой учитель. Ему уже девяносто, но он по-прежнему бодр, имеет учеников и недавно прислал мне свой новый труд по истории древней Москвы. Там же он и проживает до сих пор.

Владимир, копальщик. Ему – семьдесят восемь, что для иззвенов, родившихся в городе ещё не много. Как известно, средний срок жизни инкубаторских детей – сто двадцать лет. В прошлом году он добрался аж до самой Африки и исследовал пирамиды и сфинкса. Рассказывает, что видел чернокожих чечухов верхом на горбатых лошадях. В августе каждого года он обычно возвращается в Москву, где его и можно отыскать.

Игорь Маралин, Соня Подосинкина. Они проживают в Звенигороде, по соседству с бабой Ритой. Игорь сочиняет напевные стихи, кои именует где-то вычитанным словом «песни», сопровождая исполнение музыкой на старинном инструменте под названием «гитара». Инструмент этот подарил ему Вовка, а Джон Матвеевич отыскал в своей библиотеке книжку по обучению игре на гитаре. Маралин много ездит по землям Царства

Ташкирменя с выступлениями, и известен сейчас чуть ли не в каждом поселении. Иногда вместе с ним выступает Соня: она сочиняет сказки и любит читать их маленьким детям.

Баба Рита. Травница. Ей уже девяносто, но выглядит она лет на семьдесят, благодаря своему лекарскому искусству. К ней часто приезжают в Звенигород для обучения молодые лекари, и Рита никому не отказывает.

Мельник Стас. Несмотря на свои восемьдесят, Станислав по-прежнему держит мельницу близ Звенигорода. У него большая семья, и восемнадцать детей. Узнав о том, что иззвены Зингла берут себе женщин-чечухов, он завел при мельнице целый чечухский гарем.

И, наконец, я сам. Мастер Ерёмин Сергей Алексеевич, проживаю в большом доме на берегу речного моря, неподалёку от верфи и дворца Правителя. Женя Синицына живёт со мной, она – старший бахорг-советник при дворце Правителя Зингла.

Июнь-август 2010